K45 4/39

5 1/9

XV-а 124.

МАКСЪ ЛЮДВИГЪ.

Подъ сѣнью одноглаваго орла

К 95 9/39

I 2/109

Изд-во „Освобожденіе", С. И. Литтель, Петроградъ-Москва.

Э-Ф
49249
ков
К45 4/39

МАКСЪ ЛЮДВИГЪ.

Подъ сѣнью одноглаваго орла.

Военныя „прогулки“ кайзера Вильгельма въ красное, синее и зеленое государства.

РОМАНЪ.

2729/07

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство „Освобожденіе“.
1914.

Типографія Т-ва „Грамотность“, 5-ая Рождественская, 44.

БИБЛИОТЕКА
Государ
№ 18948
20 X 19

I.

Ярко свѣтило знойное солнце, тяжело разстилая горячія испаренія. Трескалась изсохшая земля.

И все же сильные потоки воздуха, разсѣкая эти испаренія, носились со свистомъ, поднимали столбы песку, вызывая вой и грохотъ, сгущаясь и разсѣиваясь.

Этотъ вихрь не былъ, однако, въ состояніи сколько-нибудь охладить знойный воздухъ, раскаленную землю. Могъ охладить лишь кровь, горячую, жидкую, льющуюся изъ человѣческихъ тѣлъ, здѣсь и тамъ—потоками....

Вокругъ же живыхъ, копошащихся у ревущихъ орудій, скоплялась все болѣе удушливая, тяжелая пыль, представляющая смѣсь пороха, пота и огня своихъ и вражескихъ выстрѣловъ. Продолжительный шумъ битвы глушилъ ихъ все тяжелѣе, становился все гуще и гуще, усиливаясь тѣмъ больше, чѣмъ выше поднималось солнце...

И вотъ, ровно къ полудню, все кончилось.

Притупѣвшему слуху еще мерещилось глухое шипѣніе. Но небо и земля притаили дыханіе и медленно, словно съуживая кругъ, опустилась желѣзная тишина...

Тысячи глазъ пристально смотрѣли въ зрительныя трубы, направленныя съ горныхъ высотъ въ долину. Утромъ ихъ было больше, гораздо больше. Сколькихъ не хватаетъ? За нѣсколько мѣсяцевъ войны миришься со многимъ, многое становится безразличнымъ.

Только бы впередъ, добиться той удачи, на которую тратится вотъ уже три дня борьбы. Или удача пришла уже?

Нѣтъ отвѣта.

Дрожитъ внизу, освѣщенная мерцающимъ солнцемъ, равнина, дрожатъ тѣни на противоположныхъ холмахъ, дрожитъ темнѣющая даль...

Не виденъ непріятель, не видны и свои. Лишь вырисовываются неясныя очертанія ряда глубокихъ окоповъ, куда еще съ утра засѣла пѣхота. Они все еще не могутъ двинуться впередъ? Или тамъ никто ужъ и въ живыхъ не остался?

Все тихо, неподвижно.

Ясно можно уловить лишь стоны и страдальческій шопотъ раненыхъ.

Замолчите, вы!..

На одномъ изъ вражескихъ холмовъ сверкнулъ одинъ глазъ, другой, третій,—и много ихъ стало... Легкій синій дымокъ широко расплылся. При глухихъ ударахъ земли казалось, что гора будто сгорбилась и сейчасъ же опять выпрямилась.

— Пау!—раздался выстрѣлъ.—Пау, пау!—раздалось почти одновременно со всего гребня холма.

Увеличились ли силы непріятеля? Казалось, что-то измѣнилось. Не такой ли и раньше былъ потокъ огня и справа и слѣва? Ни у кого нѣтъ возможности прислушаться, присмотрѣться. Съ глухимъ гуломъ поднимается песокъ кругомъ, широко раскидывая камни, кустарникъ.

Падаютъ и люди; валятся орудія, когда съ громкимъ шипѣніемъ попадаетъ сталь на сталь...

Они *должны* уйти, тѣ напротивъ!..

Но тѣ не уходили. Палъ командиръ,—другой занялъ его мѣсто, хотя нечего было приказывать. Надо было только стрѣлять, стрѣлять... Палъ и второй, и третій... Скоро выбыли почти всѣ офицеры.

Но стрѣльба продолжалась.

Прискакалъ адъютантъ. Онъ сталъ искать уже павшаго генерала и, укрывшись за первой баттареей, прокричалъ поднявъ руки: «Нужно!...». Но раздался плескъ, который прервалъ его слова и бросилъ на землю два содрогающихся переплетшихся тѣла—его и его лошади...

Что «нужно» было? Никто этого не узналъ...

А стрѣльба все продолжалась...

Когда отвѣты непріятеля стали, наконецъ, ослабѣвать, съ высотъ можно было увидѣть, какъ своя пѣхота двигалась впередъ, какъ новыя массы слѣдовали за нею, а совсѣмъ вдали, пересѣкая равнину, мчалась конница. Они могли бы слышать безпрерывную канонаду съ обѣихъ сторонъ, слѣва и справа.

Но ничего они не видѣли, ничего они не слышали,—они только стрѣляли.

Пока кто-то скомандовалъ:

— Впередъ продвинуться! Впередъ!..

Кто-то опять искалъ генерала. Гнѣвнымъ голосомъ требовалъ отвѣта, почему не исполнено приказаніе, переданное черезъ адъютанта.

То былъ офицеръ генеральнаго штаба. Узнавъ, что здѣсь ничего неизвѣстно о существующихъ приказахъ,—онъ ускакалъ. Теперь ему ясна была причина,—и онъ кинулся вдоль выстроившихся на хребтѣ баттарей, чтобъ узнать, кто изъ офицеровъ еще остался въ живыхъ.

Отъ одной баттареи навстрѣчу ему отдѣлился лейтенантъ, солдаты, стоящіе у орудій, наскоро привѣтствовали подъѣхавшаго,—въ офицерѣ они узнали своего прежняго начальника, капитана Гегенау, впослѣдствіи, въ чинѣ маіора, поступившаго въ генеральный штабъ.

Маіоръ, здороваясь, перегнулся къ лейтенанту, тотъ же поднялъ къ нему свое вспотѣвшее, закопченное лицо съ странно выдѣляющимися бѣлыми глазами. Но разговаривать не было возможности: вихри песку осыпали ихъ и наполняли имъ ротъ, уши, глаза. Лошадь Гегенау испу-

ганно метнулась въ сторону; лейтенантъ, спотыкаясь, почти слѣпой и оглушенный, побѣжалъ, стеная: «стрѣлять, стрѣлять!» хотя выстрѣлы и не прекращались.

Маіоръ гнѣвно осадилъ свою лошадь и что-то выкрикивалъ. Но словъ его никто не слышалъ: съ оглушительнымъ грохотомъ вблизи снова разорвалась граната, опрокинувъ орудіе и нѣсколькихъ солдатъ.

Самъ почти глухой отъ окружающаго шума, Гегенау гнѣвно посмотрѣлъ на разрытое гранатой мѣсто и снова поднялъ руку, пытаясь что-то сказать.

Наконецъ, его услышали, повторили за нимъ. Послышалась команда, сигналы,—и ревущая вышка замолчала.

Замолчалъ и противникъ. Его вниманіе требовалъ къ себѣ ближайшій врагъ—атакующая пѣхота.

Гегенау направилъ артиллерію съ вышки въ долину,—галопомъ черезъ брызгающіе ручейки, черезъ глубокіе овраги,—на позицію, занимаемую передъ тѣмъ непріятелемъ.

Когда на небѣ, какъ и на землѣ, появились красныя пятна,—на небѣ свѣтлыя, на землѣ уже почернѣвшія и запекшіяся — немногіе изъ побѣдителей могли видѣть ихъ.

Послѣ трехъ дней и трехъ ночей безпрерывнаго боя,—можно ли совладать со сномъ? Тогда одинаково сладко спится на сырой землѣ, на поломанныхъ колесахъ, даже на трупахъ...

Скрюченные пальцы, страдальческія лица, даже стоны —кто чувствуетъ, кто слышитъ, кто видитъ ихъ?

Солнце поднималось; оно освѣтило разметавшихся спящихъ, скорѣе похожихъ въ своихъ неестественныхъ позахъ на окоченѣвшихъ труповъ.

Гегенау лежалъ на кучѣ песку и камней, спиной прислонясь къ лафетному передку. Подлѣ него стоя дремала его разсѣдланная лошадь.

Солнце поднималось.

Гегенау проснулся отъ какого-то прикосновенія. Онъ испуганно вскочилъ и ему пришлось зажмуриться отъ ударившихъ ему въ лицо лучей солнца.

Но все казалось спокойнымъ.

Онъ увидѣлъ трехъ канонировъ сонно и устало стиравшихъ съ орудія ночную росу и пыль.

Наполовину еще сонный онъ, отойдя нѣсколько шаговъ, сталъ смотрѣть въ зрительную трубу. Но все было окутано туманомъ, надъ которымъ разстилался коричневый дымъ. Чуть замѣтны были двѣ птицы — слишкомъ крупныя для птицъ—и медленно летѣли къ мѣсту, окутанному туманомъ.

Гегенау подозвалъ одного изъ канонировъ и шопотомъ, словно опасаясь, чтобы трупы не слышали его, поручилъ ему поискать кого-нибудь изъ адъютантовъ. Гегенау долженъ былъ передать кому-нибудь командованіе бригадой, чтобы вернуться въ генеральный штабъ. Пока же найдется адъютантъ онъ рѣшилъ заняться составленіемъ рапорта и для этого спустился въ укрытіе, вырытое для орудія.

Въ то время, когда онъ сидѣлъ тамъ, прислонясь къ дулу гаубицы, за письмомъ отчета, онъ услышалъ приближеніе всадника и затѣмъ громкій голосъ спросившій, кто является здѣсь командующимъ бригадой? Гегенау слышалъ, какъ кто-то назвалъ его имя, какъ скачущія лошади—ихъ очевидно было двѣ—приблизились и остановились недалеко отъ него.

Онъ поднялъ голову, чтобы посмотрѣть на всадниковъ, но за насыпью не могъ ихъ видѣть, и рѣшилъ продолжать письмо.

— Командиромъ здѣсь состоитъ Гегенау?—услышалъ онъ тотъ же громкій голосъ.

Послѣ утвердительнаго отвѣта наступило нѣкоторое молчаніе, и послышался голосъ второго всадника:

— Это тотъ Гегенау, на заводѣ котораго отливаются наши пушки и броня?

— Да...

Второй всадникъ, говорившій охрипшимъ голосомъ, еще кое-что спросилъ. Говорившій же громкимъ голосомъ, сталъ ему разсказывать, что онъ знаетъ маіора и часто видѣлъ его въ домѣ своего отца въ качествѣ гостя. Гегенау раньше былъ артиллерійскимъ офицеромъ, и въ чинѣ капитана вышелъ въ отставку, чтобъ посвятить себя небольшому доставшемуся ему отъ отца стале-литейному заводу, который онъ своимъ трудомъ довелъ до настоящихъ его колоссальныхъ размѣровъ. Съ началомъ войны Гегенау снова вернулся въ армію и, получивъ послѣ первыхъ схватокъ чинъ маіора, поступилъ въ генеральный штабъ, къ которому уже былъ близокъ и ранѣе.

— Вотъ какъ! Какое счастье!—воскликнулъ охрипшій.—Меня удивляетъ...

— Что здѣсь особеннаго? Я, напримѣръ, нисколько не цѣню этихъ «штабныхъ»,—отвѣтилъ другой полу-пренебрежительнымъ, полузавистливымъ тономъ, какимъ принято у многихъ фронтовиковъ говорить о генеральномъ штабѣ.—Впрочемъ, чему тутъ удивляться? Его отецъ—бывшій министръ, самъ онъ отливаетъ пушки, считается хорошимъ дипломатомъ, еще чѣмъ-то, дружитъ съ военнымъ министромъ, значитъ и съ фельдмаршаломъ, имѣетъ связи со всѣми кругами, вплоть до кайзера...

— Еще выше!—сказалъ Гегенау про себя, сидя въ ямѣ, и жирнымъ рѣзкимъ росчеркомъ кончая свой рапортъ.

— Ко всему, жена его—дочь нашего стараго правительственнаго пушечнаго заводчика, который тоже имѣетъ свои связи,—продолжалъ говорящій и, смѣясь, прибавилъ:—чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, скажу вамъ еще, что онъ имѣетъ двухъ сыновей.

— Трехъ, трехъ!—поправилъ его Гегенау про себя и надавилъ карандашемъ три жирныхъ точки на колесѣ лафета.—Старшему вчера минуло пять лѣтъ...

Со скрытымъ торжествомъ вышелъ онъ изъ окопа и увидѣлъ говорившихъ всадниковъ пристально высматривающихъ что-то своими зрительными трубами. Такъ какъ на нихъ была адъютантская форма, — онъ окликнулъ ихъ.

Когда они приблизились къ нему, онъ узналъ въ старшемъ оберъ-лейтенанта, сына генерала, считавшагося близкимъ знакомымъ его отца.

Оберъ-лейтенантъ, узнавъ маіора, былъ очень смущенъ и не отнималъ отъ каски своей руки даже тогда, когда, подыскивая выраженія и подбирая слова, онъ уже кончилъ свой докладъ.

Такъ какъ полевой телефонъ разрушенъ— доложилъ онъ,—ему поручили узнать къ кому перешло здѣсь командованіе бригадой, а тутъ на мѣстѣ онъ встрѣтился съ адъютантомъ другого генерала, пріѣхавшимъ за тѣми же свѣдѣніями.

Адъютантъ еще больше смутился, когда Гегенау лишь спросилъ его, кому изъ вблизи находящихся офицеровъ онъ могъ бы немедленно передать команду.

Прошелъ, однако, цѣлый часъ, пока Гегенау дождался замѣстителя. Только къ шести часамъ онъ освободился и послѣ двухчасовой быстрой ѣзды добрался до главной квартиры.

Главная квартира находилась въ маленькомъ городкѣ, важномъ по своему стратегическому расположенію и за обладаніе которымъ шла борьба въ теченіе нѣсколькихъ дней. Но начальника штаба, Гегенау тамъ не засталъ: вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ онъ въ эту ночь отбылъ на позиціи, такъ какъ ожидалась сдача окруженнаго со всѣхъ сторонъ непріятеля.

Раньше чѣмъ зайти къ себѣ въ комнату, Гегенау прошелъ къ колодцу во дворѣ и поспѣшно сталъ умываться. Когда онъ еще нагибался надъ колодцемъ, прошелъ военный министръ.

Министръ предполагалъ встрѣтиться здѣсь съ кайзеромъ, вызвавшимъ его сюда на совѣщаніе, и былъ крайне огорченъ, когда узналъ отъ Гегенау, что кайзеръ еще не прибылъ. Благодаря больному бедру ему очень трудно было ѣздить верхомъ, а тутъ, чтобы поспѣть во время, за неимѣніемъ повозки, ему пришлось очень много скакать галопомъ. Но нужно было видѣться еще и съ главнокомандующимъ,—и онъ снова, скрѣпя сердце, молча усѣлся въ сѣдло и, въ сопровожденіи Гегенау, оставилъ эту окутанную предъутреннимъ туманомъ мѣстность, переполненную солдатами.

Переполненной солдатами казалась вся страна, такъ какъ въ этотъ утренній часъ жизнь проявлялась только тамъ, гдѣ была армія.

Главнокомандующаго всадники нашли на его ставкѣ, откуда видна была разстилающаяся равнина, на которой велся обходъ непріятеля. Миновавъ брешь въ каменной оградѣ, они въѣхали въ садъ, гдѣ увидѣли нѣсколько разговаривающихъ офицеровъ. Въ отдаленіи, около досчатаго стола передъ домомъ, стоялъ, спиной къ приближающимся, генералъ. Тамъ же былъ и главнокомандующій, но его Гегенау узналъ только по темной худощавой рукѣ, выдѣляющейся на разостланной на столѣ картѣ.

Лишь когда стоявшій впереди генералъ обернулся и отошелъ въ сторону, видна стала вся фигура главнокомандующаго, безсильно прислонившагося къ стѣнѣ. Его наклоненная на бокъ голова была окаймлена листьями и красными бобовыми цвѣточками, вьющимися по стѣнѣ дома, на фонѣ которыхъ его, испещренное рѣзкими морщинами, лицо казалось желтымъ, страдальческимъ. Ви-

димо онъ не смогъ совладать съ усталостью и ему пришлось прервать диктовку.

Черезъ мгновенье онъ уже оправился, выпрямился, хотя съ нѣкоторымъ усиліемъ, и совершенно овладѣлъ собой. Онъ сталъ шутить надъ своей слабостью и, перекинувшись нѣсколькими словами съ ожидающимъ генераломъ, своей нѣсколько тяжелей походкой кавалериста подошелъ къ военному министру.

Въ отвѣтъ на привѣтствія министра въ его потухшихъ отъ безсонницы глазахъ мелькнула искорка, когда онъ, смѣясь, сказалъ о себѣ, что вотъ всѣ могли видѣть, что имѣютъ дѣло съ развалиною.

Ихъ разговоръ прервалъ спѣшный докладъ, изъ котораго явствовало, что непріятель не пришелъ еще къ опредѣленному и желательному рѣшенію.

Лицо главнокомандующаго насупилось.

— У насъ есть время до обѣда!—коротко бросилъ онъ, недовольно думая о томъ, что упорство врага заставляетъ его вести еще одну, по его мнѣнію, уже ненужную битву, и ушелъ съ министромъ въ домъ.

Но задолго до обѣда послышались выкрики солдатъ на улицѣ, бѣготня по дому и поспѣшное выстукиваніе телеграфа.

Прибылъ кайзеръ.

Медленно, словно въ мирное время, катилъ его моторъ, пока не попалъ въ центръ привѣтствовавшей его кликами толпы во дворѣ, гдѣ и остановился.

Лицо Вильгельма, не могшее скрыть своей заносчивости и торжества побѣдой, нѣсколько омрачилось, когда глаза его скользнули по худому, нѣсколько наклоненному на бокъ, лицу привѣтствующаго его главнокомандующаго, опершагося на свою шпагу, словно на костыль. Въ немъ проснулось легкое неудовольствіе тѣмъ, что обликъ, который могъ бы носить какой-нибудь крестья-

нинъ,—принадлежитъ его первому лучшему солдату. Но онъ быстро протянулъ ему навстрѣчу обѣ руки.

Канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, сидящіе въ моторѣ противъ Вильгельма, насмѣшливо перемигнулись, а всѣ дипломаты и офицеры, составляющіе его блестящую свиту продвинулись впередъ и пригнули головы, чтобъ лучше слышать, что скажетъ кайзеръ. Но было сказано немного и то шопотомъ. Кайзеръ увелъ главнокомандующаго, такъ какъ, онъ зналъ, что присутствіе дипломатовъ, которыхъ старикъ не долюбливалъ, сильно стѣсняло его. Онъ пошелъ въ поле. Тамъ Гегенау видѣлъ ихъ: главнокомандующій, широко разставивъ ноги, по временамъ указывая на что-то въ окрестности, въ то время, какъ крупная фигура Вильгельма шагала туда и обратно, внимательно прислушиваясь къ словамъ генерала, заглядывая на карту, прикладывая къ глазамъ полевой бинокль. Вдругъ внезапнымъ движеніемъ онъ схватилъ генерала за плечи, въ такомъ положеніи что-то говорилъ ему, затѣмъ обнялъ его и взявъ подъ руку, вернулся къ своей свитѣ. На лицѣ его, напоминающемъ лицо апостола Марка на знаменитой картинѣ Дюрера, стянулась гнѣвная складка и, случайно остановившись около Гегенау, онъ поднялъ на него глаза и въ задумчивости произнесъ:

— Мы едва ли удовлетворимся этимъ...

Онъ замѣтилъ пристальный, недоумѣвающій взглядъ, какимъ Гегенау смотрѣлъ ему въ лицо. Вильгельмъ вопросительно взглянулъ, узналъ этого человѣка, и былъ моментъ, когда казалось, что онъ хочетъ сказать что-то. Но онъ тутъ же повернулся и равнодушно направился къ военному министру.

Но бесѣда сразу оборвалась, такъ какъ главнокомандующій получилъ донесеніе, которое всѣхъ взволновало. И скоро всѣ прошли къ краю возвышенія и, похожія на птицъ, собирающихся взлетѣть, стояли съ поднятыми къ глазамъ биноклями, всматриваясь въ даль, молчаливые

въ нетерпѣливомъ ожиданіи всѣ: кайзеръ, канцлеръ, главнокомандующій, вся свита...

Наконецъ-то! Вотъ они приближаются: парламентеры непріятеля!.

Вильгельмъ шутитъ: они ждали только его пріѣзда.

Но прошло довольно много времени, пока они прибыли; они ѣхали медленно, видимо безъ всякой радости.

Главнокомандующій ходилъ туда и обратно крупнымъ солдатскимъ шагомъ, нисколько не смущающійся направленными на него сзади глазами, о которыхъ онъ и забылъ теперь. Лишь когда парламентеры были уже совсѣмъ близко, онъ остановился взволнованный, молчаливый...

Мертвая тишина. И черезъ мгновенье — никто впослѣдствіи не могъ понять, какъ это случилось—не было сказано ни одного слова, но всѣ сразу узнали: непріятель предлагаетъ начать переговоры о сдачѣ. И, что также никто не могъ объяснить, эта увѣренность заставила всѣхъ позабыть о всякихъ чинахъ и рангахъ. Въ одинъ моментъ Вильгельмъ оказался окруженнымъ радостной, смѣющейся, пожимающей руки толпой; каски, шпаги и шляпы полетѣли вверхъ и крики «Hoch!» закружились надъ головами, покатились дальше и дальше, направо и налѣво, и доносились оттуда, какъ могучее эхо.

Никто не обращалъ вниманія на парламентеровъ, мрачно стоявшихъ въ сторонѣ, тоже взволнованныхъ всѣмъ происходившимъ.

Когда наступило нѣкоторое успокоеніе, подумали о посланцахъ. Но еще долго послѣ того, какъ парламентеры удалились въ сопровожденіи уполномоченнаго со стороны побѣдителя, не прекращалось шумное выраженіе радости. Къ вечеру загорѣлись огни, такъ какъ ни одинъ изъ усталыхъ солдатъ не думалъ сегодня о снѣ. Шумно кружились они вокругъ костровъ, которые сегодня разрѣшено было зажечь. Всѣ увѣрены были, офицеры и солдаты, что послѣднія битвы уже позади и вотъ

эти звѣзды на небѣ являются предвѣстниками грядущаго мира.

Хотя никто не говорилъ объ этомъ, но всѣ они чувствовали затаенную радость, что ботъ они живутъ и дышутъ и избѣгли всѣхъ ужасовъ войны...

Самые храбрые воины—все же люди.

А ночь была свѣтлая, теплая; скорѣе синеватые сумерки нежели ночь.

Комнаты на ставкѣ фельдмаршала показались кайзеру тѣсными. Въ сопровожденіи фельдмаршала спустился онъ въ садъ и долго ходилъ подъ дремавшими деревьями. Часто они останавливались и, въ задумчивости, подолгу смотрѣли на мерцающія звѣзды. Они видѣли тамъ наверху гигантскую карту и на ней границы своего отечества, которыя должны далеко продвинуться въ страну непріятеля. Врагъ побѣжденъ, проситъ о мирѣ, но кайзеръ склоненъ думать, что этого недостаточно: нужно добить его, повергнуть въ прахъ. Только во вражеской столицѣ, гдѣ онъ сможетъ ставить какія ему угодно будетъ условія,—только тамъ онъ заключитъ миръ! Цѣна побѣды должна окупить тѣ жертвы, которыя понесла страна для этой войны.

Когда счастье судило, чтобъ существовавшее соглашеніе трехъ противниковъ его страны распалось, и изъ-за событій въ другихъ странахъ міра, союзники непріятеля принуждены были воздержаться отъ объявленія войны, предоставивъ побѣжденнаго своей собственной судьбѣ, тогда не приходится сообразоваться съ разсчетами всевѣшивающей дипломатіи и можно довѣриться грозно приподнятому бронированному кулаку, которому всякое завистливое государство принуждено будетъ подчиниться.

Увлеченіе этой идеей такъ захватило Вильгельма, что сдѣлало его неспособнымъ ни для какихъ-либо другихъ.

Онъ такъ увѣренъ былъ въ этой возможности сразу положить всему конецъ, что не допускалъ никакихъ размышленій, клонящихся въ нежелательную для него сторону.

Въ канцлерѣ онъ находилъ полнаго единомышленника въ своихъ обширныхъ планахъ о грядущихъ успѣхахъ. Все приняло теперь большіе размѣры, увеличилось и вліяніе канцлера. Если до сихъ поръ его первой заботой было преданно исполнять волю своего повелителя и удерживать его отъ слишкомъ смѣлыхъ шаговъ, то теперь это стремленіе къ владычеству охватило и его. Онъ даже опасался, что Вильгельмъ не вполнѣ оцѣниваетъ всю необъятность могущества, которымъ обладаетъ теперь его государство.

Такъ, кайзеръ и канцлеръ вполнѣ сошлись во взглядахъ на будущее, были лишь озабочены, какъ наилучшимъ образомъ воплотить ихъ въ жизнь.

Въ садъ пригласили министра иностранныхъ дѣлъ, а вслѣдъ затѣмъ и военнаго.

Въ своей прогулкѣ по саду они набрели на громадный утесъ, и при свѣтѣ факеловъ увидѣли пещеру съ большимъ каменнымъ столомъ и скамьей. Кайзеръ приказалъ освѣтить пещеру и сѣлъ за столъ, который тутъ же назвалъ столомъ Барбароса. Были разложены карты и замѣтки и стали обсуждаться предположенія и планы ближайшихъ дней.

Тамъ нашли ихъ и уполномоченные, вернувшіеся въ полночь изъ вражескаго лагеря. На этомъ же каменномъ столѣ были разложены главнокомандующимъ подлежащія обсужденію условія сдачи непріятеля.

Наверху бодрствовавшіе въ эту ночь солдаты разложили костеръ, который горѣлъ и трещалъ съ такимъ шипѣніемъ, и оттуда до пещеры доносился такой громкій шумъ, что одинъ изъ адъютантовъ кинулся туда, чтобы унять ихъ, но Вильгельмъ удержалъ его.

Глядя на черные силуеты, кружащихся вокругъ огня

солдатъ, бросающіе гигантскія тѣни, Вильгельмъ среди шума объявилъ главнокомандующему, что рѣшено мира не заключать и войну продолжать вплоть до взятія столицы непріятеля.

Гегенау, бесѣдующій съ министромъ иностранныхъ дѣлъ о подробностяхъ сдачи непріятеля, при обсужденіи которыхъ онъ присутствовалъ, стоялъ нѣсколько поодаль, но достаточно близко, чтобы слышать слова кайзера. Вильгельмъ говорилъ громко, иногда прямо обращаясь къ генераламъ стоящимъ за спиною главнокомандующаго. Но Гегенау и не прислушивался, занятый разговоромъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что дѣло идетъ о заключеніи мира.

Онъ зналъ въ какія формы долженъ вылиться этотъ миръ. Сообразуясь съ цѣлесообразностью полнѣйшей реорганизаціи положенія дѣлъ въ Европѣ,—по отношенію къ покоренному врагу право сильнаго будетъ использовано въ лучшемъ смыслѣ: ему будутъ поставлены пріемлемыя и достойныя условія. Не изъ побужденій чувства, а единственно изъ экономическихъ цѣлей и велѣній разсудка казалось цѣлесообразнымъ не разрушать стараго зданія, а, наоборотъ, заключить союзъ, нужный и полезный для обоихъ государствъ, который измѣнилъ бы соотношеніе мощи не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ на пространствѣ вселенной.

Обстоятельства сложились, по мнѣнію Гегенау, столь благопріятно, что въ немъ не было даже любопытства по отношенію къ рѣшеніямъ, которыя предстояло принять, и въ которыхъ онъ былъ заранѣе увѣренъ.

Да, онъ умышленно отошелъ въ сторону, чтобы не увидѣть недовольнаго лица главнокомандующаго, въ чемъ онъ не сомнѣвался, когда тотъ узнаетъ, что войну можно считать законченной. Такъ какъ онъ любилъ генерала и восхищался имъ. Но онъ зналъ, что этотъ солдатъ и не сразу пойметъ, почему хотятъ устранить его и не даютъ ему продолжать дальше это побѣдное шествіе.

Гегенау повернулъ голову въ сторону главнокомандующаго. Онъ видѣлъ, какъ глаза генерала зажглись, какъ морщинистое лицо его вовсе не казалось удивленнымъ.

Теперь Гегенау прислушивался. Ему всегда нравился этотъ ясный, спокойный голосъ и эта никогда не измѣняющая увѣренность въ выраженіи своихъ взглядовъ.

Прислушиваясь къ подробностямъ предстоящихъ дѣйствій, излагаемыхъ главнокомандующимъ, Гегенау замѣтилъ, что развиваемый генераломъ планъ вовсе не основанъ на мирѣ.

Когда Гегенау понялъ это, онъ повернулся съ улыбкой къ министру иностранныхъ дѣлъ.

— Опять игра въ жмурки...—сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, существующія намѣренія болѣе миролюбивы?

Этотъ простой вопросъ уязвилъ дипломата и онъ почувствовалъ какую-то необъяснимую боязнь передъ молодымъ Гегенау, какъ это часто бывало съ нимъ. Между ними не было пріязни и при случаѣ они не отказывали себѣ въ удовольствіи, чѣмъ-нибудь досадить другъ другу, хотя это не мѣшало ихъ общенію, тѣмъ болѣе, что министръ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ Гегенау.

Министръ былъ раздосадованъ.

— Миролюбивѣе? Какъ это?

— Къ счастью, я не являюсь дипломатомъ, чтобы быть обязаннымъ знать это,—просто отвѣтилъ Гегенау.

Министръ удивленно посмотрѣлъ на ледяное лицо, съ котораго, однако, глядѣли горящіе глаза.

— О, бываютъ умные люди и въ арміи!—отвѣтилъ онъ иронически и въ то же время учтиво и замолчалъ въ ожиданіи всей тяжести возраженій, которыя представитъ ему собесѣдникъ.

Но Гегенау уже опять слушалъ Вильгельма. Онъ стоялъ, погруженный въ тяжелыя, мучительныя размышленія.

Молчаніе угнетало министра и ему такъ сильно захотѣлось узнать мнѣніе Гегенау, что онъ рѣшился объ этомъ спросить его.

— Жмурки игра хотя недурная, но я вполнѣ ясно вижу, — началъ онъ. — Чего же вы ждете? Мира? Могу подтвердить вамъ, что мы его не желаемъ!

— Кто?—быстро спросилъ Гегенау.—Вы и канцлеръ?..

— И его величество!—добавилъ министръ раздѣльно съ легкимъ ироническимъ поклономъ.

Гегенау поднялъ глаза на Вильгельма.

— И его величество?—спросилъ онъ очень громко.

Смущенный министръ испуганно поднялъ руку противъ Гегенау, но ничего не успѣлъ сказать. Съ того мѣста, гдѣ былъ разложенъ костеръ, вдругъ посыпалось море искръ, послышались дикіе крики и бѣготня: кто-то бросилъ въ костеръ нѣсколько ракетъ, которыя шипя и извиваясь разлетались во всѣ стороны.

Кайзеръ испуганно отступилъ въ сторону и недовольно посмотрѣлъ наверхъ. Впрочемъ, въ слѣдующее же мгновеніе болѣе недовольный собою, что далъ себя испугать.

— О, у нихъ еще хватитъ прыти и десять войнъ провести!—проговорилъ онъ быстро, улыбнулся и кивнулъ фельдмаршалу, что онъ очень доволенъ.

Но раньше, чѣмъ продолжать разговоръ, онъ повернулся въ сторону, гдѣ стоялъ министръ иностранныхъ дѣлъ, какъ будто что-то забылъ тамъ.

— Да, и его величество!—сказалъ онъ серьезно. И сейчасъ же отвернулся, давая понять, что больше объ этомъ разговаривать не хочетъ.

Этотъ жестъ имѣлъ лишь одно объясненіе: Вильгельмъ не захотѣлъ отказаться отъ случая показать всѣмъ, что онъ замѣчаетъ все, что вокругъ него происходитъ. Онъ былъ гордъ этой своей особенностью и ставилъ ее выше многихъ другихъ.

Гегенау задумался. Онъ думалъ о томъ, какую реак-

цію въ настоящую минуту можетъ вызвать одно невѣрное рѣшеніе, одинъ невѣрный шагъ правителей у тѣхъ милліоновъ, которые зависятъ отъ рѣшенія единичныхъ личностей.

Онъ поставилъ себѣ вопросъ: не ошибочна ли его мысль о необходимости мира въ настоящій моментъ?

Эта мысль преслѣдовала его, даже тогда, когда онъ съ кѣмъ-либо разговаривалъ. И онъ рѣшилъ, что чувство въ немъ сильнѣе разсудка, и именно потому силенъ разсудокъ, что онъ и чувствуетъ.

Искусство управленія государствомъ требуетъ себѣ больше чувства, чѣмъ это принято думать, и выдающіеся государственные люди такъ рѣдки потому, что они обладаютъ исключительно разсудкомъ.

Тутъ онъ замѣтилъ, что его собственныя мнѣнія составились изъ голыхъ доводовъ разума, и явилось сомнѣніе, дѣйствительно ли выражаетъ министръ мнѣніе кайзера.

Гегенау пришлось прервать свои размышленія, такъ какъ онъ долженъ былъ ѣхать съ главнокомандующимъ и военнымъ министромъ и въ сопровожденіи еще трехъ офицеровъ на квартиру главнаго штаба. Тамъ находился телеграфный узелъ, которымъ пользовался командующій для сношеній съ арміями.

Вильгельмъ рѣшилъ провести ночь на мѣстѣ, чтобы завтра присутствовать при сдачѣ непріятеля.

Ужъ давно долженъ былъ наступить разсвѣтъ, но тяжелыя черныя тучи застилали солнце, и когда Гегенау вошелъ въ комнату, стояли почти сумерки.

Военный министръ, которому Гегенау, за отсутствіемъ въ городѣ свободныхъ квартиръ, предложилъ свою постель, еще не спалъ, и со свѣчой въ рукахъ, неестественно перегнувшись всѣмъ тѣломъ, разсматривалъ свое больное бедро.

— Вы ничего тутъ не замѣчаете?—спросилъ онъ вошедшаго.

Гегенау особеннаго ничего не видѣлъ, сказалъ лишь, что бедро немного опухло.

— Ничего?—Министръ сталъ жаловаться, что боли не даютъ ему заснуть. Ему нуженъ покой, но онъ не можетъ оставаться въ постели, такъ какъ его ждетъ крупная работа по организаціи новыхъ военныхъ мѣропріятій. Приходится крѣпиться.

Гегенау стоялъ передъ нимъ мрачный, молчаливый; онъ пристально смотрѣлъ на горящую свѣчу и едва-ли слушалъ его.

— Да, плохи дѣла!—проговорилъ онъ. Снялъ съ себя шпагу и бросилъ ее въ уголъ.

Министръ вздрогнулъ отъ удара.

— Что вы?

— Я испугалъ васъ? — спросилъ Гегенау. — Извинясь... Я думалъ о томъ, куда заведетъ насъ эта жажда войны, во что бы то ни стало?

— Жажда войны? Какая?

— Наша. Это шествіе съ ощетинившимися штыками или какъ это тамъ называется... Я, сознаюсь, не понимаю этого. впрочемъ, можетъ быть, у кайзера существуютъ тайныя основанія поступать такъ...

— Основанія?—спросилъ военный министръ, который не хотѣлъ сознаться, что онъ мало свѣдущъ во внѣшней политикѣ, хотя не зналъ что отвѣтить.

Но у него была отличная память, и, напрягая ее, онъ хотѣлъ вызвать слова, слышанныя отъ кайзера о его намѣреніяхъ въ будущемъ для борьбы съ «красно-сине-зеленымъ союзомъ» (тройственное согласіе).

Ему доставляло удовольствіе повторять принятое и Вильгельмомъ выраженіе «красно-сине-зеленый союзъ», придуманное военнымъ дипломатомъ для обозначенія противниковъ во время мирныхъ маневровъ и принятое дипломатами при секретныхъ сношеніяхъ. «Красно-

сине-зеленымъ союзомъ» обозначалось согласіе трехъ враждебныхъ Германіи государствъ, причемъ краснымъ называлось государство, съ которымъ оно состояло на положеніи войны—Франція, синимъ—Англія, а зеленымъ—Россія.

Вильгельмъ далъ понять министрамъ, что онъ хочетъ сдѣлать совершенно невозможнымъ новое объединеніе отпавшихъ на время настоящей войны синихъ и зеленыхъ съ красными. Нужно изыскать способъ обезсилить красныхъ до такой степени, чтобъ они уже не могли являться сколько-нибудь желанными и значительными союзниками.

Гегенау спросилъ военнаго министра, не ищетъ ли Вильгельмъ сближенія съ синими?

Этого министръ не зналъ.

— Я немногое могу сообщить вамъ,—сказалъ онъ, маскируя стономъ свое неудовольствіе, такъ какъ любилъ блеснуть и своей дипломатической освѣдомленностью.

— Совершенно достаточно!—воскликнулъ Гегенау,—даже слишкомъ много. Не вами ли было сказано, что кайзеръ охотнѣе всего видитъ то, что онъ *желалъ* бы видѣть.

Министръ строго посмотрѣлъ на него, ничего не отвѣтивъ.

— Красное небо привлекаетъ его,—продолжалъ Гегенау.—Хорошо. Каждый можетъ ошибаться. Но непонятно, почему никто изъ его совѣтниковъ не раздвинетъ красную завѣсу и не посмотритъ, что за ней находится.

— Синее небо, по всей вѣроятности!—сказалъ министръ. Приступъ боли исказилъ его лицо и онъ выразилъ желаніе закончить разговоръ.

Гегенау утверждалъ, что онъ повѣрилъ-бы въ это синее небо, если бы сейчасъ былъ заключенъ миръ. Онъ дальше говорилъ о мирѣ, о безопасности и могуществѣ, которыя онъ принесетъ. Едва ли когда-нибудь сложатся обстоятельства такъ благопріятно, когда гнѣвъ противъ эгоистическаго отпаданія союзниковъ открылъ глаза по-

коренному противнику и когда ему ясно стало, что въ его интересахъ идти рука объ руку съ его побѣдителемъ.

Министръ оживился, быстро поднялся съ подушки и его усталые глаза заблестѣли.

— Именно этого-то и нужно. Нужно совершенно разбить его, вырвать живой кусокъ изъ его тѣла, чтобы ослабить его, отнять у него самостоятельность и не оставить ему выбора.

Но отъ послѣдующихъ словъ Гегенау потухло возбужденіе министра; онъ опустился на подушку и закрылъ глаза.

Гегенау со смѣхомъ возразилъ, что вся эта исторія ему представляется въ такомъ видѣ, что раньше рѣшили человѣка убить, чтобы потомъ протянуть ему дружески руку. Не согласится ли его превосходительство, что предпринятое опустошеніе, обезсиливаніе нашего противника, можетъ побудить его невѣрныхъ союзниковъ пожертвовать интересами дальними для болѣе близкихъ. Онъ перечислилъ эти интересы. И, какъ онъ можетъ судить по нѣкоторымъ признакамъ, синіе и зеленые найдутъ средства затянуть войну до тѣхъ поръ, пока у нихъ развяжутся руки и они тоже смогутъ примкнуть къ ней.

Министръ лежалъ неподвижно, точно заснулъ.

— Плохой солдатъ!—сказалъ онъ.—Онъ ни во что не ставитъ мечъ, который самъ куетъ.

— Еще никогда мечъ не завоевывалъ міръ!—рѣшительно отвѣтилъ Гегенау. — Надо умѣть во время опустить его. Не даромъ голова господствуетъ надъ руками. Я хочу сказать: мнѣ непонятно поведеніе канцлера. Я вѣрю только въ немедленный миръ, который предупредилъ бы чье-либо вмѣшательство, вѣрю въ *дружественный* союзъ съ побѣжденнымъ, но отнюдь не въ *насильственный*. Въ противномъ же случаѣ предстоитъ большое опустошеніе, можно ждать грома, готоваго уже разразиться.

Словно въ подтвержденіе его пророческихъ словъ раз-

разилась гроза, комнату освѣтила молнія и надъ ихъ головами разразился длительный громъ.

— Я бы желалъ, чтобы вы были суевѣрны,—сказалъ Гегенау, взглянувъ въ окно.

Министръ вздрогнулъ отъ неожиданнаго удара и быстрое движеніе вызвало сильную боль. Съ стиснутыми зубами лежалъ онъ неподвижно; хотѣлъ что-то сказать, но не могъ.

— Ваши слова звучатъ пророчески!—сказалъ онъ, заставивъ себя улыбнуться.—Не обезцѣнивайте такъ нашего канцлера.

— Какъ же иначе?—спросилъ Гегенау.—Съ нимъ какое-то чудо свершилось. Онъ задался слишкомъ высокими помыслами. Онъ уже видитъ міръ, вращающимся вокругъ пальца кайзера. Какъ онъ это мыслитъ?

Но министръ не хуже его зналъ, что въ канцлерѣ можно хвалить или порицать, но его величайшей ошибкой было: смотрѣть на все глазами своего повелителя.

Гегенау сорвалъ съ себя мундиръ и бросилъ на диванъ. Хотѣлъ закурить, но сейчасъ же забылъ объ этомъ. Всталъ и, тихо насвистывая, досталъ записную книжку, бросилъ ее на столъ и началъ писать.

— Что вы пишете?—спросилъ его министръ.

— Докладъ,—отвѣтилъ Гегенау.

— Кому?

— Кайзеру.

— Я ему передамъ,—предложилъ онъ, такъ какъ ему предстояло, по полученіи нѣкоторыхъ документовъ, явиться на совѣщаніе къ кайзеру.—Я не раздѣляю вашихъ мнѣній, но такъ какъ вы увѣрены въ правильности ихъ, я готовъ представить вашу записку кайзеру, для разсмотрѣнія.

Гегенау поднялъ голову.

— Онъ подумаетъ, что я мню себя самымъ способнымъ дипломатомъ, что я хочу выдвинуться.

— Я же могу разувѣрить его!—отвѣтилъ министръ безъ улыбки.

Онъ мало смыслилъ въ тонкостяхъ политики, но военный бытъ и людей онъ хорошо зналъ.

Главная квартира, по прошествіи нѣсколькихъ дней, находилась еще на томъ же мѣстѣ, несмотря на то, что наступленіе шло полнымъ ходомъ. Телеграфъ былъ заваленъ донесеніями. Ежедневно Гегенау отмѣчалъ на картѣ движеніе арміи. И онъ ясно видѣлъ кавалерію, пѣхоту и артиллерію, которыя ползучими безконечными рядами растянулись черезъ всю страну, видѣлъ оба фронта арміи захватывающихъ въ своемъ наступательномъ движеніи, какъ клещами, столицу непріятеля.

Но о мирѣ онъ ничего не слышалъ, не зналъ даже желалъ ли его непріятель.

Однажды ему предстояло явиться къ кайзеру, такъ какъ главнокомандующему, для принятія важнаго рѣшенія, нужна была санкція верховнаго военначальника.

Когда Гегенау уже садился въ моторъ, къ нему подошелъ фельдмаршалъ. Онъ передалъ ему, что получилъ сообщеніе отъ военнаго министра, что кайзеръ хочетъ видѣть его, Гегенау.

Удивленный, онъ только могъ поблагодарить его.

— Какъ? Такъ все-таки! Ему удалось вселить сомнѣніе!

Если онъ найдетъ хоть малѣйшее колебаніе, онъ приложитъ всѣ силы, чтобъ превратить эти колебанія въ разочарованіе и будетъ доказывать, что продолженіе войны грозитъ государству большими опасностями, и выгодъ принести не можетъ никакихъ. Онъ обдумывалъ слова, какія скажетъ кайзеру. Онъ тщательно подбиралъ ихъ. Они никого не должны оскорбить, или унизить и должны быть таковыми, чтобъ кайзеръ самъ пришелъ къ его, Гегенау, выводамъ и даже увѣрился, что эти выводы явля-

ются его собственными. Существовало еще одно благопріятное обстоятельство. Онъ—солдатъ, его заводъ изготовляетъ боевые матеріалы, и никто не сможетъ упрекнуть его, что онъ дѣйствуетъ изъ личной выгоды, или добивается какого-нибудь высшаго назначенія.

Темный горный лѣсъ спускался сверху, все свѣтлѣе, среди двухъ утесовъ и въ долинѣ кончался паркомъ, упиравшимся въ прудъ. За прудомъ, почти подъ утесами бѣлѣлъ за деревьями большой замокъ.

Тамъ имѣлъ свое пребываніе Вильгельмъ.

Гегенау не нашелъ никого въ пріемной и рѣшилъ поэтому, что онъ попалъ въ спокойную, не дѣловую минуту. Дежурный адъютантъ сообщилъ ему, однако, что кайзеръ совѣщается съ канцлеромъ.

— Прошу васъ доложить.

— Лично? По службѣ?—спросилъ адъютантъ покровительственно.

Гегенау разсердило это высокомѣріе адъютанта, онъ ничего не отвѣтилъ ему, холодно посмотрѣлъ на него, слѣдилъ, какъ за нимъ заперлась дверь и быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ. Онъ уже не обдумывалъ словъ да и не хотѣлъ думать. Гасло въ немъ такъ долго державшееся воодушевленіе.

Ждать ему пришлось недолго. Явился адъютантъ и, удивленный и неожиданно вѣжливый, пригласилъ его въ кабинетъ, такъ какъ кайзеръ желаетъ принять его немедленно.

Кабинетъ представлялъ собою очень большую комнату съ широкими желтыми стѣнами, которыя все покрывали и затушевывали. И на фонѣ желтыхъ стѣнъ выдѣлялась синяя фигура Вильгельма и черная канцлера, ведущихъ свой разговоръ стоя.

Канцлеръ нагнулся надъ столомъ, а кайзеръ, небрежно отвѣтивъ на поклонъ вошедшаго, тоже нагнулся рядомъ

съ канцлеромъ, разсматривая лежащую на столѣ рукопись. Вотъ онъ присѣлъ къ столу, взялъ въ руки перо и сталъ говорить.

Гегенау вынужденъ былъ стоять у дверей и слышать ихъ разговоръ. Отвѣты канцлера, да и вообще весь ихъ разговоръ велся довольно громко. И онъ скоро понялъ, что его позвали и поставили тутъ не безъ умысла: рѣчь шла объ отвѣтѣ на предложеніе непріятеля о мирѣ, который они кончали обсужденіемъ. Собственно, они не обсуждали его, а улучшали, выхватывая отдѣльныя выраженія и обороты; весь отвѣтъ въ цѣломъ Гегенау не зналъ. Но достаточно было и того, что онъ слышалъ, вполнѣ достаточно. О желаніи скорѣйшаго мира въ отвѣтѣ ничего не было сказано. Ровно ничего.

Затѣмъ, очевидно, слѣдовало какое-то мѣсто въ отвѣтѣ, о которомъ не слѣдовало говорить, по крайней мѣрѣ, въ присутствіи стоящаго у дверей. Кайзеръ вдругъ оборвалъ свою рѣчь, проговорилъ что-то шопотомъ, затѣмъ, сдѣлавъ рѣшительное движеніе, на которое канцлеръ отвѣтилъ кивкомъ, всталъ и дошелъ до средины комнаты по направленію къ Гегенау.

Гегенау пошелъ ему на встрѣчу и сталъ излагать порученіе фельдмаршала.

Погруженный въ раздумье, Вильгельмъ слышалъ его слова, но едва ли понималъ ихъ.

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ,—сказалъ онъ, чтобъ скрыть свою разсѣянность.

Гегенау не могъ понять, чего кайзеръ не хотѣлъ, и онъ вынужденъ былъ спросить объ этомъ. Но кайзеръ не выносилъ такихъ вопросовъ.

— Да, это мнѣ нравится,—сказалъ онъ уклончиво, и замолчалъ, чтобъ выгадать время и собраться съ мыслями.

Послѣ нѣкоторой паузы онъ сказалъ лишь, что главнокомандующій можетъ поступить по своему усмотрѣнію, и быстро и рѣшительно бросилъ Гегенау нѣсколько вопросовъ.

Всѣ его вопросы касались осадныхъ орудій, о которыхъ онъ хотѣлъ услышать сужденіе спеціалиста.

Разспрашивалъ Вильгельмъ и о новыхъ орудіяхъ, еще не законченныхъ на заводѣ Гегенау. Будутъ ли они готовы во время?

По выраженію лица кайзера, Гегенау ясно видѣлъ, что эти слова выражаютъ не только вопросъ, но въ то же время и отвѣтъ на его, Гегенау, докладную записку о мирѣ. Во время! И онъ, избѣгая говорить о томъ времени, какое подразумѣвалъ кайзеръ, ограничился точными данными. Онъ имѣетъ свѣдѣнія о ходѣ работъ и въ такой-то и такой-то календарный день пушки будутъ готовы.

Кайзеръ ничѣмъ не выразилъ своего удовлетворенія или неудовлетворенія этимъ отвѣтомъ; можно было подумать, что онъ и не особенно интересуетъ его.

Онъ быстро поднялъ голову и посмотрѣлъ на Гегенау.

— Вы устали воевать?—спросилъ онъ.—Иначе я не могу себѣ объяснить вашу записку.

Гегенау увидѣлъ, какъ и канцлеръ сдѣлалъ движеніе и скосилъ глаза въ его сторону.

Онъ быстро отвѣтилъ, что нѣтъ такого солдата, который за основаніе могъ бы взять подобныя причины.

— О, о,—я ихъ лучше знаю!

Кайзеръ сказалъ это обратившись къ канцлеру, который отвѣтилъ тихимъ смѣшкомъ.

— Но въ запискѣ изложены ваши взгляды?

— Ваше величество, опасность грозитъ отечеству, но не мнѣ...

У Гегенау уже явились всѣ нужныя слова. Онъ готовъ былъ говорить, убѣждать...

Но кайзеръ очень опредѣленно далъ понять, что онъ неудовлетворенъ отвѣтомъ и больше разговаривать не желаетъ.

— Вы ничего не можете прибавить къ тому, что сказано въ запискѣ. И если мои офицеры обладаютъ полнѣйшей свободой въ выраженіи своихъ мнѣній,—я люблю,

когда они это дѣлаютъ,—да, конечно! Но у меня существуютъ основанія дать вашему предостереженію опредѣленное назначеніе.

Гегенау зналъ, что свойствомъ Вильгельма считалось не высказывать открыто своихъ мнѣній, зналъ также, что все сказанное кайзеромъ выражаетъ самое сильное недовольство съ его стороны. Но онъ все еще надѣялся, что ему дана будетъ возможность высказаться.

Но тотъ слегка кивнулъ ему головою и Гегенау долженъ былъ откланяться и уйти.

Еще изъ пріемной онъ могъ видѣть лицо канцлера съ поднятой кверху бѣлой бородой и недовѣрчивымъ взглядомъ, которымъ онъ провожалъ его до самыхъ дверей, и ему почему-то пришла на умъ старая сторожевая собака на его заводѣ, у которой онъ замѣтилъ подобный же взглядъ. Вспомнивъ о собакѣ, онъ мысленно увидѣлъ всѣ мастерскія и доменныя печи своего завода, и это сдѣлало его совершенно нечувствительнымъ къ тому пораженію, которое онъ сейчасъ потерпѣлъ.

Онъ едва замѣтилъ адъютанта, когда тотъ, сопровождая его до выхода, говорилъ, что на слѣдующій день кайзеръ уѣзжаетъ, чтобы быть ближе къ арміи.

Гегенау напряженно думалъ о только что происшедшемъ. Да, кайзера теперь не удержишь! Онъ сказалъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ, чтобъ его такъ поняли, что не любить, когда его офицера забиваютъ себѣ голову политикой. Въ этомъ онъ былъ правъ. Это, дѣйствительно, не желательно. Даже опасно. Но долженъ же онъ допустить исключенія.

Впрочемъ, все равно: если никто не говорилъ, онъ, Гегенау, считалъ своей обязанностью сказать кайзеру, что тотъ заблуждается. Пусть онъ на него сердится! Вѣдь онъ не искалъ его милости.

Радостно, во всякомъ случаѣ, смотрѣть на будущее у него основаній не было.

И словно для того, чтобъ еще болѣе омрачить его безрадостный взглядъ на будущее, къ полудню прибыли на главную квартиру нѣкоторые его знакомые изъ дипломатическаго корпуса, которымъ предстоялъ отъѣздъ съ кайзеромъ и канцлеромъ. Это были люди того типа, которыхъ онъ про себя называлъ «кислыми сливами».

Онъ ждалъ, не скажетъ ли кто-нибудь изъ нихъ хоть что-нибудь, достойное вниманія. Но когда они заговорили объ общественныхъ происшествіяхъ на родинѣ, свѣтскихъ сплетняхъ, женщинахъ, а о войнѣ и внѣшней политикѣ лишь постольку, поскольку это касалось ихъ повседневной службы и жизни,—Гегенау извинился, сославшись на долгъ службы, и ушелъ.

Дома онъ нашелъ извѣстіе съ завода, въ которомъ говорилось о какой-то ошибкѣ въ разсчетахъ и задержкѣ въ производствѣ крупныхъ орудій. Тутъ же было приложено и сообщеніе его жены, которая писала, что эта неясность гораздо значительнѣе, чѣмъ о ней думаютъ, и что со словъ отца она знаетъ, что правленіе завода въ рѣшеніи этого вопроса раскололось на три лагеря и каждый изъ нихъ считаетъ свое рѣшеніе вѣрнѣйшимъ.

Гегенау испугался. Дѣло шло о новѣйшихъ усовершенствованіяхъ въ осадныхъ орудіяхъ, которымъ особенно интересовался кайзеръ. Онъ рѣшилъ, что письмами достигнешь не многаго, и, испросивъ у главнокомандующаго десятидневный отпускъ, телеграммой предупредилъ жену, чтобъ безъ него ничего не предпринималось.

Иза очень удивится его пріѣзду.

Гегенау явился на заводъ совершенно неожиданно.

Черезъ нѣсколько дней вопросъ относительно орудій разрѣшился благополучно, но отпускъ Гегенау пришлось продолжить. Уцѣлѣвшій въ бояхъ, даже тогда, когда подъ нимъ была убита лошадь, перенесшій всѣ непогоды, дождь и холодъ, всѣ невзгоды походной жизни,—онъ тутъ въ домашней обстановкѣ схватилъ простуду.

Въ одно утро онъ почувствовалъ себя совершенно

больнымъ, но онъ не обратилъ на это вниманія, поднялся съ постели, хотя чувствовалъ сильное головокруженіе. Жена не хотѣла выпускать его изъ дому, но онъ все-таки рѣшилъ выйти и, когда на лѣстницѣ онъ снова почувствовалъ приступъ головокруженія, онъ упалъ и покатился съ верхней ступеньки до самаго низа.

Онъ очень неудачно упалъ, потерялъ сознаніе, и очнулся уже въ постели. Болѣзнь и ушибы заставили его провести въ постели цѣлую недѣлю.

Прошло еще нѣсколько дней и Гегенау заговорилъ объ отъѣздѣ. Въ концѣ концовъ онъ вѣдь убѣдился, что жить дома гораздо опаснѣе, чѣмъ на войнѣ.

Прошло уже около мѣсяца, съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ западную границу. Ступивъ теперь на непріятельскую землю, онъ вдругъ ясно почувствовалъ, что былой воинственный пылъ вдругъ совершенно остылъ въ немъ. Послѣдствіемъ болѣзни это считать нельзя было. Также и то, что его сильно привлекалъ къ себѣ оставленный заводъ. И тамъ ему чего-то не хватало, что-то давило. Или онъ дѣйствительно усталъ воевать, какъ это предполагаетъ кайзеръ? Нѣтъ, кайзеръ, нѣтъ! Вѣдь его опять тянуло сюда. Но его наполняло что-то болѣе важное, чѣмъ война.

Онъ едва пробѣгалъ извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ ему не пришлось непосредственно наблюдать поле битвы, онъ какъ-то легче воспринималъ все окружающее и по нѣкоторымъ незначительнымъ признакамъ сознавалъ, что флюгеръ поворачивается тѣмъ вѣтромъ, котораго онъ такъ опасался.

Хотя прежніе союзники непріятеля были, повидимому, удивлены нежеланіемъ побѣдителя заключить миръ. Не будучи въ состояніи открыть военныя дѣйствія немедленно, они предостерегали, угрожали, а пока приняли выжидательное положеніе.

Тощенькія, неопредѣленныя извѣстія въ газетахъ вскользь отмѣчали эти новыя обстоятельства,—но надъ ними смѣялись, что они желаютъ кого-то запугать своими угрозами. Все отечество охватила какая-то необъяснимая увѣренность. Кайзеръ и народъ были на этотъ разъ заодно, народъ казался еще болѣе самоувѣреннымъ, чѣмъ его кайзеръ. Сохранится ли это единство и тогда, когда серьезно проявятъ себя сосѣди, на которыхъ теперь смотрятъ съ такимъ пренебреженіемъ?

Когда Гегенау продвинулся вглубь непріятельской страны, ему пришлось убѣдиться, что слѣдуетъ еще сильно считаться и съ побѣжденнымъ непріятелемъ.

Онъ ѣхалъ въ воинскомъ поѣздѣ, отвозившемъ резервныя войска.

Была темная, беззвѣздная ночь. Не проѣхавъ и часу, ихъ поѣздъ долженъ былъ внезапно остановиться,—мостъ оказался разрушеннымъ.

Тщательно осмотрѣли окрестности, но никого не нашли; деревень по близости не оказалось. Когда высадившіеся всадники подъѣхали къ станціи,—тамъ оказался разрушеннымъ и телеграфъ. Проѣзжая на разсвѣтѣ черезъ деревушку, имъ вдогонку послышались выстрѣлы,—и нѣсколько лошадей оказались безъ всадниковъ...

Когда совсѣмъ разсвѣло, они вступили въ небольшой городокъ, въ которомъ, вслѣдствіе его стратегическаго значенія, былъ расквартированъ небольшой гарнизонъ. Тамъ былъ телеграфъ и оттуда можно было послать просьбу о вспомогательномъ поѣздѣ. Проѣзжая по городу и остановившись на базарной площади, Гегенау замѣтилъ наклеенное на стѣнѣ воззваніе къ населенію объ открытіи партизанскихъ дѣйствій противъ наступающаго на отечество врага. Командиръ гарнизона, длинный, худощавый капитанъ ландвера, смущенно увѣрялъ Гегенау, что онъ уже сорвалъ нѣсколько такихъ воззваній. Онъ никогда не раздѣвается, боясь что-нибудь проглядѣть, лично слѣ-

дить за всѣмъ, никому не довѣряетъ и со всей строгостью исполняетъ все, что предписываетъ ему его долгъ.

— Докажите это!—сказалъ Гегенау.—Я здѣсь нѣкоторое время пробуду.

Скоро онъ убѣдился, что капитанъ дѣлалъ все, что могъ. Но Гегенау интересно было знать, являются ли эти воззванія лишь проявленіями единичнаго озлобленія, сопровождающія всякія войны, или же являются предвѣстниками планомѣрныхъ партизанскихъ выступленій. Допросъ бургомистра не привелъ ни къ чему, онъ не могъ или не желалъ сказать ничего опредѣленнаго. Тогда Гегенау выступилъ самъ и заявилъ: никто изъ 12 заложниковъ не покинетъ этотъ залъ. Три часа даются имъ на размышленіе. Если же къ этому времени никто не отвѣтитъ опредѣленно на предложенные вопросы,—они всѣ будутъ преданы военно-полевому суду.

У дверей была поставлена стража и въ залѣ наступило молчаніе.

Нѣкоторые изъ заложниковъ стали протестовать противъ подобнаго образа дѣйствій, но Гегенау ихъ даже не выслушалъ.

Гегенау отдалъ стражѣ приказаніе не давать заложникамъ переговариваться между собой, приказалъ принести себѣ газеты и сѣлъ читать.

Спустя два часа Гегенау осмотрѣлся и, какъ ему показалось, онъ увидѣлъ, что нѣкоторые просто боятся высказаться. Не надѣясь получить нужныя ему свѣдѣнія, онъ распорядился пригласить полевой судъ.

Скоро послышались въ залѣ гулкіе шаги вошедшихъ солдатъ и Гегенау, стараясь быть равнодушнымъ, громко на мѣстномъ языкѣ спросилъ капитана, будутъ ли заложники разстрѣляны по одному или попарно и гдѣ находится мѣсто казни.

Заложники заволновались. Нѣкоторые крѣпко ухватились за стулья, чтобъ не упасть съ нихъ, бѣгали въ

отчаяніи по комнатѣ, и стали безпорядочно говорить и выкрикивать о себѣ, о другихъ, извиняясь, жалуясь. Изъ этихъ разноголосыхъ выкриковъ, которые Гегенау не прерывалъ ни однимъ словомъ, онъ могъ уже выяснить, что существуетъ общая организація возстанія, распространяющаяся на всю страну, которую правительство, также синезеленый союзъ, поддерживаютъ деньгами и оружіемъ. Одинъ изъ заложниковъ прямо разсказалъ это, изъ боязни, что у него въ домѣ найдутъ оружіе; оружіе, которое заставляютъ ихъ брать, — какъ онъ выразился. Бургомистръ получаетъ оружіе и раздаетъ его населенію.

Бургомистръ, о которомъ шла рѣчь, глубокій старикъ, но словно помолодѣвшій теперь, въ своемъ возбужденіи и гнѣвѣ, сидѣлъ молча и неподвижно.

— Такъ, я заставляю васъ?—вскричалъ онъ, вдругъ поднявшись и, схвативъ стулъ, хотѣлъ бросить имъ въ предателя. Но нѣсколько ударовъ кулакомъ остановили его, и онъ стоялъ, вооруженный, озвѣрѣвшій отъ прорвавшагося гнѣва, и плюнулъ съ такою силою, что его выпустили, плюнулъ съ презрѣніемъ и ненавистью.

— Да, я получаю оружіе, я подстрекаю, я!—кричалъ онъ.—Я не желаю, чтобы подобные предатели позорили мое отечество.

Онъ зналъ и о взорванномъ мостѣ. И не то еще будетъ. И если разстрѣлять сотни,—еще возстанутъ тысячи.

Гегенау смотрѣлъ на него съ затаеннымъ сожалѣніемъ, допуская, что онъ имѣетъ же неотъемлемое человѣческое право защищать, какъ можетъ, свое отечество.

Но ему уже надоѣла эта комедія и онъ сразу оборвалъ ее. Своей цѣли онъ достигъ, а дальнѣйшее его не интересовало.

Онъ приказалъ лейтенанту задержать заложниковъ, на случай безпорядковъ до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ подкрѣпленіе.

Гегенау не могъ забыть возбужденное лицо бургомистра даже тогда, когда онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ.

Его вѣки смыкались, и когда онъ заснулъ,—вновь выплыло предъ нимъ это лицо патріота, вотъ стало много такихъ лицъ, много, полный вагонъ, — онъ былъ окруженъ ими.

Онъ хотѣлъ защищаться, но не могъ шевельнуть рукой. Сильнымъ напряженіемъ воли онъ открылъ глаза, быстро осмотрѣлся и увидѣлъ мирно спящихъ офицеровъ.

Въ окно смотрѣла уже темная ночь, ему было очень холодно; онъ тяжело поднялся, завернулся въ шинель и снова забился въ уголъ.

Такъ сидѣлъ онъ, между бодрствованіемъ и сномъ, въ ожиданіи, когда кончится эта безсмысленная, ненужная поѣздка. Почти съ жалостью смотрѣлъ онъ на вскочившихъ офицеровъ, наблюдая какъ они облачались въ шинели, обвѣшивались оружіемъ и спѣшили къ выходу. Зачѣмъ? Куда?

Когда его кто-то спросилъ, гдѣ будетъ его квартира,— онъ почти съ испугомъ посмотрѣлъ на говорившаго и уклончиво отвѣтилъ, что ему нужно дальше.

Квартира? Онъ не хочетъ никакихъ квартиръ. Онъ выспался въ вагонѣ. Ему противно подумать о тѣсныхъ комнатахъ, о говорящихъ людяхъ!

И вотъ—онъ удивлялся, какъ легко это далось ему— онъ одинъ, ему удалось вырваться изъ толпы. Онъ сидитъ на лошади, далеко отъ мѣста, гдѣ остановился поѣздъ.

Его лошадь бѣжитъ рысью по ведущей во вражескую столицу желѣзнодорожной линіи, разрушенной непріятелемъ, но еще не возстановленной побѣдителемъ.

Онъ зналъ, что ему придется проѣзжать мимо укрѣпленій и фортовъ непріятельской столицы, теперь разрытыхъ и разстрѣлянныхъ, зналъ, что тамъ въ столицѣ теперь главная квартира кайзера, въ замкѣ бѣжавшаго противника.

Вдругъ подулъ сильный вѣтеръ, полилъ дождь, сначала мелкій, но все усиливавшійся и превратившійся въ ливень. Дождь больно билъ въ лицо, вѣтеръ заставлялъ крѣпче держаться въ сѣдлѣ.

Ужъ разсвѣтало, когда онъ въѣхалъ въ столицу, промокшій весь до нитки, озябшій. Онъ зналъ этотъ городъ раньше и ему показалось, что война и осада совершенно измѣнили его. Впрочемъ, это время совсѣмъ не подходило, чтобы искать красоты. Все выглядѣло тускло, хмуро, печально. Улицы окутаны туманомъ и черныя бѣгущія тучи почти касаются крышъ домовъ.

Главнокомандующій со всѣми учрежденіями пріютился въ зданіи военнаго министерства. Когда Гегенау вошелъ туда, всѣ уже почти были на ногахъ. Но фельдмаршала онъ не могъ видѣть немедленно, такъ какъ тотъ уѣхалъ къ канцлеру. Въ этомъ не было ничего страннаго, ничего необычнаго, но Гегенау почему-то почувствовалъ, что должно послѣдовать какое-то извѣстіе большой важности.

Такъ какъ ему не сразу удалось найти пересланныя сюда его вещи, ему было пріятно, что въ одной изъ желѣзныхъ печей уже горѣлъ огонь; хотя онъ отнесся къ этой печи почти враждебно, потому, что она стояла передъ великолѣпнымъ стариннымъ каминомъ и ея грязная ржавая труба продырявливала его карнизъ.

Пока онъ закусывалъ и выпилъ водки, онъ старался нѣсколько обсушиться, сѣвъ противъ горящей печки, и прислушивался къ разговору, который вели между собою офицеры: молчаливый мрачный капитанъ, столь же жизнерадостный маіоръ и серьезный на видъ, но повидимому, разговорчивый полковникъ, рѣчи котораго, однако, звучали такъ, какъ будто онъ ихъ произносилъ съ кафедры. Но ничего интереснаго Гегенау не узналъ изъ ихъ разсказовъ. Ему уже давно было извѣстно, что дворъ непрія-

теля при ихъ приближеніи укрылся на сѣверъ страны, въ мѣстности, защищенной цѣпью изъ четырехъ крѣпостей, что правительство непріятеля неуловимо — все это было не ново. И когда полковникъ сталъ развивать мысль о томъ, что вся будущая война сосредоточится на взятіи этихъ укрѣпленныхъ позицій и еще трехъ осажденныхъ крѣпостей въ южной части страны и, самое большое, на подавленіе партизанскихъ дѣйствій—вещи, которымъ здѣсь не придавалось особаго значенія, — онъ убѣдился, что въ центрѣ событій знаютъ меньше его, стоящаго за послѣднее время въ сторонѣ.

Въ комнату вошли два адъютанта. Одинъ изъ нихъ, старшій, съ бакенбардами, съ нескрываемой насмѣшкой глядѣлъ на полковника, съ такой серьезностью излагавшаго свои глубокія мысли, молодой же съ очень беззаботнымъ видомъ, сталъ разспрашивать остальныхъ объ ихъ планахъ на сегодняшній вечеръ.

Они освѣдомились не нуждается ли Гегенау въ ихъ услугахъ и оба возбужденно стали разсказывать ему, какъ пріятно можно провести время въ этомъ городѣ.

Маіоръ сердито вмѣшался въ разговоръ: онъ считаетъ себя болѣе свѣдущимъ въ этихъ дѣлахъ, лучше знаетъ городъ и его не слѣдуетъ игнорировать.

Гегенау снисходительно слушалъ ихъ, приблизительно такъ, какъ слушаютъ дѣтей, когда они заспорятъ объ игрушкахъ. Тутъ война, какъ будто ушла на задній планъ.

Посреди этого разговора Гегенау былъ позванъ къ главнокомандующему.

Дополняя свой докладъ о путешествіи, онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы убѣдить фельдмаршала, что не слѣдуетъ умалять значенія обнаружившихся партизанскихъ дѣйствій среди населенія страны.

Главнокомандующій, не проронивъ ни звука, сидѣлъ съ поникшей головой и, казалось, думалъ совсѣмъ о другомъ. Послѣ долгаго молчанія онъ поднялъ голову, по-

смотрѣлъ удивленно, самъ смущенный своею разсѣянностью, и такъ подмигнулъ Гегенау, словно просилъ его быть къ нему сниходительнѣе. И сейчасъ же дружелюбно заговорилъ:

— Да, бѣда одна не приходитъ,—сказалъ онъ, тѣмъ самымъ указывая, что все слышалъ.

Онъ высказался и о новой бѣдѣ, въ связи съ которой и предполагается дать Гегенау порученіе. Поступило извѣстіе съ восточной границы, что зеленое *) государство, сохранявшее до сихъ поръ нейтралитетъ, концентрируетъ вдоль границы большія силы. Быть можетъ, это пустой звонъ, какъ высказался канцлеръ, во всякомъ случаѣ охранить эти границы необходимо.

Онъ не прибавилъ больше ни слова, но Гегенау чувствовалъ, что и полководецъ придерживается того взгляда, что тѣ воинскія части, которыя онъ вынужденъ теперь бросить противъ новаго противника, можно бы примѣнить здѣсь съ большей пользой. Въ особенности, когда приходилось раздроблять свои силы на столь обширномъ пространствѣ изъ опасенія возстанія.

Когда генералъ, послѣ короткаго раздумья, сталъ диктовать по картѣ свои распоряженія на случай возстанія, онъ неожиданно обратился къ Гегенау съ вопросомъ, есть ли у него друзья среди приближенныхъ кайзера.

Гегенау отвѣтилъ, что они всѣ отлично могли бы умѣститься на одномъ конѣ.

— Я думаю—больше,—отвѣтилъ главнокомандующій. —Нѣкто высказалъ мнѣніе, что вы съ большей охотой прослѣдовали бы съ нашей арміей къ восточной границѣ, чѣмъ оставаться здѣсь.

— Если это мнѣніе статсъ-секретаря, то онъ понимаетъ больше моего,—отвѣтилъ Гегенау, улыбаясь, хотя вовсе не считалъ его настолько глупымъ, чтобы онъ могъ такъ выразиться.—Въ остальномъ я радъ сообщить ва-

*) Россія.

шему превосходительству, что я не желалъ бы никакихъ перемѣнъ, что я только часъ тому назадъ возвратился, только сейчасъ узналъ о дѣлахъ на восточномъ фронтѣ и не имѣлъ, такимъ образомъ, времени выразить кому бы то ни было желаніе.

— И я, считая это своимъ правомъ, настоялъ на томъ, чтобы имѣть возможность удержать при себѣ нужныхъ мнѣ людей,—закончилъ полководецъ и протянулъ Гегенау руку.

Онъ благодарно склонился и весело проговорилъ:

— Изъ этого я могу заключить, что ваше превосходительство желаетъ избавить меня отъ того, чтобы быть въ тягость въ другомъ мѣстѣ.

— Въ тягость бываютъ всѣ, въ комъ нуждаешься,— произнесъ фельдмаршалъ серьезно, широко подымая брови и раскрывая глаза такъ, что казалось, будто внезапно открылся потайный входъ.

Гегенау былъ склоненъ считать неожиданную откровенность главнокомандующаго случайной и второстепеннаго значенія, но вскорѣ понялъ, что это замѣчаніе основывалось на присутствіи какихъ-то рѣшеній, между главнокомандующимъ и канцлеромъ. На слѣдующее утро фельдмаршалъ позвалъ Гегенау къ себѣ и поручилъ ему принести двору отъ его имени извиненіе: онъ чувствуетъ себя больнымъ и долженъ оставаться въ постели. Тутъ же онъ передалъ Гегенау докладъ для представленія кайзеру.

— Они ищутъ нужнаго имъ человѣка,—думалъ Гегенау, который принятіемъ доклада видѣлъ себя въ трудномъ положеніи посредника между главнокомандующимъ и верховнымъ начальникомъ. Онъ смѣялся заранѣе при мысли, какъ приметъ его кайзеръ.

Онъ былъ принятъ, хотя и нѣсколько удивленно, но, повидимому, довольно охотно. Только къ концу доклада,

когда пришлось коснуться сути спорнаго вопроса, кайзеръ сдѣлался нетерпѣливъ и оборвалъ Гегенау рѣзкими вопросами, на которые этотъ отвѣчалъ отъ имени главнокомандующаго. Былъ моментъ, когда казалось, что кайзеръ начинаетъ сердиться. Но онъ произнесъ спокойно:

— Нѣтъ, такъ не годится!—и предложилъ еще нѣсколько вопросовъ.

Такимъ образомъ, Гегенау ясно могъ слѣдить за теченіемъ мыслей кайзера.

Чтобы избѣжать полнаго разрыва, онъ предложилъ представить докладъ письменно, что дастъ возможность болѣе основательно разсмотрѣть затронутые вопросы. Кайзеръ, казалось, счелъ это лучшимъ выходомъ и, послѣ короткаго размышленія, согласился.

— Хорошо. Мы завтра увидимъ,—и отпустилъ его.

И Гегенау на завтра опять пришлось явиться ко двору, а затѣмъ и третій разъ. За это время Вильгельма не разъ обуревали сомнѣнія насчетъ правильности его тактики, ибо онъ часто выражался довольно опредѣленно, пока не ослѣпляла его страстность. Его утвержденія стали неувѣреннѣе, онъ уже не находилъ такъ много спорныхъ пунктовъ и придирался къ мелочамъ; но не желая сознаться себѣ въ этомъ, онъ недовольно перелистывалъ докладъ и невольно замѣтилъ, какъ этотъ умно-составленный трудъ лишаетъ его всѣхъ точекъ наступленія. Онъ спросилъ кто писалъ этотъ докладъ и Гегенау не желая лукавить, со скрытымъ удовлетвореніемъ сознался, что надъ этимъ работалъ онъ. Кайзеръ коротко оборвалъ его, заявивъ, по обыкновенію, довольно уклончиво, что онъ желалъ бы слышать выводы исключительно самого полководца и только его. Гегенау отвѣтилъ, что онъ скажетъ неправду, если не отмѣтитъ, что все изложенное въ докладѣ и является выводами главнокомандующаго. Вильгельмъ посмотрѣлъ на него, недовѣрчиво улыбнулся и снова ушелъ въ раздумье, весь омра-

чился и, наконецъ, съ застывшимъ лицомъ произнесъ, что сегодня онъ ему больше ничего сказать не можетъ.

Гегенау убѣждалъ главнокомандующаго, что это дѣло уже покончено, такъ какъ оно получило благопріятное разрѣшеніе. Генералъ же думалъ, оставаясь и здѣсь полководцемъ, что заключительный пунктъ долженъ быть *сказанъ* и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и такъ истолковалъ слова кайзера, что тотъ на завтра предполагаетъ дать отвѣтъ.

Такимъ образомъ, Гегенау пришлось еще разъ отправиться во дворецъ, но на этотъ разъ онъ не былъ принятъ.

Въ тотъ же вечеръ королевскій экипажъ выѣхалъ на квартиру генеральнаго штаба. Верховный вождь желалъ лично освѣдомиться о здоровьѣ своего полководца и оставался у него столько времени, сколько потребовалось на его выздоровленіе, что случилось въ теченіе короткаго полу-часа.

Не прекращающіеся въ теченіе нѣсколькихъ дней дожди заставили фельдмаршала отложить назначеніе, согласно волѣ кайзера, общаго смотра расположеннымъ въ столицѣ войскамъ, который былъ произведенъ при первомъ же ясномъ днѣ.

Этотъ смотръ былъ внезапно прерванъ, такъ какъ собравшаяся огромная толпа сдѣлала попытку, пользуясь немногочисленностью охраны, напасть на старую казарму, наполненную конфискованнымъ оружіемъ.

Эта попытка успѣха не имѣла, да и не могла имѣть, но она явственно показала, что внѣшнему спокойствію столицы можно было довѣрять столько же, сколько спокойствію всей страны. Охрана вездѣ была усилена, приказы настойчиво повторены.

Въ тотъ же вечеръ длинные ряды солдатъ заняли площади и улицы ведущія ко дворцу: кайзеръ, въ дополненіе къ смотру, пригласилъ къ себѣ генеральный штабъ и

всѣхъ свободныхъ отъ службы высшихъ офицеровъ. Былъ здѣсь и канцлеръ, затянутый въ мундиръ, такъ какъ сегодня онъ причислялъ себя къ офицерству.

Гегенау сидѣлъ довольно далеко отъ кайзера и издали ему казалось, что сегодня кайзеръ молчаливѣе обыкновеннаго. Только послѣ обѣда онъ немного оживился, обходилъ всѣхъ, бесѣдовалъ, предлагалъ свои сигары и заговорилъ о войнѣ и о мирѣ. Этотъ разговоръ, очевидно, возбудилъ его. Или онъ хотѣлъ только испытать насколько его помощники еще расположены воевать? Онъ много говорилъ о мирѣ, о такомъ мирѣ, который былъ бы для него желателенъ. Здѣсь онъ сдѣлалъ паузу, всталъ, обвелъ всѣхъ глазами, какъ бы ясно подчеркивая этимъ, что рѣчь его обращается ко всѣмъ.

— И если противникъ все-таки не согласится на такой миръ, то...

Онъ рѣзко оборвалъ на этомъ «то», стремительно прихлопнулъ ящикъ съ сигарами, который былъ у него въ рукахъ и швырнулъ его въ лучистую стеклянную стѣну.

Онъ попалъ угломъ ящика въ одно изъ прекрасныхъ старинныхъ зеркалъ, которое высилось отъ пола до потолка. Трескъ, осколки,—и въ серединѣ стекла образовалась длинная черная дыра.

Но не успѣли осколки достигнуть пола, какъ вся зала задрожала отъ громкихъ рукоплесканій и криковъ «Hoch!» большинства офицеровъ, которымъ этотъ языкъ оказался особенно понятнымъ. Много рукъ потянулось къ кайзеру, а онъ, довольный, закивалъ головой стоя въ центрѣ этихъ неистовствующихъ.

Еще нѣкоторое время бурно кипѣлъ этотъ воинственный духъ и искрился въ теченіе всего вечера.

У Гегенау неотступно стоялъ звонъ въ ушахъ отъ разбитаго стекла: онъ съ грустью почти пристыженный, смотрѣлъ, то на разбитое зеркало, какъ будто онъ сокрушилъ его своими руками, то на кайзера и не въ состояніи былъ

понять, какъ могъ тотъ до того забыться, чтобы позволить себѣ прибѣгать къ подобнымъ эффектамъ.

Также и главнокомандующій, которому вообще противны были всякія бурныя проявленія и пышныя выраженія, казался ему недовольнымъ и уязвленнымъ.

Но больше всего поразило Гегенау въ тотъ вечеръ то, что съ нимъ заговорилъ канцлеръ. Онъ освѣдомился о болѣзни, которая задерживала его дома,—только о болѣзни, и отошелъ. Гегенау внутренно смѣялся при мысли, что если не этотъ, то многіе другіе, съ удовольствіемъ пожелали бы ему сломать шею, при паденіи съ лѣстницы. Тѣмъ удивительнѣе показалось ему это обращеніе канцлера, когда при разъѣздѣ, какъ онъ съумѣлъ замѣтить, кайзеръ старательно избѣгалъ его. Это его почти обрадовало. Въ концѣ концовъ, чѣмъ же все это объяснить?

На этомъ его размышленія оборвались.

Недалеко отъ замка, двигаясь среди длинной вереницы разъѣзжающихся экипажей, онъ вдругъ услышалъ сильный взрывъ передъ своей каретой, на моментъ оглушившій его. Экипажъ, въ которомъ онъ сидѣлъ еще съ тремя офицерами, отскочилъ въ сторону и послѣ небольшого разбѣга, остановился. Раздались крики, стоны, команда, всѣ стали выскакивать изъ экипажей и бросились бѣжать.

Гегенау сразу сообразилъ, что случилось и остановился у того мѣста, гдѣ образовалось особенное скопленіе экипажей: въ серединѣ лежала перевернутая карета, изломанная въ щепы, обезображенная. Темныя тѣла лежали на землѣ и въ каретѣ въ самыхъ причудливыхъ позахъ; одно тѣло застыло въ положеніи рѣзвящагося котенка. Нѣкоторые изъ нихъ еще жили.

Гегенау, вдругъ спохватившись, сталъ искать главнокомандующаго, искалъ его и среди тѣхъ—на землѣ. Онъ долженъ былъ проѣхать въ одномъ изъ этихъ экипажей. Нѣтъ, онъ живъ! Вотъ онъ подходитъ съ другой стороны, быстро, почти бѣжитъ. По крайней мѣрѣ, въ этомъ удача.

Посрединѣ этого смятенія, когда солдаты справа и слѣ-

ва ломали двери и окна, врывались въ жилища, Гегенау ясно представилась фигура кайзера,—какъ она съ приподнятой рукой швыряетъ въ зеркало захлопнутой коробкой. Здѣсь кто-то повторилъ его движеніе, съ тѣми же мыслями, но съ болѣе дикой злобой, съ большей силой. Бросилъ не безразличное дерево, а вѣроятно украденную гранату, а можетъ быть и самодѣльную. Швырнулъ ее изъ неосвѣщеннаго дома на запруженную улицу,—и уничтожилъ больше, чѣмъ одно зеркало. Армія лишилась нѣсколькихъ изъ способнѣйшихъ своихъ генераловъ.

Задумчивый вернулся въ эту ночь Гегенау на свою квартиру. Онъ думалъ, что не кончиться этой ночи спокойно и бросился на кровать не раздѣваясь. Но весь гарнизонъ былъ на чеку и врагъ не рѣшился на нападеніе.

На слѣдующее утро расклеены были по улицамъ извѣщенія, объявляющія городъ въ осадномъ положеніи. Населеніе отвѣтило тѣмъ, что спряталось въ своихъ стѣнахъ. Все точно вымерло, какъ будто сотни тысячъ народу, вдругъ, совершенно исчезли.

Но было ясно, что если въ столицѣ, при многочисленности его гарнизона, удалось сразу подавить этотъ бунтъ, онъ послужитъ сигналомъ къ возстанію для всей страны. Вездѣ загорѣлась ненависть къ покорителямъ и проявленіе ея началось, какъ это обычно бываетъ, съ разрушенія перевозочныхъ и переговорныхъ путей, связывавшихъ проникшаго въ страну непріятеля съ его государствомъ и войскомъ. Объявились борцы, какъ будто изъ подъ земли выросшіе, хорошо вооруженные; въ большинствѣ случаевъ они вовсе не принадлежали къ уроженцамъ захваченной страны. Часто они возили съ собой и пушки. Какъ же это было возможно, когда генеральный штабъ, былъ такъ увѣренъ, что въ его рукахъ всѣ пути и границы? Но они были здѣсь и началась новая война.

Въ большинствѣ населенныхъ пунктовъ были слабые гарнизоны. Сильные же старались выманивать мятежниковъ на улицу или же побудить ихъ къ нападенію. Къ нападенію на мѣстахъ, гдѣ каждый домъ служитъ для нихъ крѣпостью, которую нужно одолѣть по одиночкѣ. Но и побѣда ничего не приносила: армія безсилѣла отъ этихъ побѣдъ. Она сильно теряла въ численности отъ пожаровъ, которые захватывали ее по ночамъ въ городахъ, и всегда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ это должно было быть для нея наиболѣе чувствительно. Тѣмъ болѣе, что дѣло не ограничивалось только одними пожарами, которые часто служили только поводомъ для того, чтобы вызвать замѣшательство и въ это время произвести нападеніе. Тамъ, гдѣ меньше всего ихъ ожидали, появлялись партизанскіе отряды, соединялись въ полчища и тамъ, гдѣ у нихъ оказывался перевѣсъ, нападали на армію, и такъ же быстро исчезали.

Мѣстность, которая сегодня считалась мирною, на завтра могла оказаться вооруженною, а послѣ завтра быть снова мирной. Жители пожимали плечами: партизаны! Какъ будто они говорили о такихъ вещахъ, къ которымъ они не имѣли никакого отношенія. И никто изъ нихъ, конечно, не зналъ, кто они, куда пошли, откуда пришли...

Ни къ чему не привелъ и разстрѣлъ нѣкоторыхъ изъ жителей. И по временамъ казалось, что всѣ воины, убитые въ предыдущихъ бояхъ, снова возстали изъ могилъ своихъ.

Этотъ новый врагъ былъ неуловимъ и нигдѣ нельзя было настигнуть его, чтобы совершенно разбить. Здѣсь совершенно безсильно было и военное искусство, если оно не могло уничтожить всей страны.

Пришлось раздѣлить войско на мелкіе отряды и разсовать его повсюду.

Грозила опасность, что будутъ затрудненія съ продовольствіемъ арміи, тѣмъ болѣе, что теперь удавалось доставать все необходимое только силой и, кромѣ того, уро-

жай оказался почти всецѣло попорченнымъ и сожженнымъ.

Приближались холода. Изъ осажденныхъ крѣпостей на югѣ пала только одна, остальныя еще прочно держались, точно такъ же и на сѣверѣ. Не дремали и тутъ партизанскіе отряды, постоянно изъ-за угла безпокоя тылъ осаждающихъ.

Во всякомъ случаѣ наступила глубокая зима, благопріятная только для осажденнаго, такъ какъ естественно ослабляло подступъ къ нему. Совершенно не предвидѣлось, когда можетъ кончиться эта война.

Къ тому еще на далекой восточной границѣ не было спокойно. Опасность увеличивалась, границы требовали постояннаго вниманія, серьезной бдительности и, что особенно было чувствительно, держали въ бездѣйствіи большую армію, которую можно было бы бросить противъ воюющаго непріятеля. Къ тому же и правительство синяго государства *) тоже имѣетъ какія-то не совсѣмъ ясныя намѣренія, хотя пока ограничивается лишь дипломатическими нотами и замаскированными угрозами.

— Слова,—называютъ это на главной квартирѣ.

— Сказки,—иронизируетъ кайзеръ.

Гегенау, казалось, что вѣдь всѣ говорили только одни слова. Несомнѣнно, выхода теперь нѣтъ. Война должна продолжаться, хотя бы со скрежетомъ зубовнымъ, какъ это, навѣрно, и кайзеръ уже думаетъ, и если придется, то даже и противъ ста враговъ. Но для чего? Все изъ-за выгодъ, которыхъ можно было добиться легчайшимъ путемъ, болѣе прочно и въ большемъ количествѣ. И вся эта невинно пролитая кровь, удобряющая собой почву...

Уже въ ближайшіе дни довелось ему видѣть, какъ эта кровь проливалась въ столицѣ, до сихъ поръ сдерживаемой внѣшней строгостью.

---

*) Англія.

Мало-по-палу ослаблялся гарнизонъ города, такъ какъ войска нужны были въ окрестностяхъ для охраны путей подвоза припасовъ, въ которыхъ городъ крайне нуждался. Отсутствіе большого числа войскъ сдѣлало горожанъ болѣе смѣлыми, и вотъ въ одну туманную ночь, внезапно потухли всѣ огни въ одной половинѣ города.

Небольшой кучкѣ горожанъ удалось проникнуть въ сильно охраняемую электрическую станцію и разрушить машины. Подъ покровомъ темноты и тумана они двинулись дальше; отъ улицы къ улицѣ ихъ становилось больше.

Отсутствіе свѣта поставило жителей передъ роковымъ вопросомъ: не пришло ли время дѣйствовать? Они охотнѣе отвѣтили да, чѣмъ нѣтъ и извлекли оружіе изъ такихъ мѣстъ, гдѣ, несмотря на строгость и тщательность обысковъ, найти его раньше не удавалось.

Только центръ города былъ внѣшне спокоенъ: быстро собранныя войска скоро превратили его въ военный лагерь. Но предмѣстья города оглашались выстрѣлами; еще немного погодя, и стали воздвигаться баррикады; солдаты разрушали ихъ, но тутъ же воздвигались новыя. Такъ продолжалось до утра.

День увидѣлъ одно изъ предмѣстій, захваченнымъ жителями, загородившими всѣ входы быстро сложенными каменными стѣнами. Правда, пушки побѣдителей быстро снесли многіе изъ этихъ каменныхъ валовъ, но позади и въ другомъ мѣстѣ воздвигались новые, используя существующія преграды—дома. Все большее количество солдатъ должно было быть отозвано изъ центра въ видѣ подкрѣпленія. Но стоило убрать войско съ одной улицы, какъ жители моментально осыпали спины солдатъ пулями. Это повторилось лишь пару разъ, такъ какъ охватывающее кольцо солдатъ все больше съузилось.

До вечера перваго дня жители успѣли въ большинствѣ частей города взять перевѣсъ, ночью же они еще болѣе укрѣпились, осмѣливались даже нападать на центръ и

на ближайшую ко дворцу мѣстность. Нѣсколько выстрѣловъ попали и въ окна дворца, такъ что командующій, послѣ отбитаго нападенія, доложилъ кайзеру, что слѣдуетъ поискать болѣе безопасное мѣсто. Кайзеръ разсердился и заявилъ, что, при слѣдующемъ нападеніи, онъ самъ сядетъ на коня и возьметъ на себя команду. Но слѣдующаго нападенія не послѣдовало.

Къ утру главнокомандующій самъ принялъ на себя команду. Онъ оставилъ въ центрѣ столько войска, чтобы они могли удержать его за собой, а съ остальными началъ наступленіе, продвигаясь между улицами и домами, клиномъ врѣзываясь въ одинъ изъ пригородовъ и изъ этого пункта, широкимъ фронтомъ тѣсня мятежниковъ въ одну сторону, улицу за улицей, такъ что перебросилъ защитниковъ изъ одной части города въ другую.

Къ вечеру одна треть города была снова въ его рукахъ. Борьба не затихала въ теченіе всей ночи. Несмотря на послѣднее пораженіе жители все еще вѣрили въ побѣду. Во многихъ мѣстахъ они поджигали дома, чтобы воспрепятствовать прохожденію войска, но въ полночь разразился ливень, который быстро сбилъ огонь и ѣдкій дымъ окуталъ весь городъ.

Утромъ грустное, красное солнце просвѣчивало сквозь поднимающійся къ небу дымъ. Не обращая вниманія на огонь, дымъ и солнце, борьба не прекращалась.

Когда стало темнѣть, генералъ отрядилъ къ возставшимъ посредника съ предложеніемъ сдаться. Офицеръ больше не вернулся.

Все уже стягивалось кольцо. Опять вспыхнули пожарища, теперь во всѣхъ концахъ. Казалось возставшіе, не имѣя возможности защитить городъ, рѣшили его уничтожить.

Посреди свиста ядеръ и рева пушекъ услышали наступающіе солдаты музыку доносящуюся изъ-за дымящихся домовъ. Потомъ выяснилось, что музыка, какъ было между жителями условлено, должна была играть

для созыва семействъ убитыхъ. Теперь, однако, музыканты желали ободрить послѣднихъ защитниковъ и музыкой своей посылали они въ дымный воздухъ свой гнѣвъ, ненависть и все отчаяніе умирающаго города...

Къ вечеру все затихло. Горячія еще пушки своими жерлами будто зѣвали, орудія стояли покойными рядами вдоль улицъ, только кое-гдѣ шипѣло еще пламя...

Умолкъ и побѣдитель, подсчитывая свои потери. Они стоили хорошей битвы.

Гегенау видѣлъ кайзера, устало и молчаливо ѣдущаго по улицамъ города, грустно глядящаго на разрушенные дома, дымящіяся стѣны. Такъ же смотрѣлъ онъ на своихъ солдатъ, болѣе утомленныхъ и обезсиленныхъ отъ голода, чѣмъ отъ боя.

Подвозъ продуктовъ остановился. Уже два дня городъ совершенно отрѣзанъ отъ міра. Даже главная квартира почти не получала извѣстій извнѣ. И теперь еще далеко не все наладилось.

Во время возстанія въ столицѣ, не остались безучастными и окрестности. Повсюду борьба, даже изъ-за каждаго мѣшка муки, каждой охапки сѣна,—и броженіе снова покатилось черезъ всю страну.

На этотъ разъ оно вылилось сильнѣе на сѣверѣ, въ гористой мѣстности котораго маленькія банды подъ предводительствомъ бывшаго генерала, соединились въ цѣлыя арміи. Они наносили постоянный и чувствительный уронъ тылу осаждающихъ армій.

На третій день, послѣ подавленія возстанія въ столицѣ, пришло извѣстіе, что одна изъ бродившихъ въ окрестностяхъ шаекъ, напала на поѣздъ, везшій осадныя орудія съ завода Гегенау, разбила сильный конвой, сопровождавшій поѣздъ и, хотя затѣмъ вновь была прогнана, все-таки кое-что успѣла повредить.

Гегенау сейчасъ же снарядился въ путь, чтобы осмотрѣть поврежденія и, если они окажутся незначительными самому руководить починкой пушекъ.

Орудія находились въ мѣстности, напоминавшей ему окрестности одного имѣнія его отца. Тѣла пушекъ оказались невредимыми и только на замкахъ и менѣе важныхъ частяхъ незначительныя раны, которыя можно было залѣчить имѣющимися на лицо запасными частями. И все-таки на исправленіе, перевозку и постановку пушекъ ушло почти три недѣли.

Они совершенно измучили его,—эти три недѣли. Постоянныя препятствія, постоянныя остановки, ничего не удавалось сразу сдѣлать такъ, какъ это было нужно. Сначала безпрерывные дожди, которые размыли всѣ дороги. Колеса транспортныхъ телѣгъ часто по цѣлымъ часамъ нельзя было сдвинуть съ мѣста, ноги животныхъ и людей вязли въ болотахъ. Потомъ, когда они уже попали на твердую почву, наступили сильные морозы и сдѣлали спуски до того скользкими, что тяжелыя телѣги катились съ горъ и одно орудіе было повреждено, а нѣсколько людей изувѣчено.

Эти морозы продолжались и тогда, когда въѣзжали въ линію осады. Яснымъ и прозрачнымъ оставался воздухъ, какъ будто благопріятствуя непріятелю, чтобы онъ изъ высокорасположенныхъ крѣпостей могъ видѣть всѣ приготовленія, которыя дѣлались для его покоренія. На остеклѣвшей мерзлой почвѣ гранаты катились словно мячики, въ большомъ кругѣ разсѣивали свои осколки,--потому что непріятель замѣтилъ приготовленія и прилагалъ много усилій, чтобы воспрепятствовать имъ.

Одинъ изъ такихъ осколковъ, когда устанавливались на позиціи послѣднія орудія, порвалъ Гегенау рукавъ и еще что-то подальше рукава: онъ протянулъ длинную борозду по мясу. Но это не охладило его пыла побѣдителя, которымъ онъ былъ охваченъ въ виду казавшихся неуязвимыми вражескихъ позицій.

На другой день, когда его орудія въ первый разъ открывали свои широкія жерла, онъ самъ направлялъ ихъ огонь, чтобы въ хорѣ съ другими подготовить и поддержать нападеніе на одну изъ важнѣйшихъ позицій непріятеля. Бой продолжался съ утра до вечера, но успѣха не было.

Утомленный, огорченный и совершенно больной, болѣе чѣмъ когда либо ненавидящій эту затянувшуюся войну, сердитый на кайзера, канцлера и на весь міръ, вернулся Гегенау въ маленькій горный домикъ, служившій ему квартирой. Командующій правымъ флангомъ осаждающей арміи, генералъ, жившій въ немъ вмѣстѣ съ дивизіоннымъ пасторомъ, пріютилъ и Гегенау.

Домикъ былъ расположенъ одиноко позади линіи огня, защищенный горнымъ спускомъ, тѣсно прислонившись къ бывшей каменоломнѣ. Въ немъ были только двѣ комнаты: хозяева жили въ одной, генералъ и пасторъ во второй. Спали прямо на сѣнѣ и покрывались старыми лошадиными попонами и своими шинелями. Кирпичный очагъ замѣнялъ печь, но внутри онъ былъ разрушенъ и совершенно не грѣлъ. Батарейный слесарь сдѣлалъ имъ поэтому изъ сломанной ступки и куска кровельнаго жолоба что-то вродѣ желѣзной печи, трубу которой вложили въ топку очага. Чтобы уходящая теплота не пропадала, на кирпичный очагъ положили принесенную изъ сѣней толстую каменную плиту.

На эту плиту и сѣлъ Гегенау, послѣ того какъ всунулъ въ желѣзную трубу всѣ имѣвшіяся дрова и поджегъ ихъ сѣномъ. Несмотря на теплоту, идущую снизу, ему было очень холодно и онъ принесъ свое одѣяло. Онъ опять сѣлъ, кругомъ завернувшись въ одѣяло, и среди дыма, выползавшаго изъ всѣхъ щелей, тупо и неподвижно наблюдалъ лунный свѣтъ, проникавшій въ окно и ползущій по стѣнѣ, по полу.

Лихорадочное состояніе, усталость и неподвижно устремленный взглядъ впередъ погрузили Гегенау въ

какое то оцѣпенѣніе. Онъ унесся далеко отъ всего житейскаго и совершенно не удивился, когда въ своей комнатѣ увидѣлъ кайзера. Но Гегенау увидѣлъ его не такимъ, какимъ всегда зналъ его, но какъ будто старше годами, лѣтъ шестидесяти. Можетъ быть ему это только показалось, потому что кайзеръ былъ совершенно бѣлъ: голова, руки и одежда, какъ будто онъ былъ сдѣланъ изъ гипса. Онъ и блестѣлъ, какъ гипсовая фигура и сидѣлъ неподвижно на бѣлой скамьѣ въ бѣлой стекляной комнатѣ. Но когда Гегенау немного подобралъ подъ себя одѣяло, потому что въ присутствіи кайзера оно показалось ему смѣшнымъ, тотъ сдѣлалъ движеніе головой. Раньше съ перерывами, причемъ связки шеи хрустѣли и скрипѣли, какъ будто онѣ были ржавыя, потомъ нѣсколько свободнѣе. Наконецъ, онъ поднялъ голову и сдѣлалъ усиліе встать. И опять послышался хрустъ и скрипъ въ связкахъ, какъ будто они были сдѣланы изъ проволоки. Кайзеръ всталъ и, какъ на ходуляхъ, пошелъ со странно болтающимися и неповоротливыми ногами.

— Все проволока. Гипсъ, дерево и проволока,—подумалъ Гегенау и громко засмѣялся.

Его смѣхъ заставилъ гипсоваго кайзера встрепенуться, онъ отвернулся и, безпомощно двинувшись къ стекляной двери, нажалъ ручку и исчезъ въ виднѣвшемся за стѣной саду—но сейчасъ же снова вернулся и направился прямо къ Гегенау.

— Отъ господина генерала,—произнесъ голосъ такъ громко, что комната задрожала и сидящій почувствовалъ, какъ закачалась подъ нимъ печка.

— Ординарецъ? — спросилъ Гегенау равнодушно, какъ будто вошедшій былъ дѣйствующимъ лицомъ его видѣнія.—Да, благодарю,—закончилъ онъ такъ же спокойно,когда увидѣлъ, что около него стоитъ вѣстовой, подающій ему записку отъ генерала.

Но и послѣ того, какъ ординарецъ уже скрылся за дверью, онъ не взглянулъ на записку, а остался спокойно

сидѣть и только прислушивался къ пульсированію своей раненой руки, къ одиночнымъ ночнымъ выстрѣламъ, доносившимся издалека.

Пришелъ пасторъ и много смѣялся надъ сидящимъ на печкѣ, завернутымъ въ одѣяло и раздѣленнымъ луннымъ свѣтомъ на двѣ половины, черную и бѣлую, человѣкомъ.

— Лучше было бы, если вы поспали, — сказалъ пасторъ серьезнѣе, позѣвывая и укладываясь на сѣнѣ.— Куда вы собираетесь отсюда?

Гегенау долго думалъ надъ этимъ страннымъ вопросомъ.

— Куда?—спросилъ онъ, наконецъ.

Не говоря ни слова, пасторъ отбросилъ одѣяло, всталъ, зажегъ огарокъ свѣчи и освѣтилъ лицо Гегенау.

— Видъ у васъ не блестящій,—сказалъ онъ ворчливо.

Гегенау стиснулъ зубы изъ боязни, что они будутъ стучать и пасторъ услышитъ это. Чтобы доказать, что онъ совсѣмъ такой же, какъ всегда, онъ быстро поднесъ записку къ свѣту и сталъ читать. Но то, что онъ читалъ казалось совсѣмъ безсмысленнымъ: буквы скакали, бѣжали и кружились. Молча прося помощи, онъ подалъ бумагу пастору.

Тотъ, однако, бросилъ ее, не читая, на столъ.

— Васъ зовутъ обратно, больше ничего, — сказалъ онъ.—Я уже знаю,—это отъ генерала.

— Меня? Кто? — довольно твердо спросилъ Гегенау, такъ какъ, несмотря на лихорадку, онъ еще соображалъ настолько, чтобы удивиться этому неожиданному вызову обратно.

Оказалось, что прибыла телеграмма, которой князь Барсфельдъ именемъ канцлера предписывалъ Гегенау немедленно вернуться.

— О поѣздкѣ въ такомъ состояніи не можетъ быть и рѣчи,—сказалъ пасторъ.

— Можетъ, — возразилъ Гегенау, соскользнулъ съ

печки и сталъ читать записку.—Уже буквы стоятъ прямо, больше меня не лихорадитъ. Я ѣду сейчасъ же.

Онъ настаивалъ на своемъ, несмотря на всѣ уговоры пастора и убѣждалъ его, что совершенно безразлично, мерзнетъ ли онъ здѣсь на печкѣ, завернутый во всѣ одѣяла и шинели, или будетъ ли сидѣть на своей лошади.

— Я долженъ былъ молчать! Жалко свѣчи,—ворчалъ пасторъ; онъ сейчасъ же задулъ свѣчку, бросился на сѣно, долго потомъ ворочался, притворившись спящимъ, и ничего не отвѣтилъ Гегенау, когда тотъ, уходя, попрощался съ нимъ.

Но когда Гегенау отправился на окопы, чтобы попрощаться съ генераломъ и офицерами, около него вдругъ опять очутился пасторъ. Несмотря на свою усталость, пошелъ еще провожать его...

Эта ночная поѣздка совершенно сломила лихорадку Гегенау и на другое утро онъ самъ себѣ удивился. Прежде всего тому, зачѣмъ онъ такъ спѣшитъ. Вѣдь ничего особеннаго не ждетъ его. И онъ рѣшилъ остановиться въ деревушкѣ, и въ домѣ крестьянина проспалъ нѣсколько часовъ. Когда онъ проснулся, ему вдругъ стыдно стало своихъ заботъ лишь о себѣ и онъ со всѣхъ силъ погналъ свою лошадь, чуть не загнавъ ее до полусмерти. По желѣзной дорогѣ въ этой части страны пассажировъ не перевозили: они едва справлялись съ перевозкой грузовъ. Только къ вечеру ему удалось попасть въ одинъ изъ такихъ поѣздовъ; онъ проѣздилъ всю ночь, такъ что и во время сна продвигался впередъ, и утромъ, сѣвъ снова на коня, попалъ къ полудню въ столицу.

Гегенау сильно тянуло пойти сейчасъ же къ князю Барсфельду, съ которымъ онъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и довольно часто встрѣчался ранѣе. Но онъ долженъ былъ прежде всего представиться своему старому другу—главнокомандующему.

Генералъ очень любезно, хотя нѣсколько сдержанно, принялъ его; зналъ объ его ускоренномъ возвращеніи, зналъ, повидимому, еще больше, такъ какъ очень сожалѣлъ потерять такого сотрудника.

— Сожалѣетъ? Потерять?—спрашиваетъ себя Гегенау и выраженіемъ лица и сорвавшимися словами выдалъ, что ему вообще ничего неизвѣстно.

Послѣ этого удивленный генералъ сталъ еще теплѣе и, подтрунивая, намекнулъ, что Гегенау уже давно былъ у него подъ подозрѣніемъ, онъ ждалъ, что тотъ когда нибудь вызоветъ эту перемѣну. Въ чемъ состоитъ эта «перемѣна» онъ, однако, не сказалъ.

— Тѣмъ болѣе я и жалѣю потерять васъ, — закончилъ онъ, исчерпавъ всѣ доводы для вопросовъ со стороны Гегенау и, въ то же время, выражая свое пренебреженіе къ какой бы то ни было дѣятельности, казавшейся ему менѣе значительной и важной, чѣмъ военное искусство.

Еще не вполнѣ разобравшійся въ словахъ генерала и гадая о многомъ, Гегенау явился къ князю Барсфельду, который, какъ ему доложилъ слуга, только что всталъ изъ-за стола и отдыхаетъ.

Черезъ открытую дверь онъ увидѣлъ князя, лежащаго на диванѣ. Закутанный въ плэдъ, съ покрытымъ бѣлымъ платкомъ лбомъ, онъ усиленно курилъ изъ длинной, почти достигающей пола, трубки и недовольно щурился на дверь.

— Ахъ, это вы! Хорошо!—воскликнулъ облегченно князь, когда узналъ вошедшаго. Онъ извинился, что остается лежать.—Глядите, какъ мы поддерживаемъ себя для службы.

Онъ взялъ мокрый платокъ, погрузилъ его въ чашку, стоявшую около дивана, и опять положилъ себѣ на лобъ.

На сочувствующій вопросъ Гегенау онъ еще усиленнѣе сталъ курить.

— Я далъ себѣ пять лѣтъ, — сказалъ онъ. — Мо-

жетъ быть, это будетъ три, два, а можетъ быть, еще меньше. Насколько хватитъ дѣйствія вотъ этихъ мокрыхъ тряпокъ. Впрочемъ, бѣда не въ этомъ. Бѣда въ томъ, что это сознаніе заставляетъ меня быть особенно чувствительнымъ ко всякому пустяку, какъ никогда въ жизни, и во все, что бы я ни дѣлалъ, мнѣ приходится вкладывать всю душу. Это для меня совершенно ново. Меня раздражаютъ ошибки, которыя дѣлаются, меня заботятъ ошибки, которыя не дѣлаются и которыя, по моему мнѣнію, должны быть сдѣланы. Меня раздражаютъ тѣ, такъ сказать, накладыватели печатей, дипломатическая способность которыхъ только и ограничивается ловкостью красиво подписывать свое имя.

Онъ прервалъ себя.

— И я былъ такимъ. Можете это сказать! Меня это больше не задѣваетъ... Я теперь говорю противъ кайзера и канцлера... Какъ, вы не поражены? Я и одного мѣсяца себѣ не даю!

Гегенау старался успокоить взволнованнаго князя, но тотъ уже снова погружалъ въ воду свой платокъ.

— Поэтому у меня и работы столько, какъ никогда въ жизни. Мало думаю о ѣдѣ, питьѣ, къ счастью, въ этомъ и нѣтъ избытка. Работаю за двоихъ. Со вчерашняго дня перешла ко мнѣ работа и министра иностранныхъ дѣлъ. На сколько времени—неизвѣстно...

— Онъ еще боленъ?

— Онъ застрѣленъ!..

Гегенау былъ пораженъ.

— Вы этого не знали? Вчера. На улицѣ...

— Кто? Почему?

— Кто?—Кое-кто. Почему?—Такъ себѣ. Потому что нашъ другъ былъ безобидный человѣкъ, или потому, что кто-то кого-то долженъ былъ застрѣлить. Мнѣ бы дыра въ животѣ была бы, пожалуй, полезнѣе, чѣмъ ему.

Онъ искоса взглянулъ на Гегенау и теперь обратилъ вниманіе на его привязанную руку.

— Вы тоже?—воскликнулъ онъ почти радостно.—Ранены? Разскажите объ этомъ. Какого рода раненіе? Гдѣ случилось? Какимъ образомъ? Когда? Глубокая? Насколько глубокая? Меня это очень занимаетъ.

— За этимъ вы меня и вызвали сюда? — улыбаясь спросилъ Гегенау, которому показалось, что теперь можно уже приступить къ дѣлу.

— Пощадите же меня!—просительно воскликнулъ князь.—Я долженъ отдохнуть. Дѣлами займемся не раньше, какъ черезъ полчаса. Я долженъ быть остороженъ...

Гегенау подчинился.

Скоро онъ добился того, что князь за бесѣдой и смѣхомъ позабылъ мочить свой платокъ и, почти испуганно, поднялся еще до истеченія получаса.

Князь Барсфельдъ повелъ Гегенау въ свою рабочую комнату и сейчасъ же началъ говорить о дѣлахъ. Началъ съ того, что кайзеръ и канцлеръ теперь уже не такъ увѣренно шагаютъ въ своихъ желѣзныхъ ботфортахъ и навѣрное уже натерли себѣ мозоли. Онъ знаетъ достовѣрно, что по ночамъ канцлеръ видитъ далеко не радостные сны. А потомъ,—онъ можетъ въ этомъ сознаться,—тотъ цѣлыми днями пристаетъ къ нему съ разными вопросами.

— Къ вамъ?—спросилъ Гегенау.

— Да. Ко мнѣ. Какъ это ни кажется вамъ смѣшнымъ. Ко мнѣ, который боялся этой отвѣтственности. Понимаете ли вы теперь, гдѣ жметъ мнѣ сапогъ? Повсюду! Меня считаютъ теплой свѣчей среди холодныхъ сальныхъ головъ, и долженъ же я приложить нѣкоторыя старанія, чтобы оправдать мнѣніе обо мнѣ. Поэтому я обо всемъ забочусь, высказываю мои мысли, потому что долженъ «свѣтить», становлюсь отвѣтственнымъ, потому что долженъ говорить. Я уже предвижу то время, когда и моя чернильница познаетъ сомнительное счастье дарованнаго ей вниманія. Потопа не будетъ! Нѣтъ! Но мнѣ придется

сѣсть на стулъ, который такъ неожиданно только что покинулъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Но это же прекрасно!—воскликнулъ Гегенау радостно.

— Это совсѣмъ не такъ прекрасно,—возразилъ графъ.

Графъ сталъ излагать ему суть дѣла.

Все, что здѣсь происходитъ Гегенау, вѣроятно, знаетъ не хуже его. Положеніе на восточной границѣ ему тоже извѣстно. Но всего онъ, однако, не знаетъ. Не знаетъ, что зеленый сосѣдъ въ послѣдніе дни производитъ тамъ крайне подозрительныя передвиженія.

— Такъ все и продолжается!—насмѣшливо сказалъ Гегенау, читая отчеты, которыя князь положилъ передъ нимъ.—Зеленые подвозятъ свои полки, мы—свои, и массы стоятъ на границѣ и зѣваютъ другъ противъ друга. Новый способъ веденія войны,—бережете порохъ и людей, препятствуете вмѣшательству нашихъ союзниковъ и ведете увѣренно къ цѣли... Наши войска таютъ здѣсь...

Князь добавилъ, что таетъ еще большее: и довѣріе и терпѣніе страны.

— Я знаю,—сказалъ Гегенау.

— Врядъ ли все знаете,—возразилъ князь и передалъ ему пачку газетъ и телеграммъ, полученныхъ имъ утромъ.

Гегенау сталъ ихъ просматривать.

— Что за идіотъ касается здѣсь способа веденія войны? прервалъ онъ себя полугромко. Но онъ все-таки дочиталъ до конца.

— Князь, позаботьтесь, чтобы все было прочитано,—попросилъ онъ, хотя съ такимъ выраженіемъ, что теперь уже это и безразлично. Но князь понялъ, *гдѣ* оно должно быть прочитано.

— А нашъ синій*) другъ?—спросилъ Гегенау, такъ какъ собесѣдникъ молчалъ.

*) Англія.

— Синій? Зеленый?—Князь смѣялся.—Ничего!

— Вы же ведете кое-какіе переговоры съ синими. О чемъ?

— Если передать вамъ голый смыслъ: ни о чемъ. Синій жалуется—я жалуюсь. Онъ угрожаетъ—я угрожаю.

— Это такое же великолѣпное веденіе войны, какъ концентрація бездѣятельныхъ армій,—сказалъ Гегенау.—Но великолѣпно не для насъ. Особенно, когда знаешь, что за этимъ скрывается.

Князь опять засмѣялся.

— Что за этимъ скрывается?—Опять таки ничего. Спросите нашего посланника у сине-сине-синихъ. Великолѣпный человѣкъ, толковый, умный, — да вы его знаете! Онъ прекрасно представляетъ насъ тамъ. Но онъ видитъ часто почки тамъ, гдѣ они вовсе и не думаютъ расти, а когда появляются дѣйствительныя почки, замѣчаетъ ихъ тогда, когда они успѣли уже вырасти съ локоть величиною. Когда же кто-нибудь вздумаетъ хвалить его наружность, онъ теряется отъ благодарности и признательности.

Гегенау зналъ, что въ этомъ отзывѣ есть добрая доля правды, но зналъ также, что между этими двумя дипломатами существуетъ давнишняя вражда.

— Каждый хорошъ по своему!—сказалъ онъ.—Но мы не можемъ дѣлать отвѣтственными нашихъ посланниковъ за то, въ чемъ ошибаются здѣсь.

— Но мы можемъ послать ему помощника, у котораго здоровые глаза и здоровые уши,—продолжалъ князь настойчиво.—Спрашивается только: кого.

— Всякаго, кто обладаетъ самолюбіемъ. Соревнованіе усиливаетъ самыя слабыя чувства.

— Думаете ли вы, что между ними возможны будутъ крупныя разногласія? Или, что можно вообще никого не посылать?

— Я прежде всего думаю, какая цѣль въ этомъ?

— Канцлеръ желаетъ узнать, насколько сильна тамъ

склонность къ соглашенію съ нами, да и существуетъ ли таковая. Я предложилъ поручить эту миссію—вамъ...

Гегенау ждалъ этого. Но не проронилъ ни слова.

— Ну, помогите же мнѣ!..—просилъ князь, боясь отказа Гегенау.

Гегенау поспѣшилъ успокоить князя, но желалъ узнать, предлагалъ ли уже тотъ это соглашеніе въ смыслѣ союза въ будущемъ.

Нѣтъ, этого онъ не дѣлалъ.

— Тѣмъ легче мнѣ высказаться. Я считаю безполезной всю эту затѣю,—сказалъ Гегенау.

— Возможно!—«Кто знаетъ?»—какъ говорятъ кайзеръ и канцлеръ. Во всякомъ случаѣ, это возвратъ къ благоразумію, который требуетъ очень нѣжнаго и заботливаго ухода.

— Зачѣмъ желать невозможнаго? Это такъ же благоразумно, какъ если бы я заставилъ свою собаку охотиться на верхушкѣ дерева за фазаномъ, вмѣсто того, чтобы согнать его внизъ... Я заранѣе предвижу, что мои свѣдѣнія будутъ самаго отрицательнаго свойства.

Князь снова оживился.

— Вотъ объ этомъ я и прошу васъ. Отправляйтесь туда, соберите свѣдѣнія и привезите ихъ намъ, — хотя бы и отрицательныя. Тогда это по крайней мѣрѣ будетъ *сказано*. Посланникъ же нашъ не рѣшится признаться въ этомъ, если-бъ даже и былъ увѣренъ. Онъ опасается, чтобъ его не обвинили въ неспособности къ посредничеству.

Князь казался очень довольнымъ и дѣятельно принялся, чтобъ покончить все разомъ, за изготовленіе нужныхъ отъѣзжающему документовъ.

— Теперь я повезу васъ къ канцлеру, хотя, долженъ сознаться, онъ не очень радъ будетъ встрѣчѣ съ вами.

Визитъ у канцлера былъ очень коротокъ. Въ своихъ объясненіяхъ онъ ограничился лишь самымъ необходимымъ и, скупой вообще на слова, выразился въ такомъ

смыслѣ, что вовсе не придаетъ дѣлу настолько серьезнаго значенія, чтобъ о немъ много разговаривать.

На слѣдующее утро Гегенау уѣхалъ въ западное государство, какъ прикомандированный къ посольству, для освѣдомленія въ какихъ предѣлахъ укладывается, при настоящихъ, измѣнившихся изъ-за войны, обстоятельствахъ, дружественное отношеніе синяго *) правительства.

II.

Спустя нѣсколько недѣль князь сидѣлъ въ кабинетѣ канцлера. Обсуждались извѣстія, полученныя отъ Гегенау.

Канцлеръ былъ не въ духѣ. Онъ жаловался на все. На этотъ бѣлый снѣгъ, на холодъ, здѣсь и на улицѣ, на плохое отопленіе, плохое освѣщеніе, въ чемъ, кстати, скоро будетъ большая нужда... Изъ всего этого новый статсъ-секретарь заключилъ, что между канцлеромъ и кайзеромъ вышло какое-то разногласіе. Князь еще больше увѣрился въ этомъ, когда тотъ заговорилъ о томъ, что вотъ даже Рождество не удастся провести дома, какъ онъ это раньше предполагалъ и какъ еще предполагаетъ его супруга.

Тутъ князь не стерпѣлъ и съ грустью сказалъ, что онъ даже забылъ думать о женѣ, о дѣтяхъ.

— Да, этотъ годъ несчастенъ для многихъ,—сказалъ канцлеръ. Онъ вполнѣ понимаетъ князя, что онъ съ большимъ удовольствіемъ желалъ бы быть лишь наблюдателемъ міровыхъ событій, чѣмъ самому принимать въ нихъ участіе.

— Это, конечно, не значитъ, что я желалъ бы устра-

*) Англія.

ниться отъ всякихъ дѣлъ,—поспѣшилъ онъ прибавить нѣсколько окрѣпшимъ звонкимъ голосомъ.

Но князю все-таки казалось, будто этому человѣку дѣлается тѣсно въ своей оболочкѣ. И онъ скоро узналъ, какъ осторожно ни выражался канцлеръ, что кайзеръ недоволенъ, недоволенъ имъ, канцлеромъ, княземъ, но больше всего извѣстіями Гегенау, которыя ни въ малѣйшей степени не отвѣчали его желаніямъ. Потому что посланникъ сообщилъ, что синее государство совершенно не склонно отказываться отъ своей враждебной позиціи, что увѣщанія и дружескіе совѣты о миролюбіи, поступившіе изъ другихъ странъ, считаются здѣсь завѣдомо неискренними и преподанными подъ извѣстнымъ вліяніемъ и что всякія попытки къ соглашенію должны быть совершенно исключены и могутъ лишь повредить престижу отечества.

Тутъ князь замѣтилъ, что положеніе дѣйствительно таково, что нельзя же думать о немъ съ радостной улыбкой, и что,—какъ они оба прекрасно знаютъ,—эти извѣстія вѣдь совершенно перепутали всѣ планы кайзера. Но когда канцлеръ заговорилъ объ упрекахъ, дѣлаемыхъ ему кайзеромъ и, долженъ же онъ это сказать князю, что оба они принялись за дѣло такъ, будто имѣли дѣло съ рѣпой вполнѣ спѣлой, а не съ такой, которая еще должна вырасти,—тутъ и князю стало не по себѣ.

— Не мѣшало бы подумать и о почвѣ, взростившей эту рѣпу,—сказалъ онъ грустно и ограничился этимъ замѣчаніемъ, такъ какъ канцлеръ принялъ эти слова, какъ удары крапивы по голому тѣлу. Все-таки онъ счелъ нужнымъ прибавить, что съ удовольствіемъ ляжетъ въ гамакъ, если кому-нибудь не нравится его огородничество. Хотя онъ заранѣе зналъ, что отвѣтитъ ему канцлеръ, но *одну* радость, однако, онъ хотѣлъ себѣ доставить.

Канцлеръ сейчасъ же сталъ увѣрять его, что говоря о недовольствѣ имъ, онъ вѣдь говорилъ не за себя; наоборотъ, онъ желаетъ, чтобъ князь еще долго служилъ

ему своей опытностью. Вообще онъ вдругъ сталъ особенно тепло разспрашивалъ князя о личной жизни, о здоровьи и, между прочимъ, о томъ, не получаетъ ли князь личныхъ писемъ отъ Гегенау. Князь сейчасъ же досталъ изъ кармана письмо, которое онъ получилъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ, и прочелъ канцлеру одно мѣсто, гдѣ Гегенау писалъ, что, не взирая на все, онъ все таки думаетъ, что если синее государство упорно не желаетъ соглашенія, оно въ такой же мѣрѣ не желаетъ и войны, за исключеніемъ одного случая, о сущности котораго онъ въ письмѣ ему писать не можетъ.

— Это письмо возбудило во мнѣ страшное любопытство!—сказалъ канцлеръ, втайнѣ струсивъ. Но вспомнивъ о началѣ письма, онъ нѣсколько успокоился и съ небрежнымъ равнодушіемъ произнесъ:—Впрочемъ, не будемъ пугаться этой войны.

Онъ заторопился къ кайзеру.

И сразу ушедшій въ свои заботы, онъ едва услышалъ, когда князь говорилъ ему, что Гегенау писалъ о документахъ, которые привезетъ съ собой, но не сообщилъ скоро ли онъ вернется.

Среди ночи князь вдругъ проснулся отъ сильнаго удара въ окно. Сонный поднялъ онъ голову, думая, что это ему приснилось, но послѣдовалъ второй ударъ, еще сильнѣе перваго, отъ котораго оказались разбитыми насквозь два стекла.

Ругаясь, князь вскочилъ съ постели, завернулся въ шлафрокъ и, подбѣжавъ къ окну, раскрылъ его. Внизу, почти по колѣно въ снѣгу, стоялъ человѣкъ, а рядомъ съ нимъ темная лошадь, отъ которой поднимался густой паръ. Человѣкъ поднялъ руки и что-то прокричалъ.

Князь сейчасъ же узналъ его по голосу.

— Какъ? Онъ уже вернулся? Какимъ образомъ? Почему?—спрашивалъ себя князь.

Тутъ онъ замѣтилъ подходившаго солдата, которому показались подозрительными эти удары въ окно.

— Идите наверхъ!—закричалъ онъ.—Наверхъ! Впустить!—продолжалъ онъ кричать до тѣхъ поръ, пока караульные поняли его.

Онъ одѣлся, пошелъ въ рабочую комнату и открылъ дверь.

Скоро явился озябшій, весь покрытый снѣгомъ, Гегенау.

Онъ извинился за свой необычный способъ доклада, но у него не было выбора, такъ какъ караулъ не соглашался пропустить его.

— Вы повѣрите мнѣ, что безъ основанія я не сталъ бы будить васъ,—продолжалъ онъ.—Въ такую ночь и не поѣдешь безъ чрезвычайной надобности... Я ѣхалъ въ поѣздѣ и верхомъ; теперь мой поѣздъ лежитъ гдѣ-то въ снѣгу, перевернутый. Еще и теперь не пойму, какъ это мнѣ удалось достать лошадь!

Князь усадилъ его около печки, велѣлъ принести чаю.

— Не скажешь, что вы вернулись съ бала,—сказалъ князь.—Но откуда?

— Я сдѣлалъ большой крюкъ,—отвѣтилъ Гегенау устало, съ трудомъ выговаривая слова.

Но когда князь разсказалъ ему, какъ принялъ его сообщенія кайзеръ, онъ, безъ лишнихъ словъ, сорвалъ, хотя еще не вполнѣ владѣлъ раненой рукой, подкладку своего сюртука и сталъ выгружать оттуда бумаги, писанныя, печатныя и одну небольшую книжечку,—и подалъ все это князю.

— Этому больше повѣрятъ,—сказалъ онъ, довольный, что не нужно больше говорить, такъ какъ князь молча взялъ у него бумаги и сталъ ихъ сейчасъ же просматривать.

Но Гегенау почувствовалъ уже приливъ бодрости и первый прервалъ молчаніе.

— Повѣрятъ, по крайней мѣрѣ, тому, чему можно вѣ-

рить,—поправился онъ, и началъ разсказывать. Въ посольствѣ у синихъ, по его пріѣздѣ, на него посмотрѣли, словно козуля на охотника. Но ему удалось узнать многое, хотя это не такъ легко досталось.

Князь напомнилъ Гегенау о письмѣ, гдѣ онъ писалъ, что синіе вовсе не склонны воевать.

— Да...—подтвердилъ Гегенау.—У нихъ столько же желанія воевать, сколько у меня возможности—поскорѣе нагрѣться.

Князь наполнилъ стаканы и приготовилъ какой-то особенный глинтвейнъ, какъ онъ говорилъ, своего изобрѣтенія.

— У синяго государства и безъ этого не мало заботъ,—продолжалъ Гегенау.—Хотя я и не скрывалъ, что канцлеръ можетъ имъ увеличить во многомъ эти заботы. Кромѣ того они боятся, что даже и побѣдоносная война можетъ принести имъ больше ущерба, чѣмъ пользы. Къ тому же, разсуждаетъ оно, побѣда—это такое крылатое существо, съ которымъ можетъ существовать дружба и у насъ. Нѣтъ, оно уже становится скромнѣе, и уже ни въ чемъ намъ не завидуетъ... Точныя рамки синяго согласія вы найдете въ этой книжкѣ.

— Очень успокоительно!—сказалъ князь, пока Гегенау перелистывалъ книжку, чтобъ показать ему нужное мѣсто.

— Намъ все-таки еще чего-то не хватаетъ для войны: сосѣда на сѣверѣ,—сказалъ Гегенау.

И онъ началъ разсказывать о маленькомъ нейтральномъ государствѣ *), которое на сѣверѣ, по всей своей широтѣ, граничитъ съ непріятельской страной и даже въ одномъ мѣстѣ узкимъ угломъ врѣзывается въ его территорію, такъ что владѣнія сосѣда огибаютъ этотъ уголъ справа и слѣва.

Это былъ именно тотъ гористый уголъ, гдѣ бѣжавшее

*) Бельгія.

изъ столицы красное правительство нашло свое убѣжище, укрывшись за горными хребтами и сильной крѣпостью, сдѣлавъ почти невозможнымъ всякое нападеніе. Невозможнымъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе зимы.

Гегенау говорилъ, что этотъ смѣшной уголъ имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ. И онъ былъ бы въ заблужденіи относительно намѣреній синихъ, если бы, благодаря чьей-то небрежности, ему не удалось узнать, что именно объ этомъ уголкѣ ведутся тайные переговоры. Оказывается, синее правительство воздѣйствуетъ на своего краснаго побѣжденнаго союзника въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ уступить большую часть этого угла нейтральному сосѣду на сѣверѣ, который уже давно желаетъ измѣненія столь неудобной ему границы.

— Для чего?—спросилъ князь.

— Чтобы склонить своего сосѣда драться вмѣстѣ. Съ нами, конечно. Ему еще больше обѣщали. Золотое небо, которое потомъ станетъ свинцовымъ, орудія и все остальное, что необходимо для войны; если понадобится — и людей.

Князь посмотрѣлъ на него, желая узнать насколько онъ шутитъ или говоритъ серьезно.

— Нашъ врагъ мало будетъ склоненъ дать себѣ вырѣзать еще и слѣпую кишку,—замѣтилъ онъ.

— Больше, чѣмъ вы думаете. Онъ еще сердится, не довѣряетъ,—это правда. Но такъ какъ теперь онъ играетъ на минорныхъ струнахъ, проскальзываетъ все-таки слабая надежда, что подлежащій удаленію отростокъ сохранитъ болѣе важную часть тѣла. Онъ сдастся, думаю я. Можетъ быть съ тайнымъ замысломъ, что ему впослѣдствіи не особенно придется считаться съ этимъ.

— Возможно!—сказалъ задумчиво князь. — Ахъ, какъ много возможнаго и какъ много невозможнаго! Мнѣ теперь еще трудно думать. Разсказывайте дальше. Скажите *вы* мнѣ, что *намъ* дѣлать. Гадать по пуговицамъ,

побьемъ ли мы и его, сосѣда? Можно ли будетъ тогда успокоиться? Сколько у него? Двѣсти тысячъ человѣкъ? Больше? Меньше? Это ребенокъ противъ взрослаго. И вы, воинъ, будете воевать съ ребенкомъ? Это вы вѣдь должны знать!

— Это безразлично,—отвѣтилъ воинъ.—Никто не ожидаетъ, что мы не будемъ бить его. Но если мы будемъ бить его,—тѣмъ хуже для насъ. Тогда ополчится противъ насъ новая бочка пороха и всѣ старыя треснутъ. Потому что—вы и сами понимаете,—нашъ союзникъ будетъ недоволенъ этимъ и безполезно говорить, что будетъ дальше.

Князь молча поднялся и сталъ по другую сторону печки.

— Слишкомъ много для такого ранняго дня! Слишкомъ много для такой безсонной ночи!—жаловался онъ.

— Собираніе свѣдѣній далось мнѣ съ большимъ трудомъ и для этого я долженъ былъ сдѣлать большой крюкъ черезъ столицу нашего сосѣда.

— Вы должны были? — прервалъ его князь. — Ну, а сосѣдъ? Какъ онъ себя чувствуетъ между этими соблазнами? Можетъ быть и онъ «долженъ»? Наполовину онъ это уже дѣлаетъ.

Рѣчь шла о событіяхъ на границѣ нейтральнаго государства, причемъ обнаружилось, что сосѣдъ позволяетъ безпрепятственно переступать свою границу всѣмъ непріятельскимъ партизанскимъ отрядамъ и оттуда проникать дальше. Но онъ очень враждебно относится къ побѣдителю, стараясь, насколько это въ его силахъ, воспрепятствовать закупку съѣстныхъ припасовъ въ своей странѣ, такъ какъ самъ не имѣетъ ихъ въ избыткѣ.

— Сосѣдъ находилъ создавшееся положеніе довольно серьезнымъ. Онъ видитъ много соблазнительнаго, но роль хищной птицы ему не совсѣмъ къ лицу,—продолжалъ Гегенау.—Онъ мирится съ тѣмъ, что на перьяхъ его появятся кровавыя пятна, но не желалъ бы, чтобы ихъ было слишкомъ много. Желая воспользоваться сложившимися

обстоятельствами, къ нейтральному правительству подлетѣла еще птица и заманчиво свистнула. Свистнула тихо, едва слышно, какъ будто про себя, чтобъ узнать, расположены ли тутъ прислушиваться, и къ какимъ пѣснямъ... Это былъ такой-же торгашъ, какъ и я, выглядѣлъ почти какъ я, и сладко говорилъ, что сосѣдъ можетъ все интересующее его получить у него гораздо дешевле.

— Вы слушаете, князь?—окликнулъ онъ, такъ какъ тотъ сидѣлъ не двигаясь, низко опустивъ голову.

— Я просыпаюсь! — отвѣтилъ князь, продолжая сидѣть неподвижно.

— Итакъ, я обращаю ваше вниманіе, какъ мало довѣрія могутъ внушить обѣщанія побѣжденнаго. Какъ сосѣдъ нашъ можетъ и отъ побѣдителя получить желанный ему уголокъ, который при общей перекройкѣ, при заключеніи мира, можетъ просто быть ему прирѣзанъ и какъ при этомъ не будетъ ни кровавыхъ перьевъ, никакого риска, никакой опасности, вообще ничего.

— Ничего, ничего!—подтвердилъ князь.

— Выражаясь кратко, мое мнѣніе таково: мы обѣщаемъ сосѣду этотъ уголокъ, можетъ быть, и еще нѣкоторыя выгодныя ему торговыя условія,—тамъ уже увидимъ, какія. Отъ него же ничего не требуется, кромѣ соблюденія нейтралитета, что, собственно, онъ и теперь дѣлаетъ, — но соблюдать его болѣе честно, чѣмъ до сихъ поръ,—это покажется выгоднымъ и ему. Намъ онъ долженъ доставлять, по крайней мѣрѣ, необходимое для нашихъ войскъ, на сѣверѣ, продовольствіе. Я не могу себѣ представить ничего болѣе выгоднаго для насъ.

Князь стукнулъ дверцами печки.

— Да, это ужъ стоитъ двухъ оконныхъ стеколъ!

— Послѣ всего того, что я знаю, я увѣренъ, что получи я порученіе вести эти переговоры,—я бы достигъ желанныхъ результатовъ. И чтобы, наконецъ, сказать, почему я рѣшился ночью поднять васъ съ постели изъ конскаго волоса...

— Морская трава! Все морская трава, опасаюсь я!—со стономъ сказалъ князь.—Я знаю, я знаю! Васъ опять тянетъ отсюда. Ну, хорошо,—вы будете сегодня говорить съ кайзеромъ и канцлеромъ, насколько возможно раньше... А себѣ я пожимаю руку за то, что не далъ вамъ заржавѣть вмѣстѣ съ вашимъ желѣзомъ...

Князь собрался уходить.

Гегенау, желая использовать свободное время для отдыха, кинулся, какъ былъ, на диванъ. Ему показалось, что онъ спалъ недолго, и только успѣлъ заснуть, какъ князь уже будилъ его. Но онъ увидѣлъ, что за окнами уже совершенно свѣтло. Князь передалъ, что канцлеръ желаетъ говорить съ нимъ немедленно, такъ какъ черезъ часъ идетъ къ кайзеру и Гегенау будетъ сопровождать его.

Князь очень жалѣлъ, что не можетъ присутствовать при аудіенціи. Ему только-что доложили о прибытіи посланника непріятельской страны и онъ не хочетъ своимъ отсутствіемъ дать поводъ къ предположенію, что предпринимается что-то чрезвычайное. Онъ просилъ Гегенау, какимъ-нибудь способомъ, немедленно по возвращеніи, дать знать ему о результатахъ свиданія, разрѣшая ему для этого прервать всякія его, князя, спѣшныя работы.

По возвращеніи Гегенау узналъ, что князь еще занятъ, что посолъ еще у него въ рабочей комнатѣ, но онъ зашелъ туда и сейчасъ же съ извиненіемъ удалился. Но предварительно онъ повѣсилъ свою шпагу, которую уже держалъ отстегнутую въ рукѣ, на внутреннюю задвижку двери. Онъ находилъ, что князь сразу пойметъ его.

Смѣясь вышелъ потомъ статсъ-секретарь изъ комнаты и торжественно вернулъ Гегенау оружіе. Онъ отпустилъ нѣсколько шутокъ по адресу посла, которому эта болтающая на дверяхъ штучка спутала всѣ мысли. Знакъ, который намекалъ на скорый конецъ войны, онъ понялъ

совершенно превратно, говоря, однако, что это, навѣрно, означаетъ, что не только государство, но и Гегенау можетъ повѣсить свою шпагу, какъ вещь уже ненужную.

Гегенау разсказалъ, что онъ былъ принятъ кайзеромъ, какъ крестьянами дождь:—тотъ съ нетерпѣніемъ, видимо, ждалъ его, но не совсѣмъ охотно видѣлъ. Гегенау просилъ князя, при всѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣтятся при веденіи имъ переговоровъ съ сѣвернымъ нейтральнымъ государствомъ, не жалѣть «охлаждающей воды», такъ какъ не увѣренъ, не наговорилъ ли онъ кайзеру лишняго.

Онъ долженъ отмѣтить одну странность: канцлеръ на этотъ разъ его очень сильно поддерживалъ.

— О, тотъ желаетъ теперь одного, чтобъ все поскорѣй кончилось!—сказалъ князь; страхъ придаетъ ему мужество.

Едва прошло нѣсколько дней послѣ отъѣзда Гегенау въ нейтральное государство, какъ Вильгельмъ, дѣйствительно, сталъ упорствовать и заговорилъ о томъ, что онъ нѣсколько поторопился. Когда канцлеръ представилъ полученныя черезъ Гегенау предложенія сосѣдняго государства, которыя съ незначительными дополненіями можно было считать вполнѣ выполнимыми,—онъ призналъ ихъ непріемлемыми, даже не подлежащими обсужденію. По его словамъ, такой договоръ представляется ему мѣшкомъ, въ который хотятъ свалить его славу побѣдителя и куда-то унести.

Все складывалось такъ, чтобы сдѣлать его крайне раздражительнымъ. Все выходило не такъ, какъ этого бы хотѣлось и, что всего печальнѣе было, лучшаго и не предвидѣлось. Постоянныя битвы, постоянныя потери. Постоянныя побѣды, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было. Его выводили изъ себя, эти однообразные ежедневные докла-

ды все о томъ же, потому что терпѣніе, говорилъ онъ, это дѣтище малодушія.

На главнокомандующаго, онъ сердился, потому, что тотъ, по его мнѣнію, вяло велъ осаду крѣпостей, хотя и самъ уже убѣдился въ трудности этой осады. Онъ рвалъ и металъ, когда пришло извѣстіе, что послѣднее сраженіе, которое хотѣли считать рѣшительнымъ, тоже кончилось полной неудачей. Его удручали извѣстія изъ своей страны, въ которыхъ говорилось, что народъ его также нетерпѣливъ, какъ и онъ; война парализовала всю экономическую жизнь страны и признаки недовольства ея продолжительностью находили очень рѣзкое выраженіе. Его сердили эти ежедневные колоссальные расходы на войну, которыя ему, при этой бездѣятельности, казались совершенно безполезными. Казались безполезными и войска, особенно тѣ, которыя топтались на мѣстѣ, на сѣверѣ непріятельской страны и на далекой восточной границѣ. Къ тому же эта вѣчная неувѣренность, эти пока негромкія, но все же ясно различаемыя жалобы своихъ союзниковъ, потому что и они страдали отъ этой неувѣренности.

Его сердили зима и морозы, всѣ окружающіе его, потому, что ему казалось, что всѣ устали воевать и втайнѣ посылаютъ ему упреки.

Онъ даже сердился и на своего сына, который на время войны замѣнялъ его въ государствѣ и который прибылъ сюда, звалъ его въ столицу, увѣряя, что личное присутствіе кайзера въ странѣ, теперь необходимо болѣе, чѣмъ когда-либо.

Но больше всего его сердило то, что у него самого исчезло всякое признаніе себя побѣдителемъ, что онъ чувствуетъ себя униженнымъ и стѣсненнымъ со всѣхъ сторонъ. Позорнымъ казался ему миръ, купленный цѣною договора. Позорнымъ самый договоръ. Всякая дѣятельность почетнѣе, всякая опасность...

— Мы отклоняемъ договоръ!—сказалъ онъ канцлеру

и распорядился, полученный отъ Гегенау набросокъ этого договора оставить безъ разсмотрѣнія.

И пока канцлеръ соображалъ, какъ понимать это приказаніе, пока статсъ-секретарь думалъ, какого образа дѣйствій слѣдуетъ ему теперь придерживаться, подоспѣла одна изъ тѣхъ случайностей, которая часто предостерегаетъ уже окончательно рѣшившагося на опредѣленный шагъ: «смотри, вотъ что ты долженъ дѣлать».

Безконечныя снѣжныя бури послѣднихъ дней показались неутомимому генералу-предводителю партизанскихъ отрядовъ, у сѣверныхъ пограничныхъ горъ, столь заманчивымъ для нападенія, что онъ рѣшился рискнуть.

Изъ всѣхъ скрытыхъ убѣжищъ снова выползли его озлобленныя шайки, и неожиданно напали на разбросанные посты ворвавшихся враговъ и уничтожили ихъ, одинъ за другимъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ сообщенія были прерваны и толстый покровъ глубокаго, свѣжаго снѣга мѣшалъ побѣдителю быстро перебрасывать людей въ нужное мѣсто и использовать всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи средства борьбы.

Въ намѣренія начальника партизановъ входило, клиномъ врѣзаться между столицей и тыломъ осаждающей сосѣднюю крѣпость арміи, чтобы заставить послѣднюю, посылать противъ него небольшіе отряды, которые онъ одинъ за другимъ будетъ уничтожать. Онъ и подошелъ совсѣмъ близко, но, какъ видно, слишкомъ близко. Это дало возможность озлобленнымъ солдатамъ, несмотря на глубокій снѣгъ, раскинуться широкимъ кольцомъ, окружить партизанскія дружины, и тутъ же, среди густыхъ облаковъ снѣга, завязать съ ними бой.

Не помогло мѣстнымъ уроженцамъ даже знаніе мѣстности; разбитая, стиснутая со всѣхъ сторонъ, партизанская дружина была оттѣснена къ границамъ сѣвернаго государства, за которую она совершенно неожиданно скрылась.

Когда пограничная стража препятствовала озвѣрѣв-

шимъ солдатамъ переходъ нейтральной границы, тѣ, не долго думая, открыли стрѣльбу, на которую стража, съ своей стороны, отвѣчала.

Въ концѣ-концовъ одинъ баталіонъ прорвался въ страну сосѣда, въ то время, какъ главныя силы нерѣшительно остановились передъ границей. Ворвавшіеся скоро наткнулись на сильное сопротивленіе, тутъ же подоспѣла снова воспрянувшая партизанская дружина, которая, загнавъ почти уже обезоруженный баталіонъ въ узкую котловину, тамъ поголовно его уничтожила.

Когда это извѣстіе дошло до кайзера,—гнѣвъ его взялъ верхъ надъ всѣми разсчетами.

Онъ сейчасъ же, посовѣтовавшись съ главнокомандующимъ, поручилъ канцлеру сообщить правительству нейтральнаго государства, что онъ, кайзеръ, считаетъ себя теперь свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, по крайней мѣрѣ, не смотритъ на границу, какъ на преграду для прохожданія своихъ войскъ и каждую попытку воспрепятствовать этому прохожденію отразитъ силою оружія.

Канцлеру эта стремительная рѣшительность совершенно спутала всѣ карты. На одну минуту онъ опять повѣрилъ, какъ тогда, послѣ рѣшающей битвы, что вся враждебная, окружающая ихъ вода, едва ли поднимется выше плечъ. Но приступъ бодрости былъ очень коротокъ и вода сейчасъ же стала подниматься и заливать и его голову, когда кайзеръ заговорилъ о военныхъ ассигнованіяхъ, которые кайзеръ желалъ бы возможно скорѣе разработать и внести ихъ въ рейхстагъ, чтобы быть во всеоружіи противъ всѣхъ возможныхъ случайностей.

Вильгельмъ заговорилъ и о внутреннемъ займѣ, и это заставило канцлера задуматься о происходящихъ волненіяхъ въ родной странѣ, недовольствѣ затянувшейся войной. Этотъ еще новый врагъ—внутренній—всего больше удручалъ его.

Онъ опять почувствовалъ себя, какъ говорилъ князь,

«мужественнымъ отъ страха» и на этотъ разъ высказалъ кайзеру свои опасенія.

На родинѣ не посмотрятъ на продолженіе войны, какъ на актъ безусловно необходимый, они могутъ бояться, что война перенесется на родную землю; во всякомъ случаѣ, пораженія будутъ видны вблизи, побѣда же надъ всѣми врагами еще далека; народъ близорукъ, онъ видитъ только то, что дѣлается вокругъ него. Проведеніе внутренняго займа будетъ очень тяжело и продолжительно.

— Внутренній или внѣшній,—пошелъ кайзеръ на уступки.—Есть же у насъ союзники!

Впрочемъ, онъ не понимаетъ всѣхъ этихъ сомнѣній, онъ, наоборотъ, надѣется однимъ стремительнымъ ударомъ вообще покончить со всѣми этими запугиваніями, со всѣмъ этимъ бряцаніемъ оружіемъ со всѣхъ сторонъ.

Канцлеръ еще разъ попытался удержать кайзера отъ его скороспѣлаго рѣшенія. Но такъ какъ тотъ упорно не отвѣчалъ канцлеру,—это служило признакомъ, что рѣшеніе безповоротно и говорить объ этомъ больше нечего.

Канцлеръ сейчасъ же пошелъ къ князю, который посовѣтовалъ быть спокойнѣе и высказалъ предположеніе, что кайзеръ сегодня просто не въ духѣ и въ ближайшій день придетъ къ болѣе спокойному рѣшенію. На всякій случай онъ совѣтовалъ канцлеру оттянуть посылку ноты съ объявленіемъ войны правительству нейтральнаго государства, настолько, насколько это окажется возможнымъ.

Канцлеръ вернулся домой нѣсколько успокоенный.

Но въ это время главнокомандующій уже выполнялъ въ тиши приказъ кайзера и двинулъ въ указанномъ направленіи часть своей западной арміи. Командованіе было поручено генералу, который однажды пріютилъ Гегенау въ своемъ горномъ домикѣ, занимаемомъ имъ совмѣстно съ пасторомъ. Ему приказано было держаться со своей арміей укрѣпленной линіи, замыкающей спорный уголъ, и, перейдя границу нейтральнаго государства, подойти по его территоріи къ тылу непріятеля.

Это передвиженіе при отсутствіи дорогъ, по горамъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ, могло удаться только при громадномъ напряженіи всѣхъ силъ и должно было взять много времени. Движеніе такой арміи могло оставаться незамѣченнымъ въ теченіи лишь нѣсколькихъ дней, но не дольше.

Гегенау о нарушеніи нейтралитета узналъ въ столицѣ сѣвернаго сосѣдняго государства почти одновременно съ посломъ, къ которому онъ былъ прикомандированъ съ особымъ порученіемъ, когда получилась нота отъ канцлера, которую тотъ, наконецъ, принужденъ былъ отослать.

Подготовленный всѣмъ предшествующимъ ко всякимъ разочарованіямъ, Гегенау, однако, былъ такъ пораженъ этимъ шагомъ, что сейчасъ же собрался уѣхать. Что ємy теперь тутъ дѣлать? Но когда онъ увидѣлъ вокругъ себя это всеобщее волненіе и растерянность, робкую неизвѣстность что предпринять,—его схватила бѣшенная пляска мыслей, соблазнявшихъ его къ какому-нибудь насильственному дѣйствію. Но онъ съ презрѣніемъ отбрасывалъ ихъ одна за другой.

— Нѣтъ, пусть же оно вертится, это большое колесо.

Союзники государства, которые это нарушеніе нейтралитета не могутъ по многимъ причинамъ считать для себя удобнымъ, уже сами выразятъ свой протестъ. Кромѣ того, онъ сознавалъ, что достаточенъ какой-то единственный сильный ударъ по рычагу, чтобы окончательно остановить колесо, пока міръ еще не особенно внимательно прислушивается. Гегенау чувствовалъ этотъ рычагъ гдѣ-то близко передъ собой, не видя его. Онъ рѣшилъ оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока это окажется возможнымъ, и немедленно отправился къ послу.

Посолъ, человѣкъ очень честолюбивый, сидѣлъ за столомъ, разговаривая съ самимъ собою, и все еще разглядывалъ полученную ноту кайзера.

Когда Гегенау вошелъ, онъ, небрежно поклонившись, остался спокойно на своемъ стулѣ, точно желая этимъ показать, что онъ считаетъ здѣсь присутствіе Гегенау совершенно лишнимъ. Онъ всегда смотрѣлъ на его командировку, какъ на личную обиду.

Съ той же самоувѣренностью, съ какой онъ всегда велъ дѣла и за которой скрывалось полнѣйшее отсутствіе самостоятельности, онъ протянулъ вошедшему рукопись.

— Вашу дѣятельность здѣсь можно будетъ скоро считать законченной,—сказалъ онъ, весь отдавшись охватившему его чувству ненависти.

Гегенау молча взялъ у него рукопись, внимательно прочелъ ее и не проронилъ ни слова.

Послу хотѣлось спросить не пожелаетъ ли тотъ выучить наизусть этотъ документъ, но потомъ и онъ рѣшилъ молчать.

Оба они сидѣли другъ противъ друга и молчали.

Послу, наконецъ, показалось это молчаніе слишкомъ длительнымъ.

Гегенау между тѣмъ совершилъ очень большое путешествіе черезъ все царство возможностей,—и вдругъ быстрымъ движеніемъ схватилъ рукопись. Не тутъ ли кроется тотъ рычагъ, о которомъ онъ столько думалъ?

Вполнѣ утвердительно онъ не могъ на это отвѣтить въ данный моментъ, но ему казалось, что это такъ, и потому рука его была рѣшительнѣе мыслей.

Посланникъ удивленно смотрѣлъ, какъ Гегенау сложилъ бумагу и сунулъ ее между пуговицами своего мундира.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ онъ и даже поднялся со стула.

— Мы достаточно угрожали,—спокойно сказалъ Гегенау.—Съ врученіемъ этой ноты можемъ обождать.

Всего посланникъ не понялъ сразу, но чувствовалъ, что мысли его какъ будто блѣднѣютъ, потому что видѣлъ же онъ, что рукопись засунута за обшлагъ сюртука и онъ,

такимъ образомъ, лишается возможности исполнить порученіе своего правительства. Добросовѣстное исполненіе порученій, безъ лишнихъ разговоровъ, — это онъ считалъ своимъ преимуществомъ даже при менѣе важныхъ дѣлахъ.

— Хотите ли вы этимъ сказать?.. — произнесъ онъ, когда къ нему вернулась способность говорить.—Здѣсь я приказываю!..

— Я не покушаюсь на ваше право приказывать...

— Но рукопись!—Я прошу... Отдайте мнѣ ее немедленно!—приказалъ онъ.

Гегенау вынулъ рукопись, сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ и, прежде чѣмъ посолъ успѣлъ ему помѣшать, открылъ дверцы печи и бросилъ документъ въ огонь.

— Вы можете заявить, что нота выскользнула у васъ изъ рукъ,—спокойно сказалъ онъ, обернувшись къ послу,—это не очень правдоподобно, но все же возможно.

Посолъ окончательно растерялся.

Онъ только сказалъ:

— Я буду...

Но не договоривъ, что онъ собирается дѣлать, устремился къ звонку, но тутъ же понялъ, что это неумѣстно и, наконецъ, съ усиліемъ проговорилъ:

— Вы должны будете оправдаться. Я сейчасъ буду... я напишу донесеніе...

Тутъ онъ прервалъ себя, такъ какъ ему пришло въ голову, что подобнымъ донесеніемъ онъ лишь опозоритъ себя.

Гегенау рѣшилъ объясниться.

— Если бы вы захотѣли заставить себя успокоиться, то мы могли бы объясниться,—началъ онъ.—Вы, конечно, не станете предполагать, что я для своего лишь удовольствія помѣшалъ вамъ вручить эту рукопись.

— Я ничего не предполагаю! Я ничего и знать не хочу!

—воскликнулъ посолъ въ страхѣ, что его могутъ еще считать соучастникомъ Гегенау.

— Будьте увѣренны, что если я найду нужнымъ воспрепятствовать какому-либо шагу вашему, я напрягу всѣ доступныя мнѣ средства, чтобы достигнуть этого. Что бы вы ни сдѣлали!

— Грозить? Вы? Мнѣ?—хрипло застоналъ посланникъ.—Я съумѣю постоять за себя!

Онъ еще больше хотѣлъ сказать, но за дверью вдругъ раздался громкій смѣхъ. Вслѣдъ за этимъ дверь стремительно распахнулась и вбѣжалъ мальчикъ лѣтъ 15 —старшій сынъ посла; немного смущенный присутствіемъ чужого, онъ на ходу поклонился и обернулся къ отцу, едва выговаривая слова отъ душившаго его смѣха.

— Нѣтъ, ты послушай только! Вотъ онъ говоритъ... —онъ показалъ на улицу,—мы должны будемъ заколотить гвоздями наши окна и комнаты... и пушки...

Онъ не могъ дальше говорить отъ душившаго его смѣха.

— Вонъ!—крикнулъ отецъ такимъ голосомъ, что мальчикъ испуганно открылъ ротъ и стремительно выбѣжалъ изъ комнаты.

— Не думайте, что это будетъ такъ продолжаться!— сказалъ онъ, опять становясь посломъ, и сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ.

— Если вы чувствуете себя оскорбленнымъ, я готовъ дать вамъ удовлетвореніе,—сказалъ Гегенау коротко.—И даже немедленно...

Посолъ сдѣлалъ такое лицо, какое за минуту передъ этимъ было у его сына.

Я не объ этомъ!—сказалъ онъ глухо и, казалось, у него подкашиваются ноги. Онъ опустился на стулъ, провелъ рукой по лбу, потрогалъ его, будто желая узнать нѣтъ ли на немъ испаринъ и застоналъ:

— Приказъ моего *августѣйшаго* повелителя,—и въ печку! Вы меня сдѣлали несчастнымъ!..

Онъ былъ близокъ къ тому, чтобы заплакать.

— Я не переношу волненій!—продолжалъ онъ.—Я долженъ буду подать въ отставку... Я... сейчасъ же въ отставку!.. Это будетъ единственное...

— Я въ этомъ еще не увѣренъ,—сказалъ Гегенау съ нѣкоторой жалостью.—И если бы вы захотѣли повѣрить, что все случившееся вовсе не направлено противъ васъ, и если бы вамъ угодно было выслушать нѣсколько словъ...

— Совѣтъ? Вашъ совѣтъ?—сказалъ посолъ, какъ будто это казалось ему совершенно невозможнымъ.

Но его послѣдующее молчаніе и выраженіе любопытства на лицѣ явно говорили, что онъ будетъ прислушиваться.

И онъ слушалъ, когда Гегенау предложилъ ему заявить себя больнымъ, а замѣстительство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность, передать ему, Гегенау, и оставаться больнымъ до тѣхъ поръ, пока не разъяснится положеніе дѣлъ.

— Пока?—спросилъ посолъ.—Вамъ?—и его всего передернуло при этихъ словахъ.

Но такъ какъ онъ не видѣлъ другого выхода, то согласился, но не совсѣмъ прямо, разумѣется.

— Я и безъ того заболѣю!—жаловался онъ.—Я уже боленъ! Я ничего не хочу имѣть общаго ни съ вами, ни съ вашими сдѣлками... Я боленъ!—крикнулъ онъ еще разъ.

Но въ то время, когда Гегенау уже направлялся къ дверямъ, онъ вдругъ понялъ весь позоръ своего поведенія и подумалъ, что вѣдь будетъ вполнѣ зависѣть отъ такъ унизившаго его теперь человѣка, если онъ передастъ ему замѣстительство.

— Нѣтъ, не вамъ!—крикнулъ онъ.—Моему секретарю.

— Пусть секретарю!—согласился Гегенау и ушелъ.

Онъ зналъ, что посланникъ употребитъ всѣ усилія, чтобы оправдать себя и сегодня же ночью напишетъ князю Барсфельду, что затерялъ ноту и послѣ такого огорче-

нія не чувствуетъ себя способнымъ исполнять дальше свои обязанности.

И хотя онъ охотнѣе молчалъ бы, Гегенау, однако, нашелъ нужнымъ тоже написать, что нота затерялась не совсѣмъ случайно. Онъ долженъ былъ объ этомъ сообщить князю, такъ какъ это обстоятельство открывало кайзеру потайную дверь для отступленія на тотъ случай, если союзники укажутъ ему, что перенесеніе войны на сосѣднія владѣнія не можетъ упрочить ихъ дружбы. Отступленіе можетъ быть обставлено безъ явнаго противорѣчія, безъ какого-либо ущерба престижу государства и его, кайзера, если нападеніе на нейтральное государство будетъ признано, какъ случайность, происшедшая въ разгарѣ битвы или просто, какъ проступокъ, слишкомъ пылкаго генерала. Гегенау присовокупилъ, что обязанность разъяснить генералу все, что по этому дѣлу требуется, онъ беретъ на себя.

Давая случившемуся подобное объясненіе, Гегенау прилагалъ всѣ усилія, чтобы замедлить принятіе какихъ-либо рѣшеній нейтральнымъ правительствомъ, что ему удавалось тѣмъ легче, что различнѣйшія политическія вліянія дѣлали правительство нерѣшительнымъ и оно, съ своей стороны, давало понять, что въ разыгравшемся инцидентѣ нѣкоторую долю вины принимаетъ на себя, такъ какъ кое въ чемъ считаетъ и себя не безупречнымъ.

Такимъ образомъ, враждебное молчаніе посольства приняло форму подкрѣпленія этого упрека.

Однако, приготовленія къ войнѣ въ нейтральномъ государствѣ шли полнымъ ходомъ. Мобилизованные заблаговременно полки уже двинулись къ пограничнымъ возвышенностямъ, навстрѣчу генералу. Долго такое положеніе продолжаться не могло.

Тутъ подоспѣло во время письмо отъ князя, которое внезапно исцѣлило также внезапно заболѣвшаго посла.

Получилъ сообщеніе и Гегенау, въ которомъ излага-

лось, что кайзеръ согласенъ на мирное улаженіе инцидента и въ принципѣ одобряетъ заключеніе договора.

Къ этому оффиціальному сообщенію было приложено совершенно безумное на первый взглядъ письмо князя, составленное, какъ казалось, изъ совершенно безсвязныхъ предложеній, которыя человѣку непосвященному могли показаться совершенно непонятными и смыслъ которыхъ съ трудомъ угадалъ и Гегенау. Наконецъ, онъ все-таки понялъ все, что князь опасался писать открыто,— какъ нѣсколько дней приходилось много работать, кидаясь отъ одной крайности къ другой, какъ синіе и зеленые, къ счастью молчаливо выжидали, что благопріятно подѣйствовало на кайзера, который, наконецъ, далъ себя уговорить, и выслушалъ пословъ своихъ союзниковъ. Послѣ этого онъ уже согласился подвергнуть обсужденію вопросъ, насколько выгодно это новое выступленіе, которое неминуемо приведетъ къ разрыву съ нашими союзниками, разрыву, связанному со всѣми неисчислимыми его послѣдствіями. Но совершенно сломить упорство кайзера смогли только глубоко поразившія его извѣстія о поведеніи населенія его отечества, которыя вселили въ него опасеніе, что онъ не будетъ имѣть за собой большинства своего народа.

Дальше слѣдовали фразы, смыслъ которыхъ былъ теменъ, да и не такъ важно было разобраться въ нихъ, такъ какъ рѣчь шла о нѣкоторыхъ платежахъ, которые нужно было произвести, о порученіяхъ къ послу.

Кромѣ того князь поручалъ Гегенау лично вести переговоры о договорѣ лишь до тѣхъ поръ, пока это окажется безусловно необходимымъ, а окончательное заключеніе его, если Гегенау будетъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ, передать послу, а самому, по возможности скорѣе, отправиться разсѣять «туманъ въ горахъ». При чемъ указалъ, что вступившаго въ нейтральное государство генерала рѣшено пока тамъ задержать, ничего, однако, ему не объясняя такъ какъ окружающіе кайзера не желаютъ довѣрить

свою дипломатическую тайну, хотя бы еще одному человѣку.

Такимъ образомъ, для Гегенау настало утро, полное кипучей дѣятельности.

Онъ находилъ понятнымъ, что правительство нейтральнаго государства относится недовѣрчиво къ переговорамъ, пока ворвавшееся въ его предѣлы войско еще находится на его территоріи.

Поэтому онъ еще въ полдень прервалъ переговоры и сейчасъ же уѣхалъ съ ближайшей цѣлью, какъ выразился князь,—разсѣять «туманъ въ горахъ».

Скверная была дорога, скверно было на душѣ. Особенно чувствовалъ онъ послѣднее, такъ какъ онъ слишкомъ хорошо зналъ генерала и могъ желать ему лучшаго. Но и дорога давала себя чувствовать. Даже ему трудно продвигаться, каково же солдатамъ, нагруженнымъ аммуниціей, ведущимъ за собою пушки.

Все на гору и подъ гору. Черезъ горные лѣса, кусты, валуны, черезъ снѣжныя мятели, черезъ ледъ и утесы. При этомъ горы казались ему здѣсь гораздо выше, чѣмъ гдѣлибо въ другомъ мѣстѣ.

Въ ущельяхъ этихъ горныхъ хребтовъ расположилось войско, которое онъ искалъ.

Съ бьющимся сердцемъ увидѣлъ онъ, наконецъ, первый постъ, который могъ указать ему мѣсто стоянки генерала.

Тутъ вдругъ, у самаго поста, лошадь Гегенау поскользнулась на обледенѣвшемъ подъемѣ, рванула его, и хотя онъ попытался удержать ее за уздцы, — и всадникъ, и лошадь задомъ понеслись внизъ, пока не повисли на встрѣтившемся кустѣ.

Сердце его сжалось, когда онъ приблизился къ генералу, увидѣлъ его красивое лицо, обрамленное щетинистыми сѣдыми волосами, здѣсь среди снѣга, казавшимися

цвѣта сѣна, и посмотрѣлъ въ хорошо знакомые карiе глаза, подъ густыми бровями; увидѣлъ, какъ эти глаза начали улыбаться и густая сѣтка морщинокъ вокругъ рта стянулась въ радостную улыбку, когда генералъ узналъ приближающагося.

Гегенау ничего не имѣлъ бы противъ, если бы на мѣстѣ этого добряка стоялъ кто-нибудь другой. Онъ не могъ сейчасъ же сказать генералу о цѣли своей поѣздки сюда, но не могъ и молчать.

Къ счастью, самъ генералъ пришелъ къ нему на помощь. Онъ былъ очень недоволенъ полученнымъ имъ короткимъ, немотивированнымъ приказомъ, останавливающимъ его дальнѣйшее наступленiе и хотѣлъ узнать у Гегенау, какiя къ этому имѣлись основанiя.

И долго стояли они тамъ, глубоко втянувъ свои головы въ шинели, потому что наверху дулъ рѣзкiй вѣтеръ. Но они, казалось, его не замѣчали. Ихъ занималъ больше разговоръ, который они вели почти шопотомъ.

Генералъ замолчалъ, когда понялъ чего отъ него требуютъ. Это былъ самый ужасный моментъ для обоихъ.

Гегенау подумалъ, что на свѣтѣ существуютъ скрытыя ямы, въ которыя человѣкъ можетъ упасть, совершенно этого не замѣчая. Онъ видѣлъ теперь генерала въ такой ямѣ.

— Дипломаты что-то прозѣвали тамъ, и за это долженъ расплачиваться солдатъ,—сказалъ генералъ и что то жуткое было въ его голосѣ.

Онъ сейчасъ же закашлялся или засмѣялся.

— Что же дальше?

Такъ онъ всегда говорилъ, когда въ волненiи думалъ о чемъ-нибудь и обыкновенно за этимъ слѣдовалъ его выводъ. Гегенау зналъ это; онъ старался подбирать выраженiя, освѣтить все съ лучшей стороны. Достигъ онъ, однако, того, что генералъ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнiя.

— Я развѣ жалуюсь?—прервалъ онъ Гегенау.—Хо-

рошо, я перешелъ границу, ну что же дальше?.. Что мнѣ теперь остается дѣлать—я самъ знаю!

Онъ подозвалъ адъютанта, сидѣвшаго въ сторонѣ у костра и приказалъ распоридиться, чтобы все было приготовлено къ выступленію

Адъютантъ спросилъ, пойдутъ ли они впередъ.

— Впередъ, конечно! Какъ же иначе?

Онъ не прислушивался ни къ какимъ доводамъ Гегенау, ни къ какимъ уговорамъ.

— Кайзеръ не долженъ оказаться лгуномъ.

На этомъ онъ настаивалъ.

— Никто не долженъ будетъ краснѣть, когда заговорятъ обо мнѣ. А прежде всего я самъ. А меня никто больше не увидитъ...

— Подумайте же о своихъ солдатахъ!..—сказалъ Гегенау.

Но генералъ быстро возразилъ, что если не задумываясь ему дали порученіе проникнуть въ эту нейтральную страну, то теперь колебаться уже поздно. Онъ настаиваетъ на своемъ, и его долгъ приказываетъ ему именно теперь выполнить данное ему порученіе и открыть военныя дѣйствія. Онъ независимъ и кайзеръ ждетъ отъ него, что онъ такимъ и останется, и всѣ приказы полученныя имъ помимо кайзера онъ будетъ считать недѣйствительными.

Гегенау, при всемъ холодѣ, стало теперь жарко; онъ снова подробно все изложилъ генералу, ясно обрисовалъ ему всю ту путаницу въ отношеніяхъ, которую создастъ его выступленіе.

— Вы хорошій солдатъ, но слишкомъ молоды, чтобы это понять,—возразилъ почти съ жалостью генералъ.— Мое выступленіе предпринято для того, чтобы довести войну до конца. Столько я, съ вашего позволенія, еще понимаю... Впрочемъ путь сюда не былъ легокъ.

Тутъ его глаза стали маленькими и острыми и онъ освободилъ свое лицо отъ воротника шинели.

— Торопитесь уѣхать!—отрѣзалъ онъ сурово.—У насъ нѣтъ избытка въ припасахъ. Кто остается лежать, того пожираетъ морозъ и лисицы... Поклонитесь кайзеру! Онъ будетъ доволенъ нами!..

Гегенау не проронилъ ни слова; онъ поклонился, и то изъ-за присутствія солдатъ. Онъ уходилъ. Что могъ онъ больше сдѣлать?

Но не доѣзжая еще до перваго поста, онъ остановился. Неужели онъ безсиленъ что-нибудь сдѣлать? Можетъ быть, онъ употребилъ еще не всѣ средства. Онъ долженъ воспрепятствовать этому безсмысленному наступленію.

Рѣшительно повернулъ онъ лошадь и поѣхалъ обратно среди рядовъ солдатъ, все спускающихся въ долины и ущелья. Скоро онъ увидѣлъ генерала, уже сидящаго на лошади, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ подскакалъ ближе.

— Что еще?—спросилъ генералъ.

Гегенау только посмотрѣлъ на офицеровъ, которыхъ всѣхъ зналъ въ лицо, и — проскакалъ мимо. Тутъ, чувствовалъ онъ, все безполезно. Но онъ не спѣшилъ уѣзжать. Въ столицѣ сѣвернаго государства ему теперь дѣлать нечего,—и его потянуло поѣхать дальше, въ главный штабъ кайзера, хотя все уже казалось ему теперь безполезнымъ.

Тупо сидѣлъ онъ въ сѣдлѣ, медленно двигаясь вдоль двигающихся колоннъ. Тутъ и тамъ его останавливали, тутъ и тамъ онъ самъ останавливался, встрѣчая знакомыхъ.

— Хлѣба!—говорили ихъ глаза, но губы говорили совсѣмъ о постороннемъ.

Но всѣ, съ которыми онъ говорилъ, рады были походу.

— Почему?—спрашивалъ онъ.

Они сознались:

— Ну, да, что здѣсь можно найти, въ этихъ пустыхъ горахъ. Тамъ будетъ лучше...

Тамъ,—это значило, въ уголкѣ вражеской земли.

— Назадъ—не хотите? Туда, откуда вы пришли?

— Назадъ?—Надъ этимъ смѣялись.

Снова подниматься и опускаться по этимъ проклятымъ горамъ! Пожалуй, ни одинъ изъ нихъ и не вернется,—они такъ утомлены. Со вчерашняго дня всѣ обозы съ припасами пусты,—никто не предполагалъ, что придется такъ медленно подвигаться. Да, ихъ и не слѣдовало задерживать! До уголка они теперь доберутся въ одинъ переходъ,—ужъ давно были бы тамъ.

Значитъ, вотъ что еще гнало генерала впередъ! Гегенау уже сожалѣлъ, что не простился съ нимъ.

— А ваши больные, ваши раненые? Гдѣ они?

Это былъ его послѣдній вопросъ.

— У насъ не было ихъ,—отвѣтили ему.

Гегенау понялъ, что означалъ этотъ отвѣтъ,—все, что у нихъ было, они употребляли только для здоровыхъ.

Потомъ онъ наткнулся на пустое мѣсто, гдѣ повидимому, стояла палатка, потому что снѣгъ тамъ былъ смотенъ, и изъ земли еще торчали колья. Но палатку сняли, а тѣ, которые лежали подъ ней, и уже въ палаткѣ не нуждались, остались лежать. Глядя на нихъ, онъ не могъ бы сказать умерли ли бы они безъ того, или именно голодъ и холодъ помогли имъ въ этомъ. Къ тому же всѣ были обнаженные и обглоданные...

Такія мѣста встрѣчались ему чаще, такъ какъ онъ ѣхалъ по протоптаннымъ слѣдамъ.

Еще до наступленія темноты онъ достигъ полуразрушенной хижины дровосѣковъ, и рѣшилъ тамъ переночевать. Несмотря на разведенный огонь, ему было очень холодно и даже въ полусонномъ состояніи сильно чувствовался голодъ, такъ какъ онъ роздалъ имѣвшіеся при немъ припасы.

Къ полночи онъ поднялся и рѣшилъ ѣхать дальше.

На другой день Гегенау пробовалъ кормить свою лошадь засохшими листьями дуба, срѣзалъ и для себя ку-

сочекъ сосновой коры, но съ омерзеніемъ сейчасъ же выплюнулъ его и рѣшилъ лучше голодать.

Гегенау думалъ.

Да, такъ ужъ устроенъ міръ со своими скрытыми ямами. Теперь и онъ очутился въ одной изъ нихъ... Вѣдь онъ и себя считаетъ причастнымъ къ винѣ кайзера, ко всему, что еще постигнетъ армію и отечество...

Безконечно разстилалась подъ нимъ внизу дорога, сползая по горнымъ вершинамъ, высокимъ и низкимъ, вдоль и поперекъ. И чѣмъ больше онъ чувствовалъ усталость свою и своей лошади, тѣмъ радостнѣе онъ думалъ о войскѣ и его полководцѣ, способныхъ одолѣть эти непроходимыя пространства.

Вечеромъ онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ генералъ, черезъ нейтральное государство, проникъ въ непріятельскую страну. Направо отъ него, въ томъ направленіи, гдѣ были крѣпости, воздухъ все еще содрогался отъ выстрѣловъ. Но онъ скакалъ прямо, пока наткнулся на ближайшую часть арміи, и утромъ прослѣдовалъ дальше поѣздомъ.

Канонада осадныхъ орудій преслѣдовала его до самой столицы. Она преслѣдовала его, когда онъ слѣзалъ у главной квартиры и докладывалъ отчетъ главнокомандующему. Она шумѣла у него въ ушахъ, когда онъ съ необычно-взволнованнымъ главнокомандующимъ поѣхалъ къ кайзеру, когда долго одинъ ждалъ тамъ въ пріемной.

Гегенау не былъ благодаренъ фельдмаршалу за то, что тотъ взялъ его съ собой, такъ какъ былъ увѣренъ, что кайзеръ не захочетъ принять его; онъ смотрѣлъ на это какъ на наказаніе, которое онъ вполнѣ заслужилъ. Порядокъ вещей показался ему нарушеннымъ, когда главнокомандующій, выходя изъ кабинета сказалъ, что кайзеръ желаетъ видѣть его немедленно.

Скоро онъ былъ въ кабинетѣ и былъ очень пораженъ,

увидя тамъ военнаго министра. Кайзеръ казался смущеннымъ, говорилъ тихо и быстро, и съ насильственнымъ спокойствіемъ, спросилъ у Гегенау о встрѣчѣ съ генераломъ.

И когда онъ разсказывалъ объ упорствѣ генерала, о томъ, что не помогали никакіе доводы, онъ видѣлъ, какъ зажглось лицо кайзера, какъ заблестѣли его глаза.

— Хорошо, хорошо!—прервалъ онъ съ живостью и довольно улыбнулся, будто желая сказать:—онъ меня понялъ превосходно, мой генералъ!

Потомъ онъ вдругъ замолчалъ и, казалось,что мысли унесли его куда-то очень далеко. Онъ уже не такъ внимательно прислушивается къ словамъ Гегенау, часто переспрашивалъ его. Спрашивалъ обо всемъ и хотѣлъ знать всѣ подробности: въ какомъ состояніи Гегенау нашелъ тамъ генерала, какъ войско. Подъ конецъ онъ сталъ тихъ и грустенъ и нѣкоторое время стоялъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ что-то забылъ и никакъ не можетъ вспомнить. И вдругъ все оборвалъ.

— Я не знаю... я еще позову васъ...

Онъ даже подалъ удивленному Гегенау какимъ-то безсознательнымъ движеніемъ руку, хотя незадолго передъ этимъ смотрѣлъ на него съ наморщеннымъ лбомъ.

Странно разсѣянный пошелъ Гегенау къ князю Барсфельду, все еще преслѣдуемый несноснымъ грохотомъ пушекъ, потому-что онъ ждалъ, что изъ крѣпости должно прійти какое-то чрезвычайное извѣстіе. Онъ многому вѣрилъ и ничему не вѣрилъ, и все казалось ему измѣнчивымъ.

Измѣнчивы взволнованныя слова князя, измѣнчиво все, что и его волновало, измѣнчивъ и его слухъ. Странно же, почему онъ слова князя меньше слышалъ, чѣмъ видѣлъ, видѣлъ какъ князь, словно золотыя монеты, бросалъ ихъ на столъ, какъ они подпрыгивали, попадали ему

въ руку, такъ что онъ могъ ихъ поворачивать и осматривать со всѣхъ сторонъ. Измѣнчиво то, что онъ однимъ насмѣшливымъ словомъ хочетъ бросить все въ сторону: хныкать и молиться было бы теперь лучше, чѣмъ разсчитывать и взвѣшивать!

Смѣшонъ и этотъ маленькій князь, чувствующій себя въ какомъ-то хаосѣ, наполовину готовый улизнуть, наполовину готовый остаться на своемъ мѣстѣ, только бы удовлетворить свое любопытство и посмотрѣть: на долго ли еще хватитъ нитки на катушкѣ. Еще смѣшнѣе казался онъ, когда, среди своихъ обычныхъ шутокъ, выдвинулъ ящикъ стола и, продолжая говорить о своей тайной непоколебимости, вынулъ оттуда сложенную бумагу. Это было его прошеніе объ отставкѣ, которое лежало у него на всякій случай заготовленнымъ и на которомъ нужно было проставить только число.

Гегенау не могъ воспротивиться этому приливу холодности и прозорливости. И это было измѣнчиво, но онъ ужъ не находилъ въ себѣ больше ни справедливости, ни гнѣва.

О комъ-то доложили, кто-то просилъ у князя одну минутку вниманія. Князь хотѣлъ отказать ему въ пріемѣ, но Гегенау уговорилъ согласиться. Можетъ быть, приходитъ то великое, то чудесное, которое онъ ждалъ и которое должно притти.

Но скоро онъ, насупившись, отвернулся. Это былъ одинъ изъ «неотвѣтственныхъ», какъ называлъ ихъ Гегенау, числящійся лидеромъ государственной партіи, ратующей за міровую войну. Онъ прибылъ въ военный станъ къ кайзеру, какъ уполномоченный одного изъ мѣстныхъ князей съ какимъ-то предложеніемъ. Посѣтитель таинственно говорилъ о своемъ секретномъ порученіи, но тутъ же его сразу и открылъ; казалось, онъ исключительно для этого и пріѣхалъ. Минута вниманія, о которой онъ просилъ князя Барсфельда, ужасно затянулась; не стѣсняясь присутствіемъ Гегенау, онъ разсказывалъ,

что только что слышалъ отъ секретаря канцлера, что заключеніе договора съ нейтральнымъ сосѣднимъ государствомъ не состоялось и что тамъ происходитъ что-то очень значительное. Потомъ онъ долго говорилъ по этому поводу съ явнымъ намѣреніемъ собрать поболыше свѣдѣній о совершающихся событіяхъ.

Хотя статсъ-секретарь говорилъ и спрашивалъ очень мало, тѣмъ не менѣе посѣтитель счелъ своимъ долгомъ заявить, что онъ не можетъ скрыть своей радости, если заключеніемъ договора, содержаніе котораго ему хотя и неизвѣстно, пала боязнь дальнѣйшаго распространенія войны. Онъ изображалъ себя очень просвѣщеннымъ человѣкомъ, который держитъ будущее въ рукахъ и направляетъ его по своему желанію.

Но онъ тутъ же доказывалъ, что вовсе нерискованно вести войну по всѣмъ фронтамъ, что такъ или иначе придетъ, должна придти, дорога къ міровому владычеству; она, наконецъ, открыта отечеству, и кайзеръ знаетъ, что сильная партія отъ него требуетъ не довольствоваться только достигнутымъ. Кромѣ того и похвальное честолюбіе нашей арміи теперь, при столь блестящемъ положеніи вещей, навѣрное перерастетъ всю дипломатическую трусость.

Самодовольно и вызывающе кивалъ онъ своей головой Зевса то въ сторону одного, то другого.

Князь смотрѣлъ на Гегенау, который спокойно сидѣлъ на своемъ стулѣ, какъ будто весь разговоръ этотъ его нисколько не интересуетъ.

Но Гегенау скоро вышелъ изъ своего спокойствія, потому что снаружи донесся громкій голосъ, который онъ принялъ за голосъ военнаго министра, онъ быстро поднялся и вышелъ.

Но едва князь нетерпѣливо сталъ объяснять своему посѣтителю, что даже самый робкій дипломатъ имѣетъ важныя и неотложныя служебныя обязанности, которыя его заставляютъ иногда прерывать бесѣды, какъ Гегенау

съ просвѣтленнымъ лицомъ опять появился въ комнатѣ съ бумагой въ рукахъ; онъ остановилъ все еще говорившаго посѣтителя и рѣзкимъ «По-звольте!»—отстранилъ его къ выходу и подалъ статсъ-секретарю бумагу. Князь такъ долго смотрѣлъ на нее, пока уходящій не закрылъ за собою дверь.

— О, о! Какой красивый мужчина! Можетъ быть уже съ моимъ преемникомъ въ карманѣ...

— Читайте же!—просилъ Гегенау.

Статсъ-секретарь удивленно посмотрѣлъ въ вопрошающее лицо Гегенау, такъ какъ онъ уже прочелъ, что палъ одинъ изъ фортовъ крѣпости нейтральнаго государства.

— Ну да, прекрасно,—сказалъ онъ. — Но остальные еще держатся...

Съ легкимъ смѣхомъ надъ тѣмъ, что князь не въ состояніи оцѣнить значеніе извѣстія, какъ и надъ тѣмъ, что онъ еще спрашиваетъ себя, это ли и есть то извѣстіе, котораго онъ такъ ждалъ, Гегенау разложилъ на письменномъ столѣ свою карту. Извѣстіе не совсѣмъ соотвѣтствовало его ожиданіямъ. Хотя онъ теперь убѣдился, что счастье все-таки сопутствуетъ кайзеру, несмотря ни на что.

Гегенау теперь могъ объяснить статсъ-секретарю всю благопріятность создавшагося въ данный моментъ положенія; какъ, пользуясь этимъ положеніемъ, возможенъ теперь сильный натискъ на главныя укрѣпленія. Такимъ образомъ, взятіе одного этого форта открываетъ кайзеру возможность предложить, по своему почину, врагу, лишающемуся послѣдняго своего убѣжища, немедленный миръ.

Онъ могъ бы еще прибавить: я не рѣшаюсь положительно это сказать, но позволяю себѣ это думать, что инициатива снова перешла въ наши руки. На это онъ указалъ лишь вскользь, такъ какъ въ настоящую минуту ему это казалось не столь значительнымъ.

Князь смѣялся и хвастливо говорилъ, что онъ уже давно предсказывалъ, что только счастье можетъ рѣшить эту войну и легкомысленно прибавилъ:

— Если счастье бросило намъ курицу въ горшокъ, то мы не будемъ разглядывать, не слишкомъ ли она худа и жестка: мы просто изжаримъ ее, пока она не успѣла улетѣть.

Статсъ-секретаръ собрался сейчасъ же къ канцлеру, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пойти къ кайзеру и, основываясь на всеобщемъ желаніи, также и со стороны непріятеля, немедленнаго мира, князь приложитъ всѣ усилія, чтобы въ тотъ же день было отдано опредѣленное приказаніе.

Гегенау придвинулъ князю, переодѣвавшему сюртукъ, его заготовленное прошеніе объ отставкѣ, которое все время лежало на столѣ, и онъ былъ очень доволенъ, когда статсъ-секретарь, кивнувъ ему, спокойно взялъ бумагу и сунулъ ее себѣ въ карманъ.

У Гегенау было такое чувство, будто другой теперь все за него дѣлаетъ, другой слушаетъ и смотритъ. Ничего онъ не желалъ и ничто не касалось его. Онъ едва удивился бы, если бы увидѣлъ себя сидящимъ у себя же на колѣняхъ.

Онъ былъ совершенно разочарованъ. Ничто не прельщало его. Ни этотъ сѣрый, безпросвѣтный міръ, этотъ міръ разсудка, когда онъ надѣялся на міръ сіяющій, міръ, который сотканъ изъ крови, огня и сверкающаго желѣза, изъ свѣжихъ могилъ и тяжелыхъ лишеній большихъ битвъ,—который засвѣтился бы чисто, ослѣпительно, прославляя прошедшее, настоящее и будущее. А этотъ міръ, который они тамъ творятъ,—онъ противенъ ему. И въ глубинѣ души у него роились мысли, что и для этого мира уже упущено время, что земля начинаетъ дрожать вокругъ, всѣ государства двигаютъ свои полки и разбитый и задавленный міръ долженъ совершенно измѣнить свой обликъ. Эти мысли не давали ему безъ улыбки смотрѣть на статсъ-секретаря, который бѣгалъ взадъ и впе-

редъ, и застегивая пуговицы, бросалъ замѣчанія, бранился, приказывалъ и не позволялъ помогать надѣвать на себя шубу.

Но Гегенау рѣшилъ, что необходимо сказать хоть нѣсколько словъ.

— Я пока буду скакать верхомъ на этомъ стулѣ вокругъ вашего стола,—сказалъ онъ суетившемуся князю,— Во всякомъ случаѣ, я не выйду изъ этой комнаты.

Онъ все таки ждалъ, что кайзеръ позоветъ его.

Когда статсъ-секретарь уже прощался, пришелъ военный министръ, чтобы взять Гегенау съ собой къ кайзеру,—ему не пришлось скакать вокругъ стола.

Было странно, когда слушая короткую бесѣду статсъ-секретаря и министра, Гегенау снова слился со своимъ двойникомъ и онъ не противорѣча, выслушалъ военнаго министра, который не вѣрилъ въ возможность мира и не хотѣлъ вѣрить, хотя кайзеръ, отпуская его, выражался утвердительно.

— Да, теперь трудно быть пророкомъ. — согласился, наконецъ, министръ, такъ какъ всѣ извѣстія о походѣ генерала въ нейтральную землю и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ сосѣдняго государства, были такъ запутаны, что никто не могъ знать, гдѣ въ нихъ правда.

Впрочемъ, разговоръ продолжался недолго: военный министръ и Гегенау торопились къ кайзеру, который выразилъ желаніе подробнѣе ознакомиться съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ сосѣднемъ государствѣ.

———

Въ тотъ же вечеръ Гегенау вернулся въ свою старую комнату въ штабѣ, совсѣмъ тихо, не желая ни съ кѣмъ встрѣчаться и сейчасъ же сѣлъ за столъ, такъ какъ ему нужно было очень много писать. Но когда онъ услыхалъ шаги своего денщика, онъ бросилъ работу, откинулся на спинку стула и началъ съ нимъ длинную бесѣду, но не-

ожиданно оборвалъ ее, положилъ на столъ монету и велѣлъ денщику спрятать ее въ свой карманъ.

Солдатъ, зная въ какихъ случаяхъ Гегенау давалъ ему такія же монеты, спросилъ удивленно, гдѣ достигнута новая побѣда.

Гегенау молча посмотрѣлъ на него.

— Будетъ миръ,—сказалъ онъ, наконецъ.

Солдатъ неподвижно застылъ, съ остановившимися глазами.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ маіоръ,—крикнулъ онъ вдругъ быстро и засмѣялся.

— Миръ!—повторилъ Гегенау.

Солдатъ все стоялъ неподвижно, почти напуганный этимъ словомъ или выраженіемъ, какимъ оно было произнесено,—онъ и самъ не зналъ,—и оба не спускали другъ съ друга глазъ.

Но спрашивать онъ не могъ. Отъ изумленія онъ растерялъ всѣ слова.

Гегенау тоже молчалъ.

— Кругомъ маршъ!—скомандовалъ онъ шутливо, такъ какъ ему казалось, что солдату очень трудно совладать со своимъ оцѣпенѣніемъ.

Солдатъ послушно повернулся и какъ-то особенно ступая ногами, вышелъ изъ комнаты.

Улыбающійся Гегенау хотѣлъ продолжать письмо, но снова прервалъ себя и задумчиво вертѣлъ въ рукахъ перо.

Онъ, кажется, увлекся, когда такъ увѣренно говорилъ о мирѣ. Развѣ онъ дѣйствительно увѣренъ? А этотъ парень разскажетъ товарищамъ, тѣ опять другимъ, и если онъ обманетъ ихъ, то пропадетъ вся его слава пророка. Онъ въ данную минуту только чувствовалъ, что наперекоръ всѣмъ интригамъ, война должна кончиться.

Кто-то постучалъ въ двери и вошелъ молчаливый капитанъ, почти такой же перепуганный, какъ раньше солдатъ: онъ хотѣлъ узнать у Гегенау самыя свѣжія новости.

Съ этимъ онъ, правда, скоро справился, но пришли другіе офицера, съ которыми пришлось говорить дольше, хотя узнавали они не больше, чѣмъ узналъ слуга.

Гегенау видѣлъ себя вынужденнымъ попросить всѣхъ уйти, закрыть двери, а денщику приказалъ отвѣчать всѣмъ посѣтителямъ, что майоръ долженъ работать и желаетъ, чтобы не весь генеральный штабъ посѣтилъ его.

Утромъ, когда неожиданность нѣсколько притупилась, Гегенау уже не пришлось избѣгать любопытныхъ, такъ какъ никто его уже не разспрашивалъ. Но всѣ смотрѣли на него со скрытой улыбкой, были и шутки на его счетъ. Никто не видѣлъ нигдѣ зеленаго листочка, который возвѣщалъ бы о мирѣ. Не видѣлъ этого и главнокомандующій,—онъ позвалъ Гегенау къ себѣ, чтобы разспросить его, какъ въ нейтральномъ государствѣ производится визированіе паспортовъ.

Также и въ послѣдующіе дни о мирѣ ничего не было извѣстно. Гегенау казалось, что гонецъ съ мирными предложеніями провалился въ какую-то яму. Слышны были лишь мѣрные шаги марширующихъ войскъ, видны были только орудія, стоящія другъ противъ друга на границахъ враждующихъ сторонъ. И правительства синяго и зеленаго государства продолжали шептать своимъ посланникамъ въ главной квартирѣ тайные телеграфные приказы, угрожающія слова, а посланники продолжали передавать ихъ ежедневно князю и канцлеру. Такъ что для этихъ двухъ запахъ пороха носился по всѣмъ комнатамъ и взведенные курки ружей выростали на обояхъ стѣнъ. Угрожали враги, усовѣщевали друзья въ государствѣ, смѣшались всѣ голоса за и противъ.

Князь и канцлеръ краснорѣчиво молчали, молчалъ и кайзеръ.

Нѣтъ, это совершенно не похоже на миръ.

О князѣ, намѣреніяхъ канцлера и кайзера Гегенау узнавалъ все больше и больше, по бѣшенымъ новостямъ, которыя летѣли изъ одного конца арміи въ другой. Особенно о «генералѣ въ углу» чуть ли не каждый часъ разносились свѣжія новости. Говорили, что онъ уже задержанъ въ горахъ войскомъ нейтральнаго государства, что онъ окруженъ, что совершенно изголодался, что вынужденъ былъ сдаться, что онъ уже уничтоженъ. Говорили, что онъ засталъ врасплохъ правительство краснаго врага въ ихъ убѣжищѣ въ углу и взялъ его въ плѣнъ, говорили, что онъ со своимъ войскомъ проникъ дальше, армію нейтральнаго государства разбилъ, осадилъ его столицу, и еще многое.

И Гегенау сталъ молчаливъ. Его рѣдко видѣли. Если кто-нибудь обращался къ нему съ вопросомъ, онъ тихо улыбался и отвѣчалъ, что ничего не можетъ сказать.

Однажды вечеромъ онъ исчезъ; стало извѣстно, что и канцлеръ и военный министръ исчезли. Говорили даже, что и кайзера нѣтъ,—но это уже оказалось выдумкой.

Переговоры о перемиріи велись. Но ничего достовѣрнаго никто не зналъ. Волненіе еще больше усилилось и уже распространялись слухи, что дальнѣйшее продолженіе войны неизбѣжно.

Почти черезъ недѣлю вернувшійся военный министръ совершенно неожиданно остановился передъ главной квартирой, долго о чемъ-то совѣщался съ главнокомандующимъ и сейчасъ же опять уѣхалъ. Это было днемъ, и разговоры послѣ его отъѣзда не прекращались. Предполагали многое, но ничего опредѣленнаго никто сказать не могъ.

Уже стало совсѣмъ темно и никто еще ничего не зналъ. Въ совѣщательной комнатѣ при штабной квартирѣ по какой-то причинѣ потухли свѣчи; тамъ сидѣло нѣсколько генераловъ при слабомъ свѣтѣ снѣга и мерцаніи

звѣздъ. Они ждали начальника штаба, но прежде всего солдата, который долженъ былъ принести лампу или свѣчу. Пришелъ солдатъ, а за нимъ по темной передней слѣдовала и другая фигура, и стоящіе въ комнатѣ увидѣли на порогѣ Гегенау. Тотъ молча поклонился и нѣкоторое время стоялъ такъ, пораженный встрѣтившимъ его глубокимъ молчаніемъ и таинственнымъ полумракомъ.

Молчаніе продолжалось недолго, такъ какъ всѣ бросились къ Гегенау. Кто-то схватилъ его подъ руку, втянулъ въ комнату, а остальные окруживъ его, стали засыпать вопросами.

— Для миролюбивыхъ—хорошо!—сказалъ Гегенау съ таинственной улыбкой и всѣмъ вокругъ пожималъ руки. Онъ говорилъ почти шопотомъ и только подъ вліяніемъ бурныхъ вопросовъ окружающихъ, онъ немного оживился:

— Нѣтъ, кайзеръ не принялъ враждебнаго князя, какъ плѣнника и предоставилъ ему полную свободу въ выборѣ мѣстожительства, что зависитъ отъ особыхъ условій, при которыхъ состоялась капитуляція.

Кто-то спросилъ о «генералѣ въ углу» и онъ долженъ былъ отвѣтить, что тотъ или убитъ, или, вѣроятнѣе всего, кончилъ самоубійствомъ, а изъ-за его арміи велись очень длительные переговоры съ нейтральнымъ государствомъ, которое потребовало, чтобы войско было удалено изъ угла. Это и было исполнено, такъ какъ признано, что осада не соотвѣтствовала законамъ войны.

Наступившее молчаніе было вдругъ прервано громкимъ «Hoch!», которое толстый полковникъ прокричалъ нѣсколько разъ. Его поддержали двое-трое другихъ, и скоро эти крики перешли въ сплошной ревъ. И странно было видѣть этого толстяка и остальныхъ, съ поднятыми руками и открытыми ртами, изъ которыхъ вылетало безконечное «Hoch! Hoch!».

Вечеромъ въ честь мира былъ устроенъ настоящій пиръ. Было удивительно, изъ какихъ уголковъ и закоул-

ковъ вытаскивалось все припрятанное на случай такого дня, и можно было удивляться тому, что неожиданный теплый лучъ мира способенъ былъ извлечь изъ человѣка. Нашлась и музыка,—рояль звенѣлъ, скрипка и віолончель пѣли, и въ хорѣ съ человѣческими голосами далеко раздвинули стѣны, потолки, такъ что повсюду проникало радостное небо. Небольшое количество вина тоже сдѣлало свое,—и это продолжалось довольно долго.

Но къ вечеру Гегенау узналъ отъ князя, что нейтральное государство обложило войсками весь спорный уголъ вплоть до укрѣпленной линіи. Услышалъ на слѣдующее утро, да онъ уже и самъ могъ это видѣть, что объявленіе о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій между воюющими сторонами и о предстоящемъ заключеніи мира вызвало здѣсь въ столицѣ безграничное озлобленіе. Можно было ожидать взрыва возмущенія.

Народъ и не могъ привѣтствовать такой миръ, который стоилъ доброй части его страны. Что же удивительнаго, если столица всколыхнулась?

Послѣ обѣда аншлаги на стѣнахъ открыто звали народъ къ возстанію противъ правительства, предавшаго свое отечество и давшаго согласіе на столь позорный миръ.

Вечеромъ два министра непріятеля, рискнувшіе вернуться въ столицу, были, при своемъ проѣздѣ по улицамъ, не смотря на темноту ночи и густо падающій снѣгъ, узнаны, вытащены изъ саней, сильно избиты и отвезены въ городскую ратушу.

Тамъ происходило какое-то таинственное движеніе; толпа на улицахъ все наростала, двигалась взадъ и впередъ, громко проклиная свою побѣжденную армію, трусливое правительство и выражая свою ненависть къ побѣдителю. Но когда послѣ полуночи волненіе приняло

еще болѣе угрожающія формы и кое гдѣ произошли даже столкновенія съ солдатами, кончавшіеся, благодаря лишь сдержанности начальниковъ, безъ какихъ либо печальныхъ послѣдствій, казалось сомнительнымъ, что народъ этимъ ограничится и казалось, что готовится нѣчто болѣе серьезное.

Утромъ Гегенау не могъ уже попасть къ главнокомандующему обычнымъ прямымъ путемъ. Улица передъ ратушей была запружена народомъ и онъ слышалъ шумъ и изъ другихъ улицъ, хотя по обѣимъ сторонамъ около всѣхъ домовъ стояли солдаты.

На одномъ изъ выступовъ ратуши стояли какія-то люди и что-то говорили въ толпу, которая часто прерывала ихъ бурными восклицаніями. Въ рукахъ у этихъ людей были флаги, также на зданіи уже развѣвался національный флагъ.

Шумъ увеличивался; кого-то привѣтствовали и въ воздухѣ замелькали руки, шапки; также изъ окружающихъ домовъ по направленію къ ратушѣ махали шляпами, платками.

Изъ ратуши вдругъ донеслось пѣніе, послышались оттуда звуки невидимой музыки. Снова послышались крики нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, толпа обнажила головы и запѣла вмѣстѣ съ доносившейся изъ ратуши музыкой.

И понеслось пѣніе по улицамъ, отскакивая отъ стѣнъ домовъ и сливаясь въ одинъ могучій голосъ радости, гнѣва и мести.

Къ вечеру городъ принялъ совсѣмъ другой видъ.

Всѣ подтянулись,—какъ опредѣлилъ это Гегенау.

Подтянулся и побѣдитель. Всѣ важнѣйшіе пункты были окружены тѣснымъ кольцомъ солдатъ; центръ города былъ также обложенъ войскомъ. Съ того мѣста,

гдѣ утромъ стоялъ Гегенау, теперь на ратушу угрожающе и недовѣрчиво смотрѣли осадныя орудія. Но теперь они задремали, уставши смотрѣть, они могли спокойно спать, даже когда шумъ въ ратушѣ увеличивался.

Непрерывно день и ночь засѣдало новое правительство, и шумъ принадлежалъ нетерпѣливо ожидавшимъ тамъ жителямъ. Все таки, какъ ни бурно вели они себя тамъ, противъ побѣдителя ихъ ненависть пока ничѣмъ не проявлялась. Казалось, они на время совершенно забыли о его существованіи.

Лишь черезъ нѣсколько дней объявило новое правительство свое постановленіе. Оно не слагаетъ оружія и не признаетъ перемирія, заключеннаго его предшественникомъ противъ желанія народа. Оно не уступитъ и пяди своей земли, пока въ живыхъ останется хотя бы одинъ борецъ. Оно требуетъ, чтобы все вооруженное населеніе признало себя воюющей стороной.

На слѣдующее утро остановилась дѣятельность телеграфа и ожидавшіеся поѣзда съ припасами не прибыли. Въ городѣ же все казалось спокойнымъ,—до вечера.

Среди ночи Гегенау проснулся, ему показалось, что уже насталъ день, и онъ удивился, что никто не разбудилъ его. Въ комнатѣ было совершенно свѣтло, а за окнами свѣтило красное восходящее солнце. Но когда онъ собрался вставать, онъ замѣтилъ, что до разсвѣта еще далеко и что свѣтъ исходитъ отъ ближайшаго, чѣмъ солнце, пламени. Случайный пожаръ? Едва ли.

Онъ быстро одѣлся и побѣжалъ, не смотря на свою усталость. На лѣстницѣ онъ столкнулся еще съ нѣкоторыми испуганными офицерами, которые тоже шли на пожаръ. Но едва они вышли изъ дому, какъ увидѣли и съ другой стороны нѣсколько подальше еще пожаръ, потомъ и третій, и четвертый.

У ближайшаго пожарища было очень много солдатъ.

Горѣлъ домъ, смежный съ пустующимъ помѣщеніемъ банка, въ которомъ теперь былъ устроенъ складъ военныхъ припасовъ и обмундированія. О спасеніи перваго дома уже нечего было думать, но такъ какъ имѣющееся пожарное снаряженіе было недостаточно и въ большей части своей приведено въ негодность, то скоро огонь охватилъ съ двухъ сторонъ и сосѣднее зданіе. Банковскій домъ былъ уже охваченъ со всѣхъ сторонъ, пламя выбивалось въ окно, пробралось къ крышѣ,—но внутри все еще ходили люди, стараясь спасти хоть что-нибудь. Но когда выносить уже больше не было возможности, оказалось, что спасти удалось очень малую часть припасовъ, столь драгоцѣнныхъ въ данный моментъ. Солдаты, покрытые потомъ, стояли на улицѣ и ругались, — попадись имъ эти поджигатели, они бы ихъ тутъ же изжарили; другой замѣтилъ, что врагъ просто хотѣлъ имъ доставить случай погрѣться, такъ какъ уголь вѣдь подходитъ къ концу и его употребляютъ только для варки пищи.

Съ этого времени не проходило ни одной ночи безъ пожаровъ. То загоралось въ одномъ концѣ города, то въ другомъ, и никакъ нельзя было словить поджигателей, какія усилія ни прилагались къ этому.

Лишь черезъ нѣсколько дней удалось поймать нѣсколькихъ отчаянныхъ жителей, переодѣвшихся солдатами и пробравшихся въ зданіе бывшаго министерства финансовъ, теперь биткомъ наполненное солдатами.

Ихъ случайно накрыли на чердакѣ, когда они поджигали собранный тамъ мусоръ. И раньше чѣмъ успѣлъ придти офицеръ, озлобленные солдаты стащили ихъ на дворъ, бросили къ стѣнѣ и разстрѣляли.

Но послѣ этого случая пожары еще больше участились. Казалось, сотни возстали, чтобъ отомстить за смерть этихъ трехъ несчастныхъ. Если до сихъ поръ случались пожары только ночью и въ единичныхъ мѣстахъ,—теперь они бывали и днемъ и повсюду.

Скоро центръ города былъ охваченъ огненнымъ кольцомъ и изъ него бѣжали всѣ жители, горѣли со всѣхъ сторонъ предмѣстья, гдѣ были расквартированы солдаты, пылали вокзалы, и лишь безпрерывнымъ бодрствованіемъ удавалось охранить внутреннюю часть города..

Черезъ нѣсколько дней загорѣлся и центръ, и кто оставался въ домахъ рисковалъ задохнуться отъ дыма, отъ котораго совершенно невозможно было защититься.

И пришли еще худшіе враги, которые сломили всякое бодрствованіе, всякое сопротивленіе.

Сперва недостатокъ въ самомъ необходимомъ, который чувствовался все больше съ каждымъ днемъ, затѣмъ болѣзни, брошенныхъ изъ уничтоженныхъ огнемъ домовъ на улицу, солдатъ. Вѣчная бѣготня, вѣчныя поиски помѣщеній хотя бы на ночь, рысканье за провизіей,—совершенно дезорганизовали войско. Давно уже все переселилось изъ центра въ предмѣстья, постепенно освободившіяся отъ бѣгущихъ жителей, давно уже ратуша не служила мѣстомъ засѣданій, а была превращена въ больницу.

Но скоро и эти насиженныя гнѣзда подпали огню. Врагъ очевидно рѣшилъ уничтожить весь городъ, если это нужно будетъ. Были обнаружены объявленія непріятельскаго правительства, съ обѣщаніемъ возмѣстить жителямъ за все, что будетъ уничтожено войной, огнемъ и набѣгами.

И борьба началась съ новой силой.

Всѣ бѣгущіе жители обязательно поджигали дома, которые оставляли побѣдителямъ.

Постоянное напряженіе, постоянныя лишенія! А эти черные призраки дыма, простирающіе тысячи рукъ къ небу, словно и оттуда они хотѣли бы свергнуть тепло и свѣтъ и бросить въ этотъ чадный мусоръ. Они ложились широко и густо, своимъ безформеннымъ тѣломъ на весь городъ, дѣлая иногда легкія движенія, такъ что тѣни плыли по улицамъ, по развалинамъ, по лицамъ людей...

И среди этого чернаго, коричневаго, сѣраго дыма

плыло тамъ наверху уныло-свѣтящее, ржаво-красное печальное солнце...

О нуждѣ еще не говорили и никто не произнесъ этого слова. Но всѣ чувствовали ее: нужда пришла. Какъ это ни казалось страннымъ и невозможнымъ.

Никакія героическія средства, при фактическомъ превосходствѣ побѣдителя, не смогли заставить заговорить телеграфъ, не смогли заставить катиться колеса поѣздовъ.

Главнокомандующій, всѣ, бывшія въ его распоряженіи, войска изъ южной части непріятельской страны перекинулъ на сѣверъ вдоль длинной границы нейтральнаго государства *), онъ сильно обнажилъ всѣ пути сообщенія, связывающія его съ отечествомъ, съ единственной цѣлью: однимъ рѣшительнымъ ударомъ разбить врага.

Получаемыя извѣстія указывали, что правительство молодой республики предполагаетъ использовать это положеніе, что оно собираетъ партизановъ въ большіе отряды, что у него уже разработанъ планъ дѣйствія, состоящій въ томъ, чтобъ отрѣзать врагу всѣ пути сообщенія съ его отечествомъ, что при большомъ протяженіи этихъ путей, легко было сдѣлать, чѣмъ защитить ихъ.

Ясно было, что оно не желаетъ тратить, своихъ борцовъ для безнадежныхъ столкновеній. Чувствовалось, что новое правительство считалось съ мощью народныхъ отрядовъ, крѣпко держало ихъ въ рукахъ и знало, какъ ихъ использовать.

Изъ перехваченныхъ писемъ стало извѣстно, что республика заключила договоръ съ сѣвернымъ государствомъ, по которому, это государство обязывалось уступить ему спорный уголъ, не допускать никакого подвоза черезъ его границу и объявить войну побѣдителю, если онъ покусится на открытіе этихъ границъ.

Приходили свѣдѣнія въ главную квартиру, что на сѣверѣ дѣла обстоятъ еще хуже, чѣмъ въ столицѣ, что

*) Бельгія.

вездѣ проявляются тѣ же неурядицы, рвущія всѣ связи. Между частями войскъ происходятъ споры изъ-за каждаго мѣшка муки, охапки сѣна, которыя еще можно добыть въ странѣ.

— Надо пойти взрывать горы! — говорилъ главнокомандующій, который хотѣлъ непремѣнно прорваться на сѣверъ.

— Надо отказаться отъ столицы, отказаться отъ сѣвера и стянуть свои войска назадъ, къ своей границѣ!— говорилъ канцлеръ, которому все прочное казалось ближе непрочнаго и который уже потерялъ желаніе видѣть вооруженнымъ весь міръ.

Съ нимъ вполнѣ соглашался и князь Барсфельдъ— статсъ-секретарь,—поселившійся у канцлера, такъ какъ отъ его дома остались одни закопченныя руины.

Но кайзеръ оставался глухъ и нѣмъ къ словамъ и главнокомандующаго и канцлера...

Гегенау видѣлъ его, когда онъ проѣзжалъ по городу въ сопровожденіи штаба. Усталый, молчаливый онъ ѣхалъ по улицамъ и мрачно смотрѣлъ на эти опустошенія, развалины и тлѣющій мусоръ. Мрачно смотрѣлъ на окружающихъ, потому, что ничего радостнаго они не могли сообщить ему. Да онъ ничего и не спрашивалъ, и Гегенау былъ радъ этому, такъ какъ еле сидѣлъ въ сѣдлѣ отъ усталости.

Онъ совершенно отупѣлъ отъ безсонныхъ ночей, не могъ уже ничего видѣть вокругъ себя, не могъ радоваться тому, что штабная квартира стоитъ еще нетронутая огнемъ.

Придя на квартиру, онъ кинулся въ ближайшую постель,—въ каждой комнатѣ теперь уже жили по нѣсколько человѣкъ,—и сейчасъ же заснулъ.

Поздно ночью Гегенау разбудили и позвали къ кайзеру. Его денщикъ долженъ былъ долго будить его, пока онъ понялъ, что отъ него требуется.

— Можно бы и подождать!—сказалъ онъ съ досадой невыспавшагося человѣка и съ тупой покорностью одѣлся и пошелъ. Усталый и сонный плелся онъ по разрушеннымъ улицамъ, изъ-за темноты ночи казавшимися ему черными пещерами.

Лишь входя въ ворота замка, ему удалось овладѣть собой. Тутъ надо крѣпко держать себя въ рукахъ. Онъ зналъ всѣ эти лѣстницы, залы и проходы, но они были слабо освѣщены, а ему еще приходилось слѣдить за собой, чтобы не производить лишняго шума, такъ какъ слушающія стѣны при каждомъ шорохѣ гнѣвно возвращали этотъ звукъ,—глубокое молчаніе царило въ залахъ.

Рѣдко проскальзывали сонные люди; шопотомъ спросилъ онъ и шопотомъ ему отвѣчали.

Безшумно открылась передъ нимъ дверь, въ которую онъ вошелъ, и онъ очень удивился, когда увидѣлъ тамъ довольно много людей. Тамъ были всѣ генералы, сколько ихъ находилось въ данный моментъ въ столицѣ. Они сидѣли молча и серьезно и ничѣмъ не нарушали тишину.

Что же случилось? Зачѣмъ они тутъ созваны? Военный совѣтъ? Неужели кайзеръ испугался самого себя?

Онъ пошелъ дальше.

Скоро онъ былъ въ пріемной и увидѣлъ тамъ ожидающаго князя.

— Тамъ канцлеръ и фельдмаршалъ,—прошепталъ онъ.—Сговоримся, пока насъ не позвали.

Онъ возбужденно говорилъ о томъ, какого образа дѣйствій нужно придерживаться теперь, и еще о многомъ. Гегенау же ему ничего не могъ сказать.

— Вы, кажется, не согласны съ нашимъ мнѣніемъ,—спросилъ его князь, какъ будто обиженно.

Онъ не согласенъ былъ съ его мнѣніемъ, но находилъ безполезнымъ пускаться въ какіе-либо споры, такъ какъ уже ни во что не вѣрилъ. Онъ пошутилъ лишь, что дипломатическія способности кайзера, сумѣвшія создать этотъ тупикъ, сумѣютъ и устранить его.

— Или то счастье, которое, какъ вы говорите, вѣнчаетъ всякое дѣло,—продолжалъ онъ.—И я жду теперь этого счастья, потому что только оно можетъ помочь намъ.

— Это нѣсколько горько для меня. Хотя я допускаю, что вы имѣете право такъ говорить,—сказалъ князь и они оба замолчали.

Прошелъ адъютантъ съ полученными извѣстіями, которыя онъ молча показалъ имъ, извѣстіями изъ сѣверной арміи, начальникъ которой просилъ приказа о передвиженіи, такъ какъ въ окрестностяхъ его настоящаго расположенія онъ совершенно лишенъ возможности получать какіе бы то ни было припасы.

Тихо вошелъ адъютантъ въ кабинетъ кайзера, тихо оттуда вернулся и такъ же тихо ходили они по пріемной.

Скоро князя позвали въ кабинетъ и Гегенау показалось, что съ его уходомъ тишина стала еще глубже. Растерянно шагая туда и обратно, онъ почти испугался, когда увидѣлъ лакея съ зажженной канделяброй въ рукахъ и одновременно почти забытаго адъютанта, который съ поклономъ приглашалъ его въ рабочую комнату кайзера.

Чувство таинственности сопровождало его, когда онъ входилъ въ безшумно открывшуюся дверь. Она слегка стукнула за нимъ, когда онъ вошелъ въ комнату. Онъ сталъ напряженно вглядываться. Въ залѣ было темно и его привыкшіе къ свѣту пріемной глаза плохо видѣли въ этихъ красныхъ, отъ зарева далекаго пожара, сумеркахъ. Но скоро ему удалось разглядѣть четыре темныхъ силуэта въ комнатѣ,—три поближе и одинъ—одиноко у окна, спиной къ нему. Онъ узналъ въ стоявшемъ у окна кайзера, а въ остальныхъ канцлера, князя и фельдмаршала. Гегенау молча поклонился. Главнокомандующій посмотрѣлъ на него и снова углубился въ свои мысли.

Кайзеръ, наконецъ, безпокойно повернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на середину комнаты.

Тутъ дверь снова открылась и вошелъ лакей съ зажженными свѣчами. Кайзеръ вдругъ выплылъ изъ тем-

ноты. Онъ остановился, поднялъ свое грустное лицо и сердито посмотрѣлъ на лакея.

— Кто приказалъ?—хрипло и быстро спросилъ онъ.—Вамъ не нравится дѣлать, какъ я хочу?

Испуганный лакей кинулся обратно, унесъ съ собой свѣтъ и темнота снова придавила дверь.

Но Гегенау видѣлъ лицо кайзера, выдѣляющееся свѣтящимся зеленымъ пятномъ въ темнотѣ, слышалъ дрожавшія еще въ углахъ комнаты слова, которыя открыли ему мучительное состояніе говорившаго. Потомъ онъ увидѣлъ лицо кайзера еще яснѣе, приближающимся, прямо къ нему.

— Представляется возможность принять почетное отступленіе,—проговорилъ кайзеръ удивительно медленно и тихо, стоя близко около него.—Я бы хотѣлъ узнать объ этомъ ваше мнѣніе.

Гегенау отвѣтилъ, что у него имѣются возраженія противъ отступленія и ждалъ, чтобъ его спросилъ, какія.

— *Почетное* отступленіе!—повторилъ кайзеръ, хотя не съ интонаціей вопроса, но въ его словахъ звучалъ вопросъ, не можетъ ли слово «почетное» уничтожить всѣ его возраженія.

— И вы считаете за лучшее—что?—спросилъ онъ, переведя дыханіе.

Но когда Гегенау заговорилъ о томъ, чтобъ остаться и не отступать,—онъ не далъ ему договорить.

— Остаться, значитъ... это невозможно!

— И вы не знаете моихъ намѣреній,—дополнилъ онъ такъ быстро, что казалось ему не хватаетъ дыханія, и снова отошелъ къ окну.

Тамъ стоялъ онъ неподвижно, освѣщенный краснымъ заревомъ и, казалось, смотрѣлъ на далекое пожарище, молча и долго, очень долго.

И остальные въ залѣ стояли неподвижно, не было слышно ни шороха. Необыкновенно громко вдругъ начали тикать часы, все громче и громче, какъ будто напоминая о томъ, что время уходитъ...

Кайзеръ вдругъ отвернулся отъ окна и сказалъ раздѣльно и внятно:

— Кто сказалъ здѣсь, что я во всемъ виноватъ, и что я этого генерала...

Тутъ онъ замолчалъ, поднялъ плечи и испуганно втянулъ голову.

И снова послышалось тиканье часовъ, лишь нѣсколько ударовъ. Кайзеръ прошелъ черезъ всю комнату; когда онъ шелъ обратно, онъ остановился передъ главнокомандующимъ.

— Я желаю, чтобъ вы еще сегодня ночью сдѣлали всѣ приготовленія къ отступленію,—рѣшительно сказалъ онъ и послѣ небольшой паузы повторилъ то же слово, какъ будто ему доставляло радость, что онъ видитъ человѣка, котораго эта тяжесть такъ же сильно давитъ, какъ и его.

И онъ быстро, быстро заговорилъ дальше, словно не хотѣлъ дать своему собесѣднику время для возраженій.

Но тотъ и не собирался говорить.

И это молчаніе поразило кайзера больше, чѣмъ всякія слова. Онъ смущенно прервалъ себя, потребовалъ свѣтъ, перекинулся нѣсколькими словами съ канцлеромъ и статсъ-секретаремъ и, когда принесли свѣчи, пошелъ съ ними къ столу, на которомъ была разложена карта. Они и тутъ недолго стояли, потому что у всѣхъ было одно желаніе кончить поскорѣе съ этимъ уже рѣшеннымъ дѣломъ и какъ можно меньше говорить о немъ. Ни у кого не было никакихъ неясностей, ибо никакой планъ дѣйствій не казался имъ проще этого отступленія.

По желанію кайзера всѣ войска должны были быть стянуты еще дальше, чѣмъ это раньше предлагалъ канцлеръ, —вплоть до обусловленной перемиріемъ области, которую онъ уже просто причислялъ къ своимъ владѣніямъ. Эту область его войска смогутъ удержать, тамъ они находятся въ близкой и непосредственной связи со своимъ отече-

ствомъ, и тамъ они могутъ оставаться до тѣхъ поръ, пока противникъ не убѣдится въ безполезности своей дальнѣйшей борьбы и вынужденъ будетъ просить мира на старыхъ же условіяхъ.

— Нечего говорить о томъ, что эту завоеванную провинцію мы удержимъ во что бы то ни стало!—закончилъ кайзеръ. И мы никому не дадимъ повода сомнѣваться, что отступаемъ отсюда лишь потому, что удовлетворяясь достигнутымъ, признаемъ всякія дальнѣйшія жертвы безполезными.

Но онъ сказалъ эти слова упавшимъ голосомъ и совсѣмъ не съ тѣмъ выраженіемъ, которое хотѣлъ бы вложить въ нихъ. У него былъ такой видъ, какъ будто его уличили во лжи, и онъ недовѣрчиво оглянулъ всѣхъ, подозрѣвая, что въ глубинѣ души они смѣются надъ нимъ. Онъ отвернулся и съ видимымъ напряженіемъ слушалъ говорившаго канцлера.

— Для этого у насъ будетъ время и завтра,—отвѣтилъ онъ канцлеру и будто для того, чтобы доказать, что все еще можетъ приказывать, повернулся къ главнокомандующему, дѣлающему какія-то замѣтки въ своей записной книжкѣ, и приказалъ назначенный уже часъ отступленія изъ столицы перенести на болѣе ранній.

Главнокомандующій вскинулъ на него свои спокойные глаза, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-либо сказать, кайзеръ примирительно прибавилъ:

— Это, впрочемъ, не важно!

Онъ сдѣлалъ такое движеніе будто хотѣлъ сказать, что тотъ можетъ поступить такъ, какъ найдетъ это нужнымъ.

Онъ повернулся, поднялъ голову, сдѣлалъ попытку улыбнуться и сказать имъ что-нибудь пріятное. Но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ никакъ не могъ подыскать соотвѣтствующихъ словъ и проговорилъ только устало:

— Кажется, мы кончили...

Когда они, откланявшись уже разъѣзжались, князь прошепталъ Гегенау изъ своей шубы:

— Я доволенъ. Чѣмъ далѣе отъ сѣвера, тѣмъ лучше. На этотъ разъ я васъ не понимаю...

Тутъ появился адъютантъ, который опять позвалъ Гегенау къ кайзеру.

— У меня одно только желаніе: на этотъ разъ оказаться неправымъ! — успѣлъ только отвѣтить Гегенау, скидывая пальто, немного удивленный этимъ неожиданнымъ приглашеніемъ кайзера.

Кайзера онъ нашелъ стоящимъ посреди комнаты. Онъ заговорилъ не сразу; это молчаніе длилось такъ долго, что Гегенау сталъ сомнѣваться, не прослушалъ ли онъ какой-либо вопросъ.

Тутъ кайзеръ прервалъ молчаніе и спросилъ какіе доводы имѣются у него противъ отступленія до обусловленной области. Вѣдь это было бы только мѣрой, чтобъ закрѣпить за собою завоеванное, и уклониться отъ новой войны.

Гегенау высказалъ опасеніе, что эта мѣра можетъ затянуть переговоры о заключеніи мира, и что для нихъ эта затяжка можетъ оказаться роковой.

— Да, но вѣдь все гадательно!—сказалъ кайзеръ, отвѣчая больше собственнымъ мыслямъ.—Но тогда это было бы ужъ слишкомъ поздно.

Было очевидно, что это не то, о чемъ онъ хочетъ говорить; казалось, онъ ищетъ, какъ ему начать.

— Остаться и претерпѣть всѣ лишенія, выпить послѣднюю каплю сока изъ страны,—началъ онъ, наконецъ, нѣсколько растерянно.—Я тоже придерживаюсь мнѣнія, что наше доблестное войско способно и голодать, пока снова очистится путь. Но славы міровой мы не стяжаемъ себѣ этимъ.

Гегенау во взорѣ выразилъ большее удивленіе, чѣмъ онъ самъ полагалъ, такъ какъ глаза кайзера стали безпокойными и его лицо приняло выраженіе человѣка, который сказалъ слишкомъ много.

— Не обвиняйте меня,—сказалъ онъ, видимо волнуясь.—Вы слышите, я уже самъ это дѣлаю.

На мгновеніе лицо его омрачилось; затѣмъ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, порывисто протянулъ свою руку, такъ что она коснулась Гегенау и сказалъ:

— Я желаю, чтобы вы могли мнѣ еще послужить!

Кивкомъ головы онъ далъ понять, что не ждетъ непосредственнаго отвѣта, чуть замѣтно страдальчески улыбнулся и распрощался съ Гегенау.

Когда дверь за Гегенау закрылась, кайзеръ еще долго стоялъ у стола передъ разложенной картой, на которой онъ толстыми карандашными линіями обозначалъ путь отступленія и блуждалъ глазами и помыслами по непріятельской землѣ, пока у него помутилось въ умѣ и померкло въ глазахъ. Но когда на столъ упало нѣсколько капель, онъ вздрогнулъ и быстрымъ движеніемъ смахнулъ ихъ съ мраморной доски. Тогда онъ опять усѣлся у окна, хотя ничего не могъ видѣть въ темнотѣ, кромѣ сверканія искръ на потухающемъ пожарѣ, и не замѣчалъ, какъ одна за другой потухали за его спиной всѣ свѣчи.

Это была ужасная ночь въ штабной квартирѣ.

Неувѣренная отдача приказаній, несмѣлые вопросы, неохотные отвѣты, безтолковая ходьба взадъ и впередъ.

За ночью послѣдовало еще болѣе безтолковое печальное утро. Все торопилось, толкалось, напирало; мелькали угрюмыя лица, слышался досадливый смѣхъ; ругань, крики между собой, хула, проклятіе.

Усталыми красными глазами слѣдилъ фельдмаршалъ за выступленіемъ и казался такимъ же спокойнымъ и сдержаннымъ, какъ всегда. Только иногда и онъ употреблялъ болѣе рѣзкое слово и разъ даже рѣзко крикнулъ на генерала, когда тотъ разсердилъ его неумѣстнымъ замѣчаніемъ. Еще рано поутру онъ продиктовалъ приказъ, который долженъ былъ разъяснить солдатамъ причины

отступленія, нашелъ его однако мало обоснованнымъ и недостаточнымъ и все время думалъ о составленіи другого приказа. Наконецъ, онъ оставилъ это и когда первые корпусы стояли готовыми къ отступленію, онъ, усѣвшись на коня, подъѣхалъ ближе и обратился къ нимъ съ рѣчью, короткою, но отеческою и полною похвалы по отношенію къ нимъ.

Но когда онъ подошелъ къ самой трудной части своей рѣчи, онъ опять не могъ подыскать соотвѣтствующаго выраженія, и, оглянувшись кругомъ, какъ бы удивленно спросилъ:

— И не достигли ли мы здѣсь всего, что хотѣли?

— Такъ точно, ваше превосходительство!—закричали всѣ вокругъ, такъ что лошадь фельдмаршала въ испугѣ захлопала ушами.

Онъ всталъ на стремена и поднялъ свое каменное лицо.

— Тогда можемъ отсюда отправляться, если намъ тутъ дѣлать нечего! — воскликнулъ онъ столь громко, сколько могъ, чтобы быть услышаннымъ всѣми. — Пусть же безумные уничтожаютъ все, что для насъ уже негодно.

Самъ болѣе удивленный своими словами, чѣмъ солдаты, для которыхъ они звучали просто и понятно, онъ опустился на сѣдло. Онъ былъ почти смущенъ, когда замѣтилъ, какъ сильно подѣйствовали его слова, покачалъ головой и поспѣшно вернулся къ своему штабу.

Это отступленіе было лишено той тупости, вялости, упадка духа, сознанія, что ползешь въ какую-то темную пасть, полную горя и страданій, какъ это часто бываетъ при отступленіяхъ. Почти веселые выступали солдаты, какъ будто въ походъ; вездѣ виднѣлись довольныя лица, вездѣ раздавались шутки и веселый смѣхъ. Только освѣдомленные сидѣли мрачно и молчаливо и воздухъ казался имъ удушливѣе, чѣмъ въ самые худшіе дни пожаровъ, хотя онъ былъ свѣжъ отъ мороза и ярокъ отъ ледяного солнца.

Кайзера еще не видно было.

Гегенау стоялъ среди офицеровъ генеральнаго штаба и печально глядѣлъ на мѣрно ступающія ноги, когда проходилъ авангардъ.

Главнокомандующій, избѣгавшій до того говорить съ нимъ, словно вмѣняя ему въ вину это безрадостное отступленіе, позвалъ его теперь къ себѣ, такъ какъ надо было еще посовѣтываться съ нимъ о возможныхъ эксцессахъ въ столицѣ послѣ ихъ ухода. Въ столицѣ оставалась усиленная дивизія, предназначенная для обезпеченія пути отступленія сѣверной арміи, которая должна была прослѣдовать по этимъ мѣстамъ. И до тѣхъ поръ Гегенау долженъ быть въ тѣсномъ общеніи съ канлеромъ и княземъ, такъ какъ на сѣверной границѣ возможны осложненія, не чисто военнаго характера, которыя потребуютъ вмѣшательства довѣреннаго правительствомъ лица. Фельдмаршалъ объ этомъ говорилъ коротко, едва взглянувъ на Гегенау, но какъ онъ ни былъ сердитъ, онъ не могъ такъ разстаться съ тѣмъ, который, несмотря на всю разницу въ лѣтахъ и рангахъ, сталъ ему такъ близокъ во время совмѣстной работы. Онъ попрощался съ нимъ нѣсколькими теплыми, ласковыми словами и примирительно пожалъ ему руку.

Гегенау видѣлъ его еще разъ, нѣсколькими часами позже, когда главнокомандующій стоялъ рядомъ съ кайзеромъ, только что прибывшимъ изъ замка. Желтое, блѣдное лицо кайзера едва видно было изъ-подъ воротника, которымъ онъ закрылся почти до носа. Его глаза бѣгали испуганно направо и налѣво, при громкихъ привѣтствіяхъ солдатъ. Онъ отвѣчалъ довольно бодро, на моментъ освобождая свое лицо изъ-подъ воротника, но сейчасъ же опять спряталъ его и тотчасъ же пустилъ свою лошадь. Онъ вздрогнулъ и невольно оглянулся, когда загремѣли вдругъ первые звуки бравурнаго марша. И поѣхалъ еще быстрѣе, какъ бы убѣгая отъ этихъ все нараставшихъ звуковъ.

Мимолетно видѣлъ его Гегенау еще разъ. Потомъ оба

скрылись въ толпѣ офицеровъ, которая будто проглотивъ ихъ, все увеличивалась.

Скоро заколыхались торчащія пики эскадроновъ. Казалось, музыка, унося съ собой все свѣтлое и радостное, умираетъ въ сѣромъ просвѣтѣ туманной улицы, которая все втягивала въ себя, оставляя лишь топотъ пѣхоты, двигающейся безконечными рядами.

Этотъ топотъ оглашалъ городъ до полудня. Тогда начался столь же безконечный, однотонный скрипъ и визгъ повозокъ. Повозки всѣхъ родовъ, обнаружившія ту нужду, которая привела къ отступленію. Большія повозки, вслѣдствіе своей тяжести и недостатка въ лошадяхъ, были совсѣмъ оставлены.

Выступленіе изъ города продолжалось еще и на слѣдующее утро.

Оставшимся же казалось, что вся жизнь замерла въ опустошенномъ городѣ. Потому они старались производить столько шуму, сколько его бывало раньше.

Они рыскали повсюду, собирали все, что попадалось подъ руку, такъ какъ солдатами овладѣлъ тайный ужасъ передъ отступленіемъ. Ужасъ и передъ тѣмъ, что они остались, потому что, несмотря на ихъ сравнительную малочисленность, съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе находить себѣ продовольствіе.

Мало-по-малу стали появляться возвращающіеся жители, вышла изъ своихъ логовищъ чернь, неизвѣстно гдѣ прятавшаяся и теперь выходившая на кражи, такъ что солдаты были принуждены особенно зорко охранять зданія и даже собственность жителей. И чернь съ каждымъ днемъ все увеличивалась въ своемъ числѣ.

Гегенау ждалъ каждый день чего-то чудовищнаго. Это должно было случиться, онъ почти этого желалъ.

Но ничего не случилось, было благополучно и на сѣверной границѣ. Войско подходило оттуда безъ какихъ-либо серьезныхъ препятствій. Скоро прибыли передовые

отряды этого войска, путь отступленія котораго шелъ черезъ границу столицы. Прибыли въ состояніи, которое испугало Гегенау. Но они смѣялись, они вѣдь были первыми, онъ посмотрѣлъ бы на заднихъ. Оставшаяся въ городѣ дивизія почти бѣжала, чтобы не быть втянутой въ водоворотъ приближающихся.

Гегенау не могъ рѣшиться послѣдовать за ними. Ему показались всѣ разсказы о состояніи приближающихся преувеличенными; онъ долженъ видѣть ихъ. Это прекрасное войско, которое такъ стойко билось подъ крѣпостями, и рвало всѣ преграды,—возможно ли? Должны были, кромѣ того, прибыть большія орудія, его орудія, за которыя онъ считалъ себя отвѣтственнымъ. Малыя, онъ зналъ, не оставятъ, пока будетъ хотя бы одна лошадь, наконецъ, ихъ могли бы тащить на себѣ солдаты. Но большія...

Онъ поскакалъ имъ навстрѣчу, и скоро увидѣлъ приближающихся. Первые шли сносно, устало хотя, въ плохихъ одеждахъ, но нѣкоторый порядокъ еще соблюдался. Онъ поспѣшилъ дальше, вдоль пѣхоты. Нѣтъ, они оправдываютъ его ожиданія!

Но потомъ оказался большой промежутокъ. Показались меньшія отдѣленія, которыя уже шли кучками, ползли тяжело и устало. И справа и слѣва, какъ далеко и широко онъ только могъ видѣть, никто ужъ не считался ни съ командой, ни съ порядкомъ. Ѣхали всадники, лошади которыхъ шли еще довольно бодро, но были и такія, которыя едва поспѣвали за пѣхотой; были и пѣшіе кавалеристы, нагруженные сѣдлами, и жаловались на лошадей: нѣсколько холодныхъ ночей, малѣйшій недостатокъ въ пищѣ и они уже выбываютъ изъ строя. Тамъ, въ столицѣ, вѣроятно, найдутся для нихъ лошади.

Гегенау посмотрѣлъ на говорившаго. Сапоги его совсѣмъ развалились и при каждомъ шагѣ по снѣгу издавали какой-то особенный свистъ; но тотъ находилъ, что «къ счастью» снѣгъ подмерзъ, такъ что ходить еще можно. Другіе называли морозъ несчастьемъ.

Гегенау нетерпѣливо искалъ свои орудія.

Вотъ показались первыя изъ нихъ. Ихъ везли лошади, хотя очень медленно. Канониры шли рядомъ, а на лафетныхъ коробкахъ сидѣли, неспособные къ ходьбѣ и раненые.

Гегенау встрѣтилъ генерала, командующаго этимъ отрядомъ; лошадь его при каждомъ шагѣ какъ-то жадно глотала воздухъ, несмотря на то, что шла совершенно спокойно. Генералъ съ завистью смотрѣлъ на здоровую лошадь Гегенау и украдкой ласково гладилъ свою. Въ общемъ онъ дѣлалъ видъ, что все обстоитъ благополучно.

Да, конечно, осадныя орудія идутъ: кто въ этомъ сомнѣвается? У него дѣла не такъ ужъ плохи. У него и не голодали. Онъ взялъ съ собой все,—до послѣдняго колышка.

Да, все взято съ собой. Это Гегенау видѣлъ. Переполненные телѣги больными, плѣнными, тяжелые обозы, также и большія орудія. Они лежали на крѣпкихъ крестьянскихъ саняхъ, въ разобранномъ видѣ, и почти не отставали, несмотря на недостаточную запряжку, отъ другихъ. Впереди шагалъ унтеръ-офицеръ съ разорваннымъ и прострѣленнымъ знаменемъ подъ мышкой, крѣпко и твердо, словно на парадѣ. Но этотъ унтеръ-офицеръ, а потомъ и блѣдный, сухой капитанъ, который велъ орудія, говорили ему, что люди и животныя уже почти обезсилены и ихъ поддерживаютъ только надеждой на близость столицы.

Надежда на столицу?

Гегенау ничего не сказалъ. Онъ зналъ, что и изъ столицы нужно бѣжать, какъ можно скорѣе.

При выступленіи изъ столицы, Гегенау остался вблизи своихъ осадныхъ орудій, которыя онъ приказалъ перегрузить съ саней на телѣги. Это оказалось очень кстати, потому что облака все больше сгущались и темнѣли и скоро полилъ дождь. Тогда онъ слышалъ, какъ солдаты съ со-

жалѣніемъ говорили о бывшихъ морозахъ. Ихъ поношенные сапоги наполнились водой и леденили ноги,—и усталые превратились въ больныхъ, выбивались изъ силъ даже здоровые. Теперь, на третій день послѣ выѣзда изъ города, никто уже не думалъ о какомъ либо порядкѣ; каждый шелъ какъ могъ. О генералѣ никто уже не слышалъ, не знали даже гдѣ онъ. Говорили лишь, что онъ уже мѣняетъ четвертую лошадь. Это было все, что о немъ знали.

Къ вечеру подулъ холодный вѣтеръ, который оказался мучительнѣе всякаго мороза. За ночь перемерзло много лошадей. Приходилось думать о томъ, какъ вести дальше орудія и повозки. Дождь не прекращался, но снѣгъ не таялъ, а заливалъ дорогу холодной кашей, въ которой вязли пушки и они очень медленно подвигались несмотря на то, что были уже запряжены въ нихъ и лошади всадниковъ. Приходилось поворачивать колеса руками. Каждый поворотъ колеса требовалъ неимовѣрныхъ усилій.

Трудность передвиженія еще болѣе усилилась, когда они вступили въ гористую мѣстность. Здѣсь движеніе замедлялось тѣмъ, что часто приходилось тащить орудія, стоя по колѣна въ быстро бѣгущей водѣ.

Но за горами, тамъ уже будетъ совсѣмъ легко. Да, только бы перевалить черезъ горы! Но кто придетъ туда? Силы уже кончались...

Уже не приходилось говорить о нуждѣ: пришелъ голодъ. Животнымъ завидовали: они находили нѣсколько пучковъ полусгнившей травы. Но и это мало помогало,—и къ утру многія изъ нихъ пали.

Солдатъ подбадривали: впередъ, впередъ, скоро станетъ лучше! Скоро? Какъ звучало это слово для людей, обуреваемыхъ нетерпѣніемъ, брошенныхъ въ нужду! Сколько еще могло быть возможностей?

И прежде всего пришелъ врагъ, о которомъ всѣ какъ-то перестали и думать.

Онъ налетѣлъ такъ стремительно, что нельзя было знать откуда онъ пришелъ. Онъ явился съ открытымъ на-

мѣреніемъ взять съ бою всѣ имѣющіяся пушки, но это не удалось ему; ему достались лишь двѣ-три при первомъ замѣшательствѣ.

Это нападеніе придало всѣмъ силы и врагу очень скоро пришлось отступить. Для того, чтобы обезпечить спокойное дальнѣйшее слѣдованіе, былъ высланъ ему въ погоню весь остатокъ арьергарда, у котораго еще уцѣлѣли лошади.

Когда нѣсколько всадниковъ подъ командой Гегенау поднимались на гору, изъ близъ лежащаго сосноваго лѣска на нихъ посыпались выстрѣлы. Одинъ изъ всадниковъ взобрался на гору и оттуда кричалъ, что онъ видитъ за лѣсомъ большія силы непріятеля, которыя направляются къ нимъ. Опять послышались выстрѣлы,— стали падать солдаты, лошади. Одна изъ раненыхъ лошадей, падая вмѣстѣ съ всадникомъ съ крутого подъема, сильно толкнула лошадь Гегенау.

Совсѣмъ близко надъ собой онъ увидѣлъ голову напиравшаго на него улана, который какъ-то особенно странно вертѣлъ глазами, видѣлъ, какъ пика падающаго глубоко вонзилась въ грудь его лошади. Она стала на дыбы, шарахнулась въ сторону.

Вокругъ Гегенау неслись скачущіе всадники. Онъ не могъ слѣдовать за ними: онъ катился все ниже по обрыву. Вдругъ подъ нимъ что-то оборвалось и животное и всадникъ нѣкоторое время скользили вдоль глинистой стѣны и затѣмъ съ плескомъ упали въ холодную, брызгающую воду.

Это былъ небольшой ручеекъ, теперь разлившійся отъ дождя и снѣга. Гегенау почувствовалъ сильное теченіе, когда онъ дрожащей рукой хотѣлъ ухватиться за берегъ; другою же крѣпко сжималъ возжи, пока онъ и его лошадь не стали на ноги.

Тутъ онъ увидѣлъ торчащій изъ груди лошади обломокъ пики; изъ этого мѣста текла кровь, оставляя въ желтой водѣ красную полосу. Онъ сильно рванулъ за уздцы,

раздосадованный шумомъ воды, за которымъ ничего нельзя было разслышать и лошадь, тяжело дыша и съ пѣной у рта, выбралась, наконецъ, на берегъ.

Съ большимъ трудомъ взбирались они по слегка подмерзшей, вязкой глинистой стѣнѣ. Они часто скользили и падали. Имъ пришлось карабкаться довольно долго, пока они опять достигли вершины.

Тамъ, наверху, его всадниковъ уже не было. Лежала убитая лошадь, бывшая причиной его паденія, позади нея уланъ, подальше еще одна лошадь. Гегенау разорвалъ имѣвшійся у него пакетъ для перевязокъ, вытащилъ изъ раны лошади обломокъ пики, засунувъ въ кровоточащую рану ваты и, взявъ лошадь подъ уздцы, сталъ подниматься выше. Но и тамъ ничего нельзя было разглядѣть, кромѣ того, что лежало на землѣ: два его солдата и одинъ изъ нападавшихъ, который лежалъ такъ, словно силился просунуть голову въ яму, наполненную водой.

Неужели его солдаты принуждены были бѣжать?

Гдѣ-то далеко онъ увидѣлъ нѣсколько скачущихъ всадниковъ. Были ли это враги или свои? Они сейчасъ же исчезли.

Онъ стоялъ одинъ со своей больной лошадью, удивленный, что такъ скоро затихъ шумъ битвы.

Какой просторъ вокругъ него, но какъ печаленъ этотъ просторъ! Это ему казалось, вѣроятно, изъ-за тумана, который клубился легкимъ паромъ. И небо этотъ туманъ дѣлалъ такимъ обширнымъ, какимъ Гегенау никогда не видалъ его.

Тамъ наверху онъ увидѣлъ блѣдныя, острыя иглы облаковъ, они предвѣщали морозъ. Или уже морозитъ?

Онъ дрожалъ въ своихъ мокрыхъ одеждахъ.

Дальше! Лошадь около него тяжело дышала. Она тоже дрожала.

— Ну, ну!—сказалъ онъ, какъ обыкновенно говорилъ Изѣ, улыбнулся и ласково погладилъ лошадь. Чтобы ска-

зала его жена, если бы увидѣла его теперь стоящимъ здѣсь, рядомъ съ полумертвой лошадью?

Онъ вырвалъ нѣсколько полузамерзшихъ пучковъ травы, чтобы лошади не пришлось нагибаться и далъ ей кусокъ изъ своего шоколада, который уже цѣлую недѣлю носилъ съ собой.

Они могли подвигаться очень медленно: лошадь уже не могла поспѣвать за человѣкомъ.

Гегенау замѣтилъ, что они приближаются къ большой дорогѣ, но не дойдя до нея лошадь упала. Гегенау давно уже снялъ съ нея сѣдло, распустилъ подпруги и былъ радъ теперь, что не приходится добивать ее. Она упала и тутъ же околѣла.

Онъ долго еще видѣлъ темное пятно на полѣ, когда это поле уже давно осталось за нимъ.

Дальше онъ еще больше увидѣлъ. Со всѣхъ сторонъ изъ тумана выползали живыя тѣни, близкія и далекія, чужія, давно забытыя. Они приходили ему навстрѣчу, онъ слыхалъ ихъ голоса, онъ слыхалъ свой голосъ, хотя не раскрывалъ рта. Онъ замѣтилъ эту странность и улыбнулся. Такъ онъ шелъ между ними радостный, безъ заботъ, безъ желаній, словно шелъ къ новой жизни. Мысли о дѣйствительности не совсѣмъ покинули его. Но онѣ приходили какъ-то незамѣтно и не задѣвая его.

Онъ чувствовалъ, какъ его одежда стала твердой и жесткой, она терла ему ноги, особенно въ колѣняхъ. Но онъ просто рѣшилъ, что стало морознѣе. Начала болѣть почему-то нога, вѣроятно, онъ ушибъ ее при паденіи.

Онъ почувствовалъ голодъ, но рѣшилъ приберечь имѣвшіеся у него два-три питательныхъ кубика для болѣе крайняго случая. Теперь же ему было совсѣмъ хорошо. Все казалось ему пріятнымъ; рѣдко онъ чувствовалъ себя такимъ довольнымъ, какъ въ настоящую минуту.

Въ эту минуту ему не хотѣлось встрѣчаться ни съ кѣмъ и онъ шелъ въ сторонѣ отъ большой дороги. Это бы-

ло напрасное безпокойство, такъ какъ людей не видно было нигдѣ.

Послѣ долгой ходьбы, когда уже стемнѣло, онъ натолкнулся на дома; онъ едва могъ двигаться дальше, потому что боль въ ногѣ давно уже начала терять свою прелесть. Это были все маленькіе, черные домики, прострѣленные, полуразрушенные, но не деревня. Повсюду видны были слѣды большого сраженія, разбитыя телѣги, даже одна растрескавшаяся пушка. Повсюду были навалены горы каменнаго шлака и камня.

Лежали здѣсь и убитые, а можетъ быть, среди нихъ и живые? Ему было бы пріятно, если-бъ онъ здѣсь натолкнулся на... Стой! Тамъ, кажется, кто-то шевелится. Нѣтъ, онъ ошибся. Ему показалось, что сразу стало особенно холодно. Онъ стоялъ передъ почти неповрежденнымъ домомъ и его потянуло туда. Но его уже давило это молчаніе, которое здѣсь особенно сильно чувствовалось. Онъ съ усиліемъ поплелся далѣе и вскорѣ всѣ дома исчезли за его спиной.

Творилось что-то странное: давно уже должно было быть темно, но ему казалось, что стало еще свѣтлѣе. Вокругъ него былъ свѣтъ, странный, торжественный свѣтъ, онъ даже ступалъ по этому свѣту. Изрѣдка изъ-подъ земли поднималось передъ нимъ что-то темное, но и оно, когда онъ подходилъ ближе, свѣтлѣло и становилось либо заборомъ, либо столбомъ, кустами.

Гегенау замѣтилъ, что и онъ не бросаетъ тѣни отъ себя... Это мѣсяцъ свѣтилъ и расплывался въ туманѣ, такъ что свѣтъ его падалъ во всѣ стороны.

Что-то чудовищное поднялось передъ нимъ и изъ тумана выплыла длинная труба. Это была каменноугольная шахта. И здѣсь были слѣды выстрѣловъ, повсюду зіяли бреши, свѣтлыя и темныя дырья. Изъ черной пещеры шахты подымался странный запахъ, запахъ завядшихъ цвѣтовъ. Гегенау попробовалъ раскрыть дверь маленькаго рядомъ стоящаго домика. Но когда изъ раскрытой двери

хлынулъ на него опять тотъ же запахъ, онъ быстро захлопнулъ ее и пошелъ, направляясь къ большой дорогѣ.

Немного въ сторонѣ отъ шахты онъ набрелъ на сарай. Сарай былъ совершенно неповрежденъ и онъ рѣшилъ въ немъ переночевать. Никого тамъ не было. Нѣкоторый безпорядокъ все-таки указывалъ, что тамъ уже спалъ кто-то. Пахло немного навозомъ и на деревянной скамьѣ валялся солдатскій ранецъ. Онъ его ясно видѣлъ при свѣтѣ луны и сейчасъ же усѣлся рядомъ, счастливый, что его ноющая нога можетъ отдохнуть.

Скоро онъ почувствовалъ сильный холодъ. Онъ приподнялся, чтобы поискать дровъ для огня, и вдругъ услышалъ шумъ шаговъ по оледенѣлой землѣ. Кто-то сильно рванулъ дверь,—она распахнулась.

Гегенау отложилъ въ сторону приготовленный револьверъ: въ дверяхъ стоялъ солдатъ его же полка, тяжело дышавшій подъ тяжестью большой охапки дровъ и въ первое мгновеніе сильно перепугавшійся, увидя сидящаго на скамьѣ человѣка. Онъ оказался очень молодымъ ефрейторомъ. При утреннемъ сраженіи онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но ему удалось благополучно бѣжать.

Присутствіе офицера сначала очень стѣсняло его и лишь потомъ, когда Гегенау при свѣтѣ огня сталъ осматривать свою сильно припухшую ногу, и солдатъ, при видѣ голой ноги, какъ бы убѣдился, что передъ нимъ такой же человѣкъ, какъ и онъ, сталъ онъ разсказывать, что когда собиралъ дрова отъ разбитыхъ телѣгъ, ему показалось, что кто-то ходилъ мимо. Можетъ быть, это и былъ г-нъ маіоръ? При этомъ вопросѣ его глаза такъ по-дѣтски смотрѣли, что Гегенау сразу почувствовалъ къ нему симпатію.

Солдатъ стыдливо признался, что онъ голоденъ и уже собирался сварить кашу изъ дерева. Онъ былъ сынъ интеллигентныхъ родителей и прямо изъ университета пошелъ въ рядовые. Онъ еще долго говорилъ о деревянной кашѣ, высчитывалъ сколько она содержитъ питательныхъ

веществъ, говорилъ, что надо только преодолѣть отвращеніе. Гегенау предложилъ ему одинъ изъ своихъ кубиковъ и рѣшительно самъ опустилъ его въ походный котелъ съ еще нерастаявшимъ льдомъ. Это очень смутило молодого человѣка, такъ что онъ совсѣмъ потерялся и, несмотря на всѣ уговоры Гегенау, ежеминутно выбѣгалъ изъ домика за снѣгомъ, когда замѣтилъ, что Гегенау употребляетъ его для компрессовъ къ ногѣ.

Въ то же время онъ безостановочно говорилъ о родинѣ, о родителяхъ. Когда онъ замѣтилъ, что Гегенау притихъ, онъ сразу замолчалъ и заботливо началъ рыться въ своемъ ранцѣ. Но Гегенау подъ вліяніемъ этой живой рѣчи и самъ немного замечтался. Достаточно было одного слова, чтобы опять отвлечь мальчика отъ его ранца.

Гегенау обратилъ вниманіе на быструю, будто толчками вырывающуюся рѣчь солдата; раньше онъ объяснялъ это удушливымъ дымомъ, который расплылся по всему дому. Мальчикъ снова вернулся къ своему разсказу и говорилъ о томъ, какъ взяли его съ собой, чтобы узнать у него о расположеніи войскъ.

— Они, навѣрное убили бы меня, потому что вѣдь я ничего не знаю,—говорилъ онъ смущенно. Ему казалось хвастовствомъ прямо сказать, что онъ бы ничего не выдалъ. Они сильно ударили его въ бокъ прикладомъ и оставили ему нѣкоторое время на размышленіе. Но онъ думалъ только о томъ, какъ бы ему поскорѣе сбѣжать.

Гегенау хотѣлъ осмотрѣть его.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ничего. Только ребра и то что подъ ними немножко побаливаютъ. Поэтому онъ такъ поверхностно дышетъ.

Передъ сномъ онъ тоже положилъ себѣ компрессъ.

Хотя смерти онъ вовсе не боится,—прибавилъ, какъ будто извиняясь, юноша, когда прикладывалъ себѣ мокрый платокъ.

Они оба завернулись въ свои шинели и легли спиной къ огню, одинъ направо, другой налѣво.

Когда Гегенау проснулся, было еще темно, и онъ слышалъ отдаленные выстрѣлы пушекъ. Вставая, онъ увидѣлъ, что второе мѣсто около огня пусто. Съ большимъ трудомъ удалось ему втиснуть въ сапогъ сильно разболѣвшуюся ногу; онъ едва могъ ступать этой ногой и съ грустью думалъ о томъ, какъ онъ доберется до своихъ.

Доносились глухіе выстрѣлы—привѣты пушекъ изъ Богъ вѣсть какой дали.

Открывъ дверь онъ увидѣлъ своего молодого спутника, сидящимъ во дворѣ съ ружьемъ на перевѣсъ.

Увидѣвъ офицера, ефрейторъ всталъ, поднялъ ружье и, отдавъ установленную честь, доложилъ, что видѣлъ всадниковъ по дорогѣ и...

Онъ не могъ сознаться, что охраняя Гегенау, онъ сторожилъ здѣсь уже нѣсколько часовъ. Это не скрылось отъ Гегенау, но онъ не могъ его сильно бранить за это. Онъ заботливо посмотрѣлъ на своего караульнаго и лицо его показалось Гегенау очень подозрительнымъ. Слишкомъ желто и блѣдно было оно при этомъ морозѣ, который прямо рѣзалъ кожу.

Войдя въ домикъ, Гегенау положилъ въ кипятокъ свой послѣдній питательный кубикъ, немного поѣлъ и солгавъ, что онъ сытъ, накормилъ солдата.

Когда они собирались уходить, на дорогѣ послышался топотъ лошадей. Четко отдавался стукъ подковъ о стеклянную землю. Шумъ уходилъ въ сторону противоположную той, куда имъ нужно было отправиться и, такимъ образомъ, ясно было, что эти всадники непріятельскіе. Туманъ теперь сталъ еще гуще и дороги совершенно не было видно.

Гегенау рѣшилъ не итти по большой дорогѣ, опасаясь встрѣчи съ непріятелемъ. Своихъ онъ тутъ едва ли могъ встрѣтить.

Съ трудомъ карабкались они по отлогому холму, на которомъ нашли тропинку, по которой можно было подыматься. Гегенау стало легче ходить, но голодъ чувство-

вался сильнѣе, чѣмъ боль ноги. Онъ отламывалъ незамѣтно кусочки коры отъ деревьевъ и старался ихъ разжевывать.

Два, три часа шли они такъ, подвергаясь опасности быть застрѣленными или взятыми въ плѣнъ, потому что по временамъ они видѣли проѣзжающаго непріятеля. Тогда ефрейторъ начиналъ говорить отрывочнѣе и замедлялъ шаги. Гегенау уже замѣтилъ, что съ нимъ творится что-то неладное. Его блѣдное до того лицо, стало теперь краснымъ.

Да, теперь ему труднѣе дышать, онъ чувствуетъ колики,—согласился мальчикъ. Ничего, пройдетъ, это случалось съ нимъ и раньше.

Гегенау взялся за тяжелый ранецъ. Они будутъ нести его по очереди.

— Нѣтъ, нѣтъ,—громко крикнулъ юноша и такъ покраснѣлъ, что у Гегенау опустилась рука.

Туманъ расплылся и ослѣпительно и ясно свѣтило надъ ними солнце. Но оно не грѣло и Гегенау, несмотря на ходьбу, дрожалъ отъ холода.

Ефрейторъ вдругъ сталъ бредить. Но скоро замолчалъ. Послѣ полудня они услыхали передъ собою грохотъ пушекъ, какъ разъ передъ собой, въ сторонѣ отъ дороги. Потомъ все замолкло. Странно...

Ходить становилось труднѣе. Гегенау долженъ былъ тащить свою ногу, которою онъ уже почти не владѣлъ. Юноша не былъ голоденъ, только воздухъ ему казался слишкомъ рѣзкимъ и ему трудно было дышать. Потомъ онъ опять сталъ бредить.

Не надо заслонять солнце чернымъ стекломъ, не надо сыпать такъ много стекла на дорогу.

У него на самомъ дѣлѣ были дырья въ подошвахъ.

Гегенау онъ принималъ за своего отца. Пусть отецъ не думаетъ, что онъ ни на что не годится потому что онъ только ефрейторъ. Онъ долженъ былъ получить чинъ

лейтенанта, но начальникъ почему-то не долюбливаетъ его.

При этомъ онъ такъ тяжело ступалъ, словно несъ на плечахъ тяжелыя ведра. Гегенау снялъ съ него ранецъ и надѣлъ его на себя.

Юноша улыбнулся. Кто это съумѣлъ такъ сдѣлать? Теперь, когда камня нѣтъ, ему гораздо легче ходить.

Его лицо сіяло отъ радости, онъ громко разсмѣялся.

Пусть-ка теперь, кто-нибудь подступится къ нему съ прикладомъ.

Онъ схватилъ ружье и сталъ прицѣливаться.

Гегенау отнялъ у него и ружье и повелъ своего больного товарища за руку.

Все труднѣе становилось итти дальше. Солнце опустилось за бѣгущіе круглые облака, еще разъ загорѣлось краснымъ свѣтомъ и совсѣмъ скрылось.

Гегенау былъ далекъ отъ всѣхъ обычныхъ заботъ; одно лишь казалось ему важнымъ: чтобы этотъ путь кончился какъ можно скорѣе. Онъ хотѣлъ пойти по большой дорогѣ, гдѣ ходить было гораздо легче и не приходилось постоянно спотыкаться о камни и кусты. Но тутъ онъ услышалъ шумъ движенія. Этотъ шумъ одно время подошелъ къ нимъ тамъ близко, что заставилъ ихъ довольно долго прятаться въ первой попавшейся ямѣ. И Гегенау стоило громадныхъ усилій заставить молчать больного. Потомъ трудно было поднять его; впрочемъ, ему самому это тоже не легко было сдѣлать.

Наконецъ, вокругъ нихъ все стихло. Замолчалъ и раненый ефрейторъ, только изрѣдка стоналъ и шелъ, покорно, опустивъ голову. Красно и полно взошелъ мѣсяцъ, неслись по небу мохнатыя облака, свѣтлыя и темныя. Они бѣжали очень быстро, наверху должно быть былъ сильный вѣтеръ.

Не видно ни одного дома вблизи, хотя по картѣ здѣсь должна была быть деревня. Гегенау едва могъ ступать

своей больной ногой: на ружье онъ опирался, какъ на костыль. Тихо плетется рядомъ съ нимъ ефрейторъ, Гегенау уже долженъ крѣпко поддерживать его за руку. И такъ они шли еще около часа.

Гегенау увидѣлъ на дорогѣ мертвую лошадь. Дальше лежало нѣсколько убитыхъ. А вотъ и домъ.

Ясно увидѣлъ онъ черныя стѣны, выроставшія изъ-за плоскаго холма. Посмотрѣть, не смогутъ ли они тамъ остаться? Или итти дальше къ находящейся быть можетъ по близости деревнѣ? И тутъ, и тамъ могутъ быть враги. Но онъ чувствовалъ, что дальше они идти не могутъ.

Пока онъ, раздумывая, на минуту остановился, ефрейторъ пробормоталъ что-то и упалъ. Тогда Гегенау быстро пошелъ, подъ конецъ побѣжалъ, по направленію къ видѣнному имъ дому. Онъ былъ немного удивленъ, когда увидѣлъ ворота открытыми и тамъ замѣтилъ женщину, сидѣвшую прислонившись къ стѣнѣ спокойно на камнѣ. Онъ подошелъ и заговорилъ съ ней. Удивленный, что она не отвѣчаетъ, онъ повторилъ свой вопросъ, Но едва онъ проговорилъ послѣднія слова, луна выплыла изъ-за тучъ, сидящая передъ нимъ вся свѣтилась и онъ увидѣлъ старое, неподвижное лицо, которое было такъ же блѣдно, какъ спавшій съ головы платокъ. Широко раскрытые глаза смотрѣли, какъ ему казалось, прямо на него. Она сидѣла, мертвая, окоченѣвшая и безсильно свѣшивалось неестественно согнутая рука.

Гегенау, весь задрожалъ и отступилъ. Онъ не пройдетъ черезъ эти ворота. Дальше! Дальше!

Онъ вернулся къ больному и сдѣлалъ попытку поднять его. Тотъ только стоналъ и совершенно не могъ держаться на ногахъ. И Гегенау почувствовалъ особенный приливъ силъ. Онъ обнялъ ефрейтора, крѣпко прижалъ его къ себѣ и надѣясь, что тотъ будетъ все-таки переступать ногами, пошелъ. Онъ забылъ о своей больной ногѣ, забылъ о голодѣ, онъ не думалъ больше о нихъ. Ему казалось важнымъ только одно: этого молодого, вчера еще не-

знакомаго ему человѣка принести, какъ можно скорѣе на мѣсто, гдѣ ему можно было бы оказать помощь. Онъ даже улыбался, потому что ему пришло на память видѣнная имъ гдѣ-то античная мраморная группа и вотъ теперь онъ, Гегенау, — въ роли Менелая, который тащитъ тѣло Петрокла.

Но Патроклъ пересталъ двигать ногами и волочилъ ихъ за собою, такъ что онъ слишкомъ накренялъ Менелая на бокъ. Тогда Гегенау поднялъ его и понесъ на рукахъ, какъ спящаго ребенка. Онъ стоналъ по временамъ, тяжело дышалъ и часто приходилось присаживаться отдыхать. Къ счастью дорога шла все внизъ, все внизъ. Только не думать, какъ долго придется ходить!

Чу! До него донесся шумъ проѣзжающей по дорогѣ телѣги.

Онъ сѣлъ.

Или это топотъ лошадей? Но онъ ясно слыхалъ шумъ подковъ, звонъ желѣза, даже голоса. И опять шумъ колесъ.

Онъ началъ звать, громко кричать и побѣжалъ. Онъ выбѣжалъ на дорогу, отлого спускавшуюся внизъ. Что-то тамъ двигалось.

Въ слѣдующую минуту онъ уже стоялъ, запыхавшись, между всадниками, которые откликнулись ему на родномъ языкѣ.

Ну, теперь все хорошо будетъ!

Это были отряды сѣверной арміи, которые проходили здѣсь послѣ того, какъ ея авангардъ отразилъ нападеніе враговъ. Особенныхъ лишеній они теперь не испытывали, хотя порядокъ ихъ движенія тоже нельзя было назвать полнымъ. Они вели съ собой обозъ. Были съ ними и врачи.

Гегенау передалъ врачамъ своего товарища и все время не отходилъ отъ него, когда обозъ остановился въ ближайшей деревнѣ на ночь.

Утромъ, когда Гегенау садился на лошадь, онъ могъ

ступать только одной ногой; другая, вслѣдствіе сильнаго растяженія жилъ была въ крѣпкой шинѣ и туго забинтована. Пустой сапогъ онъ привѣсилъ къ сѣдлу.

Въ тотъ же вечеръ они вступили въ мѣстность, гдѣ должны были кончиться всѣ лишенія. Мѣстность эта была совершенно свободна отъ враговъ и они тутъ нашли обозы съ провіантомъ, высланные имъ на встрѣчу. Теперь въ лучшемъ порядкѣ вошли они въ завоеванную часть непріятельской страны, которая названа была «Новой провинціей».

Тамъ Гегенау долго оставаться не пришлось. Его уже повсюду искали. Еще раньше, чѣмъ онъ достигъ главной квартиры въ восточной части новой провинціи, онъ получилъ посланный ему навстрѣчу приказъ немедленно отправиться въ столицу своей страны, куда кайзеръ уже прослѣдовалъ. Онъ втиснулъ все еще не сгибающуюся ногу въ широчайшій сапогъ и сейчасъ же уѣхалъ.

По пути онъ все-таки урвалъ время, чтобы провѣдать своего молодого товарища-ефрейтора и на короткое время остановился въ городѣ, куда его перевезли. Тотъ довольно быстро поправлялся. И послѣ того, какъ Гегенау попрощался съ нимъ, война, показалась ему какъ что-то уже далекое, неопредѣленное, смутное, и только дни отступленія еще выступали въ памяти. Но и это уже больше въ области воспоминаній, чѣмъ въ области враговъ.

Недолго оставался онъ и въ столицѣ. Правительство «зеленаго» государства, которое уже такъ долго грозило на восточной границѣ, протестовало противъ захвата завоеванаго владѣнія и, казалось, имѣло серьезныя намѣренія придти на помощь своему побѣжденному бывшему союзнику. Кайзеръ всю вину, несмотря на заступничество князя Барсфельда, сваливалъ на своего посла при «зеле-

*) Россіи.

номъ» дворѣ и посолъ, недовольный этимъ, подалъ въ отставку. Его позвали и Гегенау теперь долженъ былъ занять освободившійся постъ посла. Это событіе такъ взволновало кайзера, что онъ при этомъ назначеніи не постѣснялся дѣйствовать противъ установленныхъ правилъ: кстати онъ одновременно хотѣлъ избѣжать конфликта съ княземъ.

Но Гегенау былъ мало обрадованъ. Онъ считалъ, что могъ бы быть полезнѣе въ другомъ мѣстѣ. Къ тому же онъ убѣдился, что кайзеръ былъ невѣрно освѣдомленъ врагами посла, который за все смутное время уже не разъ имѣлъ случай доказать свою безупречную дѣятельность и, по мнѣнію Гегенау, вполнѣ отвѣчалъ своему назначенію.

Гегенау стоило большихъ усилій упросить кайзера отложить его назначеніе, пока онъ поговоритъ съ посломъ и представитъ свой отчетъ.

Ему пришлось такъ скоро уѣхать, что, какъ онъ шепнулъ своей женѣ на вокзалѣ, куда онъ вызвалъ ее для «мимолетнаго свиданія», кайзеръ едва далъ ему время, чтобы перемѣнить бѣлье.

Такъ Гегенау уѣхалъ, еще въ формѣ воина, но по положенію уже дипломатъ.

III.

Причину того, что кайзеръ сталъ боязливѣе надо было искать въ разстройствѣ внутренней жизни страны. Но кайзеръ сталъ боязливѣе и теперь одного только желалъ: спокойствія внѣшняго. Эта боязнь была виною и тому, что онъ сталъ недовѣрчивъ къ себѣ, къ своимъ приближеннымъ и сталъ прислушиваться ко всякимъ мнѣніямъ, болѣе внимательно, чѣмъ онъ это дѣлалъ когда либо. Характеръ его былъ виною тому, что онъ и тутъ не оста-

вался постояннымъ и иногда ополчался и противъ боязни и противъ всякихъ совѣтовъ со стороны.

Гегенау онъ сейчасъ же отозвалъ изъ зеленаго государства, такъ какъ отчетъ послѣдняго убѣдилъ его въ несправедливости поступка по отношенію къ послу.

Въ тотъ день, когда часть войскъ, выведенная изъ «новой провинціи» вошла въ столицу для того, чтобы на слѣдующій день выступить дальше къ угрожаемой восточной границѣ, на вокзалѣ стояла Иза, жена Гегенау, ожидая своего мужа. Вмѣстѣ съ ней былъ и отецъ Гегенау, бывшій министръ финансовъ.

Въ послѣднюю минуту, когда поѣздъ уже долженъ былъ подойти, прибылъ также князь Барсфельдъ.

Онъ постарѣлъ, осунулся и все время держалъ глаза полузакрытыми, такъ какъ всякій свѣтъ причинялъ ему боль. Казалось, онъ неохотно говорилъ о своей болѣзни, потому что лицо стало очень грустнымъ, когда его объ этомъ спросили.

— Волненія войны въ прокъ не пошли!—признался онъ неохотно.—Теперь уже ничего не поможетъ. Даже самый чудодѣйственный орденъ.

Онъ плотнѣе застегнулъ пальто, изъ-за котораго выглядывало нѣсколько такихъ звѣздъ, и вдругъ заговорилъ о Гегенау.

— Убѣдите его, чтобъ онъ больше цѣнилъ ордена,—просилъ онъ серьезно Изу.—Теперь кайзеръ радъ имѣть около себя человѣка, который ихъ не признаетъ и охотно бы отъ нихъ отказался. Но надолго ли? И вашъ супругъ наживаетъ себѣ этимъ враговъ больше, чѣмъ онъ думаетъ.

Иза улыбнулась и тихо кивнула; но не въ отвѣтъ на то, къ чему она едва прислушивалась. Она думала о томъ, что ея мужъ легче перенесъ войну, чѣмъ князь. Онъ только немного прихрамывалъ при послѣднемъ свиданіи. Это было все. Хромаетъ ли онъ еще?

Отецъ Гегенау что-то говорилъ князю объ орденахъ.

— Нѣтъ, это не принесетъ ему пользы!—отвѣтилъ ему князь вздыхая, какъ будто это его дѣйствительно огорчало.

Шумъ приближающагося поѣзда прервалъ ихъ разговоръ.

Вотъ Гегенау поклонился изъ окна вагона. Онъ сейчасъ же подошелъ, прямой и высокій, но какъ-то съ болѣе обострившимися чертами лица.

Иза внимательно посмотрѣла на него, потому-что въ послѣдній разъ видѣла его въ полумракѣ, стала присматриваться къ его походкѣ. Нѣтъ онъ больше не хромаетъ; нисколько.

Когда она замѣтила, что и онъ внимательно ее осматриваетъ, она потянулась къ нему.

— Только сѣдые пучечки появились надъ твоимъ ухомъ, — шепнулъ онъ, дразня ее, такъ какъ онъ не имѣлъ привычки хвалить прямо.

— Я и у тебя вижу сѣдоватыя кружева, — отвѣтила она, и оба засмѣялись надъ этой слишкомъ ранней сѣдиной, какъ будто въ этомъ было что-то радостное, тѣмъ болѣе, что отецъ Гегенау, почти не имѣлъ еще сѣдины.

Отецъ шутилъ надъ скорымъ возвращеніемъ сына, котораго онъ охотно видѣлъ бы въ должности посла, считающейся очень почетной.

— Я зналъ, что изъ тебя ничего не выйдетъ!—сказалъ онъ все-таки довольный, и выслушивалъ разсказъ сына объ исходѣ путешествія, которое тотъ находилъ благопріятнымъ.

Гегенау разсказалъ князю, какъ онъ хорошо сошелся съ несправедливо оскорбленнымъ посломъ при зеленомъ дворѣ. Онъ пришелъ къ выводу, что угрозы войной со стороны зеленой державы дѣлаются исключительно по подстрекательству синихъ. Кромѣ того, у него какъ и у посла получилось вполнѣ опредѣленное убѣжденіе, что ихъ представитель при синемъ дворѣ совершенно не отвѣчаетъ своему назначенію.

— Я боюсь, намъ придется его смѣнить. Кажется, онъ даже не подозрѣваетъ, что предстоитъ еще болѣе грозная война — война биржъ... И я боюсь еще большаго, — боюсь за себя... По правдѣ говоря, я бы охотнѣе остался здѣсь и безъ всякаго назначенія...

— Васъ позовутъ и очень скоро и именно, чтобы занять постъ,—сказалъ князь угрюмо, сейчасъ же обернулся къ Изѣ и началъ весело говорить ей, чтобъ она приказала поскорѣе уложить сундуки, такъ какъ онъ считаетъ назначеніе Гегенау въ синее государство дѣломъ рѣшеннымъ.

Отецъ Гегенау удивленно посмотрѣлъ на князя, удивленно на сына, но ничего не сказалъ.

Имъ надо было спѣшить, чтобы поспѣть къ торжественной встрѣчѣ вступающихъ сегодня въ столицу войскъ. Князь настаивалъ, чтобы всѣ сѣли въ его экипажъ.

Медленно подвигался ихъ экипажъ по запруженнымъ улицамъ; много людей и экипажей загораживали имъ дорогу и все новые выползали изъ боковыхъ улицъ. Былъ воскресный день, къ тому же ярко свѣтило полуденное солнце съ безоблачнаго неба. Холодный вѣтеръ качалъ длинныя полосы пестрыхъ флаговъ. Все имѣло праздничный видъ, даже собравшаяся шумливая толпа, которая, казалось, все-таки чувствовала холодъ февральскаго дня. Пришла эта толпа, какъ на заурядное зрѣлище. Нельзя было замѣтить особеннаго подъема, радости, не было энтузіазма побѣдителей.

Раза два кто-то изъ толпы узналъ князя, сидящаго въ колясклѣ, и долетѣвшія до него слова не могли особенно льстить ему; его считали виновнымъ въ замедленіи переговоровъ о мирѣ.

Съ трудомъ пробирались они къ мѣсту, гдѣ была назначена встрѣча кайзера съ прибывающей арміей, послѣ чего онъ долженъ провести ихъ въ городъ черезъ древнія «ворота побѣдъ». Они едва успѣли остановиться, какъ усилившійся шумъ и музыка извѣстили ихъ о приближеніи кайзера.

Скоро они увидѣли кайзера, ѣдущимъ въ сопровожденіи стараго канцлера, видѣли, какъ вокругъ вытягивались головы, чтобъ лучше разглядѣть проѣзжающихъ.

Раздались привѣтствія, но столь жидкія и слабыя со стороны этихъ глазѣющихъ десятковъ тысячъ, что они были почти заглушены играющей музыкой. Кайзеръ напряженно смотрѣлъ прямо передъ собой, ни налѣво, ни направо, и, казалось, видѣлъ только войска, приближающіяся къ нему навстрѣчу съ противоположной стороны воротъ.

Когда раздались первые удары колоколовъ, первые раскаты салютующихъ пушекъ и показались головныя колоны входящаго войска, толпа всколыхнулась и раздался такой мощный гулъ выкриковъ и привѣтствій, что онъ покрылъ и гремящіе звуки трубъ, и звонъ колоколовъ и выстрѣлы пушекъ, которые казались далекимъ едва слышнымъ жужжаніемъ. Подъ градомъ цвѣтовъ и вѣнковъ сыпавшихся на солдатъ, этотъ энтузіазмъ нарасталъ и убывалъ и продолжался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Этотъ день былъ печальнымъ днемъ для кайзера; еще печальнѣе былъ онъ для канцлера, который явился козломъ отпущенія для всеобщаго недовольства. Газеты насмѣшливо спрашивали, что онъ сдѣлалъ изъ побѣды и угрожали ему рейхстагомъ. Одни, потому, что имъ казалось, что руководители страны слишкомъ далеко зашли въ своемъ увлеченіи войной, другіе, наоборотъ, обвиняли въ слишкомъ большомъ миролюбіи. Неясно, правда, было все это, но за то вполнѣ ясно чувствовалось одно: ничего радостнаго не принесли съ собой возвѣщенныя побѣды и всѣ находились на порогѣ другой войны, которая обѣщала быть непосредственнѣе и чувствительнѣе, чѣмъ та съ оружіемъ въ рукахъ, и могла влечь за собой еще болѣе значительныя послѣдствія.

Недовольство еще сильнѣе обнаружилось на слѣдую-

щій день, когда войска опять покинули городъ. Это недовольство было причиной и тому, что кайзеру пришлось выдержать сильную борьбу съ самимъ собой. Недовольство въ странѣ вынуждало отчаявшееся правительство назначить государственныхъ дѣятелей не только изъ своей среды, но изъ числа тѣхъ, которыхъ поддерживалъ народъ, независимо откуда бы они не пришли.

Трудно было говорить съ кайзеромъ; онъ не соглашался съ самыми вѣскими доводами, которые приводилъ ему князь, мотивируя отозваніе посла при синемъ дворѣ. Кромѣ того, что этотъ посолъ пользовался его благоволеніемъ, онъ не хотѣлъ показать міру, что этимъ отозваніемъ прерываетъ всѣ возможности заключенія союза съ синей державой. Но прежде всего потому, что посылка на этотъ постъ Гегенау, котораго онъ желалъ бы тамъ видѣть, казалась ему теперь невозможной, такъ какъ она уже перестала быть добровольной и тѣмъ самымъ только унижала его, кайзера.

— У меня было желаніе использовать его услуги; онъ тогда не захотѣлъ!—сказалъ онъ негодующе князю, какъ будто Гегенау виноватъ во всемъ томъ, что теперь такъ давитъ его.

Когда князь выразилъ ему желаніе Гегенау, къ которому присоединяется и онъ, князь, остаться внутри страны,—кайзеръ кивнулъ утвердительно, что и онъ раздѣляетъ это желаніе. Но сейчасъ же недовольно отклонилъ, когда князь назвалъ другого замѣстителя на постъ синяго посла.

Нѣтъ! ни въ коемъ случаѣ! Онъ не желаетъ другого!

Онъ также не могъ рѣшиться оставить посла на своемъ мѣстѣ, и такъ продолжалось нѣсколько дней.

Къ тому времени кайзеръ нѣсколько успокоился и имъ снова овладѣло то настроеніе, въ которомъ онъ находился въ послѣднее время войны, особенно въ тотъ день, когда отдавалъ приказъ объ отступленіи. То состояніе, при которомъ сознаніе своей вины почти давило его и онъ ви-

дѣлъ передъ собой одинъ долгъ: какъ можно скорѣй освободить страну отъ послѣдствій этой войны.

И онъ рѣшился на отозваніе посла, который совершенно разстроилъ всѣ его планы. Но онъ не могъ сейчасъ же назначить ему замѣстителя.

Такъ опять прошло нѣсколько дней, дней скрытой, и ожесточенной борьбы, такъ какъ приближенные кайзера противились назначенію Гегенау, недовольные его слишкомъ быстрымъ повышеніемъ.

— Во-первыхъ, вамъ предстоитъ задача, примирять! —сказалъ кайзеръ, когда онъ, наконецъ, пригласилъ къ себѣ Гегенау, чтобы выслушать его программу, и объявилъ ему о его назначеніи.

Побѣдивъ всѣ сомнѣнія, онъ считалъ этотъ выходъ болѣе достойнымъ, если этимъ признаніемъ удастся снова возбудить къ себѣ довѣріе въ государствѣ; тѣмъ болѣе, что и признаніе было только притворнымъ.

Въ этотъ день они говорили долго и о многомъ. Гегенау въ первый разъ имѣлъ возможность говорить вполнѣ откровенно. Кайзеръ все еще выказывалъ противодѣйствіе предъявленію синей державѣ требованія представить какіе-либо видимые доказательства ихъ желанія мира, что Гегенау считалъ важнѣйшимъ условіемъ для благопріятнаго улаженія внѣшнихъ отношеній, такъ какъ синій кабинетъ за послѣднее время самъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ требованіяхъ.

— Такое требованіе можетъ принести намъ только войну,—опасался кайзеръ. Онъ сталъ очень нерѣшительнымъ, послѣ того, какъ самъ увидѣлъ тѣ общественныя язвы, которыя причинила странѣ война, хотя и побѣдоносная.

— Но намъ ничего другого теперь не остается; мы должны настаивать на этомъ, если желаемъ прочнаго міра,— возразилъ Гегенау, и это слово «теперь» заставило кайзера немедленно согласиться.

— Да, да, я долженъ былъ объ этомъ подумать,—рѣшилъ онъ про себя и уступилъ.

Это назначеніе не осталось незамѣченнымъ въ странѣ, и новый дипломатъ, вступившій немедленно въ исправленіе должности, съ первыхъ же дней выказалъ стремленіе къ соглашенію со своими противниками, чтобы имѣть возможность оказать на нихъ вліяніе въ желаемомъ ему направленіи.

Надежды Гегенау нельзя было назвать радужными. Ему казалось очень малымъ то, что онъ могъ сдѣлать въ своей новой должности. Кое-что уладить—не больше. Предотвратить что-либо худшее—какъ это звучитъ въ устахъ побѣдителя!

Но Гегенау обманывался. Дѣло оказалось вовсе не такимъ легкимъ. Убѣдившись на первыхъ же порахъ въ трудности своей миссіи, онъ рѣшилъ, что насталъ моментъ, когда нужно дать почувствовать непоколебимую властную волю своего отечества. Онъ воспользовался поведеніемъ правительства противника, чтобы привлечь къ участію въ переговорахъ и канцлера; переговоры онъ велъ такимъ образомъ, что къ концу ихъ оказалось, что всѣ спорные вопросы могутъ имѣть лишь одно разрѣшеніе: или воевать, или уступить. И одно время казалось, что война неизбѣжна. Но Гегенау грозилъ предать гласности имѣвшіеся у него документы, которые должны были открыть всему міру поведеніе синяго государства во время послѣдней войны, когда оно совершенно не считалось со своимъ нейтральнымъ положеніемъ. Гегенау зналъ, что синему государству въ настоящій моментъ невыгодно и нежелательно открыто признать свою двойную игру.

Предположенія Гегенау оправдались: противникъ, не желая уступить открыто, отвѣтилъ смѣной кабинета министровъ, убѣдясь въ невозможности немедленнаго выполненія своихъ плановъ. Для страны эта смѣна мини-

стровъ осталась почти незамѣченной, но посолъ при зеленомъ дворѣ принялъ это во вниманіе, и приготовленія къ войнѣ въ зеленомъ государствѣ немедленно остановились.

И все-таки это мало способствовало дѣлу водворенія мира. Побѣжденный врагъ, теперь республика, все еще надѣялся на тайную помощь своихъ союзниковъ и казался готовымъ покориться военной судьбѣ лишь въ томъ случаѣ, если оба его союзника (синій и зеленый) открыто отъ него отступятся. И союзники, дѣйствительно, поставили довольно мудреное условіе: они признаютъ расширеніе владѣній побѣдителя только тогда, когда оно будетъ утверждено заключеніемъ мира съ республикой. Эта игра грозила сдѣлаться безконечной и очень болѣзненной. Она хранила въ себѣ много опасностей, большихъ, чѣмъ только война. Предстояла перестановка фигуръ на міровой шахматной доскѣ.

И глаза канцлера стали мутными, князь заболѣлъ, а кайзеръ сталъ совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ былъ раньше. Гегенау казалось, что теперь кайзеръ прислушивается къ такимъ совѣтамъ, на которые раньше и не обращалъ вниманія. И онъ воспользовался первымъ же случаемъ, чтобы поѣхать въ столицу.

Тамъ Гегенау узналъ, что кайзеръ сталъ теперь болѣе довѣрчивымъ, а канцлеръ признался, что въ данный моментъ внутреннія дѣла причиняютъ ему гораздо больше заботъ, чѣмъ внѣшнія. Гегенау имѣлъ случай убѣдиться, какъ тяжело дѣйствительно приходится канцлеру; онъ убѣдился еще кой въ чемъ, что предвѣщало мало хорошаго. Тутъ уже слишкомъ много говорилось о желаніяхъ нѣкоторыхъ партій, къ которымъ канцлеръ считалъ нужнымъ прислушиваться, и которыя все еще требовали политики сближенія съ синимъ государствомъ, и выражали недовольство образомъ дѣйствій Гегенау. Князь Барсфельдъ отрицалъ, разумѣется, что совѣты этихъ партій только

сбиваютъ его съ толку, отрицалъ также, что они могутъ въ чемъ-либо помѣшать канцлеру и кайзеру. Но онъ вообще казался равнодушнымъ ко всему, мало и поверхностно говорилъ обо всемъ; видно было, что рѣчь и мышленіе даются ему съ большимъ трудомъ.

Время было осеннее дождливое, но между этими дождями иногда попадались чисто лѣтніе дни, а эту рѣзкую перемѣну погоды, какъ говорилъ князь, онъ очень плохо переноситъ.

Кайзеръ принялъ Гегенау, пригласилъ также князя и канцелера, чтобы выслушать одновременно и ихъ взгляды на будущее. По одному вопросу, относящемуся къ внѣшней политикѣ, согласіе оказалось полнымъ; тѣмъ болѣе разошлись они по другому, болѣе важному вопросу. Кайзеръ, слѣдуя своему обыкновенію, выслушивалъ каждаго въ отдѣльности, храня полное молчаніе. Гегенау ясно слышалъ теперь, что сношенія съ партіями удручали канцлера еще больше, чѣмъ онъ предполагалъ, но что онъ все же намѣренъ продолжать политику осторожнаго «ощупыванія». Гегенау удивлялся, видя князя и тутъ молчаливымъ и нерѣшительнымъ.

Наконецъ кайзеръ молча посмотрѣлъ на Гегенау и глазами пригласилъ его высказаться.

Гегенау давно ждалъ этого момента. Онъ сказалъ, что нѣтъ ничего болѣе вреднаго, чѣмъ это осторожное «ощупываніе», что нужна политика суровѣйшей рѣшительности противъ кого бы то ни было извнѣ и, если окажется необходимымъ, такъ и внутри. Когда онъ еще начиналъ говорить, онъ видѣлъ, какъ князь, сидящій противъ него, очень поблѣднѣлъ, нѣсколько разъ странно какъ-то кивнулъ головой и вдругъ покачнулся въ сторону. Онъ поспѣшилъ къ нему, канцлеръ тоже вскочилъ, и оба они подхватили падающаго, когда онъ уже почти касался пола.

— О, о! Что это?—спросилъ кайзеръ, какъ будто ему самому стало больно.—Это не...

Блѣдный и очень испуганный онъ не считалъ достаточнымъ нажать звонокъ и побѣжалъ къ двери, распахнулъ ее и такимъ необыкновеннымъ голосомъ крикнулъ, чтобъ позвали доктора, что нѣкоторые слуги вбѣжали перепуганные въ комнату, думая, что съ кайзеромъ что-то случилось.

Когда кайзеръ вернулся, онъ увидѣлъ, что князь уже старается открыть глаза и что-то сказать.

— Ахъ, онъ живъ!—сказалъ онъ облегченно и улыбнулся лежащему на желтомъ шелковомъ диванѣ, дѣлая ему знакъ молчать и не безпокоиться.

Канцлеръ боязливо посмотрѣлъ вокругъ себя и что-то началъ искать дрожащими руками на столѣ.

Нѣтъ, это не смерть. Когда пришелъ докторъ, князь уже понималъ и могъ отвѣчать.

Но міровыя дѣла въ этотъ день уже не разсматривались и ничего въ нихъ не измѣнилось.

Не разсматривались они и на другой день, такъ какъ неизвѣстно было, вернется ли князь къ своему посту.

Когда Гегенау посѣтилъ его послѣ обѣда, онъ нашелъ его лежащимъ въ постели, съ блуждающими глазами: руки его постоянно двигались, что-то дергали и быстро перебирали пальцами. Онъ въ первую минуту подумалъ, что и мысли князя тоже блуждаютъ. Но больной говорилъ вполнѣ разумно, только иногда слишкомъ быстро, а иногда слишкомъ медленно. Иногда же онъ вдругъ прерывалъ себя на полусловѣ и говорилъ, что въ задней части головы у него должна быть дыра, черезъ которую незамѣтно выбѣгаютъ слова.

— Если бы я былъ на мѣстѣ моего двоюроднаго брата, я бы сказалъ: мои враги высасываютъ ихъ, чтобы лучше подслушать меня,—развивалъ онъ дальше.—Къ счастью, я не мой двоюродный братъ. Онъ не совсѣмъ при своемъ умѣ, этотъ двоюродный братъ.

Онъ покосился на Гегенау, чтобы узнать не считаетъ ли тотъ и его не совсѣмъ при своемъ умѣ. Этого онъ теперь боялся и эта боязнь мучила его.

Но когда онъ увидѣлъ Гегенау улыбающимся, онъ очень оживился и просилъ его не уѣзжать на слѣдующій день, какъ было рѣшено раньше.

— Я думаю васъ и не отпустятъ,—сказалъ онъ и тутъ же сообщилъ, что онъ только что послалъ прошеніе объ отставкѣ.

— Я ничего больше говорить не буду, если вы такой злой, и можете жалѣть объ этомъ! — продолжалъ онъ взволнованно вполголоса повторяя про себя: «Злой? Да! Жалѣетъ? Да!».

Онъ напряженно думалъ о томъ, что хотѣлъ сказать.

— Мнѣ не нужно врача, чтобы знать, что я не смогу остаться на своемъ посту, какъ... Способенъ, способенъ!— Я не буду больше говорить, если вы будете такъ насмѣшливо смотрѣть на меня!

— Недовѣрчиво!—поправилъ его Гегенау очень мягко.

— Нѣтъ, вы правы, вы должны, смотрѣть на меня съ насмѣшкой! Почему недовѣрчиво? Мнѣ пора уходить. Для пользы моей и отечества. Я не боюсь за своего преемника...

— Такъ какъ всѣ выраженія лица мнѣ вами запрещены, я могу сдѣлать только довѣрчивое лицо,—сказалъ Гегенау уклончиво.—Довѣрчивое, относительно вашего здоровья.

— Вы, вы, а не я!—крикнулъ князь съ такими глазами, словно онъ выслушивалъ оскорбленіе.

Гегенау и самъ теперь подумалъ, что больной ужъ, пожалуй, не вернется къ своему посту. Онъ постарался перемѣнить разговоръ, такъ какъ предполагалъ, что все это слишкомъ волнуетъ князя. Но Гегенау ошибался, больному, наоборотъ, было пріятно говорить объ этомъ, такъ какъ теперь онъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ тяжести, которую онъ носилъ съ большими усиліями.

Гегенау такъ и не удалось отвлечь его отъ этого разговора. Князь говорилъ только о своемъ уходѣ, постоянно, словами и взглядами, связывая свой постъ съ личностью Гегенау и подъ конецъ уже прямо говорилъ съ нимъ, какъ со своимъ преемникомъ.

— Будетъ тяжелая борьба! Я сказалъ «борьба»?— прервалъ онъ себя, потому что продолжительный разговоръ уже утомилъ его. Но онъ сейчасъ же громко разсмѣялся при мысли, какъ почувствуютъ себя всѣ завистники и враги Гегенау.—Канцлеръ съ неудовольствіемъ будетъ поглаживать свой животъ. Но кайзеръ... онъ будетъ...— Заткни же, наконецъ, свою глотку! — закричалъ онъ вдругъ гнѣвно и стянулъ конецъ простыни, который, принявъ причудливую форму, стоялъ передъ нимъ на постели и который, по словамъ князя, не давалъ ему думать, такъ какъ онъ долго и пристально смотрѣлъ на него.

— Я буду очень признателенъ тому, кто сумѣетъ меня устранить,—сказалъ Гегенау, въ то же время признавая, что уже оцѣниваетъ всѣ возможности и считаетъ вполнѣ допустимымъ, что выборъ кайзера можетъ пасть на него.

— Вы вѣдь примете?—спросилъ князь почти съ боязнью.

— Если не найдется другого, который сдѣлаетъ меня лишнимъ,—я долженъ буду!—признался Гегенау.—Если меня и не прельщаетъ блескъ высокаго поста, то у меня все-таки столько честолюбія, чтобъ желать вмѣстѣ съ другими направлять повороты этого большого колеса... Ну, пока вы еще въ должности! И даже, если вы на самомъ дѣлѣ уйдете, еще вопросъ, захотятъ ли рискнуть со мною.

Но князь только смѣялся. Онъ былъ очень утомленъ и Гегенау воспользовался приходомъ княгини, чтобы скорѣе проститься.

На слѣдующій день Гегенау позвали къ канцлеру, который долго говорилъ съ нимъ о внѣшнихъ дѣлахъ, а объ отставкѣ князя говорилъ, какъ о совершившемся фактѣ. Результатовъ эта бесѣда, однако, не дала никакихъ и, хотя канцлеръ держалъ себя очень сдержанно, Гегенау все же казалось, что полнаго единства между ними быть не можетъ. Тѣмъ болѣе былъ онъ удивленъ, когда канцлеръ сказалъ ему, что и кайзеръ хочетъ его видѣть на слѣдующее утро.

При аудіенціи у кайзера Гегенау еще больше удивило, что тотъ не обнаруживалъ никакихъ сомнѣній тамъ, гдѣ ихъ высказывалъ канцлеръ. Кайзеръ разговаривалъ съ Гегенау въ такомъ тонѣ, будто уже во всемъ согласенъ съ высказаннымъ имъ мнѣніемъ. Кайзеръ упомянулъ также о поступившемъ къ нему предложеніи отъ прибывшаго римскаго посла, по которому всѣ спорные вопросы внѣшней политики могли-бы быть разрѣшены конференціей всѣхъ заинтересованныхъ державъ. Гегенау очень рѣшительно высказался противъ подобной конференціи, которая, по его мнѣнію, можетъ вызвать большія тренія и въ концѣ-концовъ только обострить всѣ спорные вопросы.

Какого-либо осязательнаго результата не дало и это совѣщаніе. При прощаніи лишь кайзеръ выражалъ желаніе, чтобы Гегенау удлинилъ свое пребываніе въ столицѣ.

При уходѣ Гегенау увидѣлъ въ передней кронпринца, который о чемъ-то разговаривалъ съ адъютантомъ и очевидно собирался пойти къ отцу.

Широко разставивъ ноги, онъ стоялъ на порогѣ, наклонивъ свою непропорціонально маленькую голову, къ низенькому изящному адъютанту; адъютантъ же при разговорѣ вытягивался, чтобы казаться какъ можно выше. Слуга, провожавшій Гегенау, почтительно остановился въ отдаленіи; Гегенау тоже сталъ въ сторонѣ, чтобы пропу-

стить наслѣдника. Но разговоръ его продолжался довольно долго.

Когда кронпринцъ проходилъ мимо Гегенау, онъ очень недружелюбно посмотрѣлъ на него, будто спрашивалъ: «зачѣмъ это пятно тутъ на этой бѣлой стѣнѣ?».

— Величество должны были ждать!—шепнулъ маленькій адъютантъ и тихо улыбнулся.

Гегенау тоже улыбнулся и смѣясь пошелъ дальше.

Гегенау не думалъ, что это ожиданіе такъ огорчило кронпринца. Онъ зналъ давно, что кайзеръ не любитъ, чтобы его прерывали, кто бы это ни былъ.

Уже на третій день ему многое стало ясно. Страннымъ образомъ, это произошло черезъ самого кронпринца и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ меньше всего могъ ожидать.

Мать кайзера пожелала принять Гегенау въ своей лѣтней резиденціи, внѣ города. Какъ оказалось, она пожелала разспросить у Гегенау о той странѣ, гдѣ онъ представлялъ государство, такъ какъ ея особенностью было опрашивать всѣхъ пословъ, особенно прибывающихъ изъ странъ, которыя она любила. На этотъ разъ она справлялась о томъ, скоро ли наступятъ такія обстоятельства, которыя позволятъ ей путешествовать.

Ея 83 года нисколько не мѣшали ей пускаться въ далекія путешествія, какъ они мало мѣшали ей при случаѣ и ѣздить верхомъ, особенно, если и ея внукъ ѣздилъ на охоту. Еще была у нея та особенность, что она рѣдко сидѣла и когда съ кѣмъ-либо разговаривала, любила въ это время расхаживать.

Гегенау долго ходилъ съ ней по всѣмъ тихимъ уголкамъ ея парка, и только, когда сталъ накрапывать маленькій дождикъ, онъ имѣлъ возможность немного посидѣть въ каменномъ павильонѣ, въ сторонѣ отъ желтаго мраморнаго фонтана, на края котораго она часто клала свои темныя руки, опуская кончики пальцевъ въ воду.

Только здѣсь могъ онъ хорошо всмотрѣться въ ея лицо и очень удивился, что она мало похожа на своего сына. Только тѣ же блестящіе, темные глаза, которые кидали тѣ же деспотическіе взгляды, какъ у кайзера, но здѣсь они горѣли на бѣломъ, продолговатомъ лицѣ.

Во время ихъ разговора доложили о пріѣздѣ кронпринца и почти сейчасъ же послышались его шаги въ саду.

Гегенау уже нѣсколько разъ спрашивалъ себя, случайно ли онъ вызванъ въ это мѣсто и въ этотъ день. Приходъ кронпринца былъ едва ли случайнымъ.

При входѣ кронпринца онъ изъ словъ бабушки понялъ, что для нея его пріѣздъ совершенно неожиданъ, хотя это такъ же мало доказывало, какъ и легкое удивленіе кронпринца при видѣ Гегенау.

Впрочемъ, сегодня принцъ его дѣйствительно *видѣлъ*, поклонился ему очень любезно и казался въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Онъ слегка пошутилъ надъ бабушкой и ея желаніемъ постоянно путешествовать и при этомъ переводилъ свои бѣгающіе проницательные глаза то на бабушку, то на Гегенау. Онъ заговорилъ о кайзерѣ, откуда только что прибылъ.

— Я слыхалъ, что васъ желали видѣть,—сказалъ онъ мимоходомъ Гегенау.—Впрочемъ, нѣтъ!.. Я ошибся!...—сказалъ онъ и словно отражая что-то отъ себя, поднялъ ладонь руки. Онъ долго смотрѣлъ на Гегенау съ выраженіемъ человѣка, который знаетъ что-то и не можетъ удержаться, чтобы не разсказать.

— Сегодня мы не бездѣльничали,—началъ онъ, наконецъ, обращаясь къ бабушкѣ и сейчасъ же опять къ Гегенау.—Мы выбрали преемника князю Барсфельду. Нашъ римскій графъ будетъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.—Онъ остановился послѣ такого рѣшительнаго объясненія, какъ бы желая посмотрѣть, какое впечатлѣніе оно произведетъ и лицо его сіяло радостью побѣди-

теля. — И я надѣюсь, что эти господа научатся ладить между собою,—закончилъ онъ медленно.

— Я прошу позволить мнѣ возразить, что меня это не касается,—сказалъ сейчасъ же Гегенау, чтобы не оставить сомнѣній въ томъ, что совмѣстную работу съ «римскимъ графомъ», только что возвратившимся римскимъ посломъ, съ которымъ у него существовали почти враждебныя отношенія, онъ считаетъ для себя невозможной.

Сіяющее лицо кронпринца стало нѣсколько серьезнѣе, но по взглядамъ, которые онъ бросалъ на Гегенау, замѣтно было, что онъ еще не все высказалъ.

— Это будетъ зависѣть отъ васъ,—сказалъ онъ, умышленно не понимая его словъ,—если вы склонны будете вашъ постъ перенести въ Римъ.

Онъ немного нетерпѣливо ждалъ отвѣта и былъ удивленъ и неудовлетворенъ, когда Гегенау сказалъ, что о своемъ рѣшеніи сообщитъ кайзеру. Его даже разсердилъ этотъ рѣзкій отвѣтъ, такъ какъ онъ придерживался особаго мнѣнія о положеніи кронпринца въ государствѣ.

— Но вы вѣдь все таки попытаетесь?—спросилъ онъ быстро, хотя голосомъ обнаруживающимъ, что ему нелегко говорить нѣчто подобное; но онъ серьезно рѣшился выказать своему собесѣднику нѣкоторое благоволеніе, Уже хотя бы потому, что кайзеръ поставилъ условіемъ, чтобы Гегенау остался на дипломатической службѣ. Онъ не скрылъ и этого желанія кайзера, прибавивъ, что это является и его желаніемъ и опять повторилъ:

— Вы попытаетесь!—какъ будто этимъ сглаживались всѣ противорѣчія.

Онъ пересилилъ себя, чтобы вовлечь Гегенау въ болѣе продолжительную бесѣду, такъ какъ надѣялся оказать на него свое вліяніе. Онъ считалъ себя незаурядным ораторомъ, который бываетъ неотразимъ, если только онъ этого пожелаетъ. Такъ, онъ началъ осторожно хвалить мысль о конференціи, упомянулъ, что всѣ державы

находятъ эту мысль вполнѣ пріемлемой, какъ и большинство дипломатовъ, съ которыми ему приходилось говорить по этому поводу.

Но когда Гегенау совершенно открыто заявилъ кронпринцу, что онъ опасается, какъ бы не вышло такъ, что кайзеру придется подниматься верхомъ на стеклянную гору,—онъ прервалъ его и сейчасъ же отпустилъ.

— Самъ-то онъ стеклянный! Къ счастью, эти легко ломаются,—сказалъ онъ полный недовольства и сердито разсмѣялся, обращаясь къ бабушкѣ.

— Почему ты ругаешься?—спросила старуха безъ особеннаго любопытства.

— Потому что мы сами можемъ видѣть и не нуждаемся въ честолюбцахъ, которые хотятъ втирать намъ очки!—сказалъ онъ.

—Я не нуждаюсь въ поддержкѣ, но все таки беру твою руку. Ну, не стоитъ изъ-за этого волноваться, — сказала она спокойно и, заговоривъ о другомъ, взяла его подъ руку и пошла къ дому.

Также и Гегенау уѣхалъ полный негодованія. Онъ былъ очень раздосадованъ этой мыслью о конференціи, которая ему казалась очень неудачной, мыслью, изобилующей опасными остріями и крючками. Тѣмъ хуже, если многіе ее теперь привѣтствуютъ съ такой радостью, тѣмъ больше будетъ потомъ разочарованіе.

Гегенау сердился на самого себя, когда замѣтилъ, что не можетъ остаться равнодушнымъ. Было ли это простымъ хвастовствомъ, когда онъ говорилъ князю, что хотѣлъ бы оказаться лишнимъ? Едва ли! Но какъ разъ теперь, когда онъ нисколько не чувствуетъ себя лишнимъ, даже болѣе нужнымъ, чѣмъ когда либо, онъ долженъ устранить себя и стать въ сторонѣ отъ всѣхъ событій. Потому что для него это было равносильно устраненію почти отъ всякой дѣятельности, если онъ согла-

сится занять предлагаемый постъ въ Римѣ. Одну минуту онъ подумалъ, не уйти ли ему совсѣмъ? Но это ему показалось позорнымъ и недостойнымъ,—такъ дѣлаютъ дѣти, когда разсердятся. Но остаться на своемъ посту и оказать упорное сопротивленіе новому министру, безумной мысли о конференціи: это онъ сдѣлаетъ. Но тутъ явилось у него сомнѣніе, не слишкомъ ли уже поздно?

Да, теперь все безполезно. Кайзеръ и канцлеръ боятся за свои мозоли и хотятъ выторговать на конференціи миръ, чтобы спасти свое положеніе. Какъ будто этимъ путемъ можно еще что-нибудь спасти!

По дорогѣ на вокзалъ онъ остановилъ коляску и вышелъ. Въ его распоряженіи было еще много времени и ему захотѣлось пройтись.

Въ поѣздѣ онъ неожиданно замѣтилъ, что уже рѣшился принять постъ римскаго посла, если его переговоры съ кайзеромъ и канцлеромъ ничего не измѣнятъ.

Они оба оказались увлеченными безумной идеей о конференціи, которую считали счастливымъ разрѣшеніемъ вопроса о мирѣ. Канцлеръ заявилъ, что и римское правительство поощрило его къ этому шагу, обѣщавъ свое полное содѣйствіе. Почва для взаимныхъ соглашеній найдется сама собой.

Именно этому Гегенау и не вѣрилъ.

— Соглашеніе возможно только на почвѣ нашей уступчивости,—сказалъ онъ.

Но канцлеръ такъ увѣренно улыбался, точно весь міръ былъ для него прозраченъ, какъ стекло.

— Нашимъ противникамъ миръ такъ же нуженъ, какъ и намъ и они хотятъ лишь сшить ему достойную оболочку,—продолжалъ онъ.—Они будутъ намъ очень благодарны, если мы имъ поможемъ въ этомъ.

Нѣтъ! Гегенау чувствовалъ, что здѣсь было все безполезно. Канцлеръ поспѣшилъ уже выпустить изъ рукъ

ножницы, такъ какъ согласіе на созывъ конференціи было уже дано.

Говорилъ и кайзеръ о томъ, что такимъ путемъ они скорѣе всего придутъ къ миру. Онъ убѣждалъ Гегенау не смотрѣть на дѣло такъ, будто оно направлено противъ него. Очень неохотно далъ онъ себя убѣдить въ цѣлесообразности конференціи въ данный моментъ и онъ лично былъ бы радъ идти по пути, предлагаемому Гегенау. Но положеніе дѣлъ таково, что этотъ путь теперь ему кажется немного далекимъ. Настанетъ время, когда къ нему опять вернутся.

Гегенау всѣми своими доводами противъ конференціи достигъ только того, что кайзеръ сталъ считать его неспособнымъ должнымъ образомъ оцѣнить идею не имъ предложенную и потому считалъ его мнѣнія предвзятыми. Гегенау скоро замѣтилъ съ какимъ снисхожденіемъ кайзеръ слушалъ его. Но онъ продолжалъ говорить въ надеждѣ хоть сколько-нибудь поколебать рѣшимость кайзера.

Скоро кайзеръ прервалъ его и недовольно замѣтилъ, что онъ несвободенъ и долженъ считаться со справедливыми желаніями.

— Съ желаніями исполнимыми, — сказалъ Гегенау, быстро соображая, что только полнѣйшая откровенность можетъ еще принести пользу.—Въ противномъ случаѣ я боюсь, изъ нихъ могутъ выйти проклятія.

— Нѣтъ, нѣтъ!—почти стоналъ кайзеръ, испуганный, съ широко открытыми глазами.—Нѣтъ, нѣтъ!—повторилъ онъ.

— Разочарованные ничего не извиняютъ,—поспѣшилъ прибавить Гегенау, чтобы еще больше усилить вліяніе его словъ. Но онъ самъ испуганно прервалъ себя, потому что увидѣлъ, какъ кровь отхлынула отъ лица кайзера и оно стало блѣднымъ и тусклымъ.

— Черная ворона!—услыхалъ онъ.

Темные глаза кайзера долго и пристально смотрѣли на него.

— Мы—не побѣжденные!—сказалъ онъ рѣзко и быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ.

— Суевѣренъ ли онъ?—спрашивалъ себя Геренау удивленно.—Смогутъ ли мои предостереженія поколебать его рѣшимость?

Послѣ нѣкотораго молчанія кайзеръ отпустилъ его. Онъ отпускалъ его гораздо менѣе любезно, чѣмъ принималъ. О поѣздкѣ въ Римъ не сказано было ни слова.

Зато другіе часто съ нимъ объ этомъ говорили, особенно тѣ, которые не благоволили къ Гегенау и надѣялись, что онъ подастъ въ отставку. Думали такъ даже его друзья. Когда онъ признался военному министру, что онъ поѣхалъ бы въ Римъ, тотъ былъ очень удивленъ, хотя хвалилъ его за это.

Но Гегенау замѣтилъ ему, что тутъ нечего хвалить и нечего порицать. Онъ остается на службѣ, чтобы оказать услугу правительству. Впрочемъ, онъ служитъ не кайзеру, онъ служитъ государству. Отождествлять ихъ онъ въ данную минуту не видитъ возможности.

— Да,—прибавилъ онъ,—было бы очень пріятно, если бы это дошло до ушей кайзера.

Министръ только улыбнулся.

Гегенау не терялъ надежды, что впечатлѣніе, вызванное его предостереженіями, повліяетъ на кайзера настолько, что онъ еще откажется отъ мысли о конференціи. Эта надежда, однако, съ каждымъ часомъ становилась слабѣе и скоро совсѣмъ исчезла.

Изъ газетъ Гегенау узналъ, что желанія многихъ сходятся съ желаніями кайзера, желанія тѣхъ, которые способны были видѣть только узкое поле вокругъ себя и не задаваться широкими задачами. Слышались и голоса, призывавшіе къ благоразумію; Гегенау зналъ, что при

болѣе продолжительномъ размышленіи число этихъ голосовъ должно увеличиться. Но тогда уже слишкомъ поздно будетъ.

Онъ сдѣлалъ тайную попытку содѣйствовать общей освѣдомленности и, призывая къ благоразумію, помѣстилъ статьи въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ газетахъ; онъ сдѣлалъ это со всею ясностью и откровенностью, насколько позволяла ему его смѣлость. Но все уже дѣлалось безъ надежды и мало помогло.

Слишкомъ настойчивъ былъ голосъ общественнаго мнѣнія, требованій, чтобы кончилось, наконецъ, это время неизвѣстности, чтобы было снято со страны тяготѣющее надъ нею и связывающее ее бремя. Потому что не налаживалась еще торговля, пустовали магазины, и тысячи бродили съ засунутыми въ карманы руками, потому что не находили для нихъ лучшаго примѣненія.

И неудивительно было, что всѣ желали конца этой угнетающей дѣйствительности, за которой могли бы зародиться блестящія надежды. Въ конференціи видѣли они путь къ этому желанному концу.

Гегенау теперь понималъ, почему всѣ были точно одурманены этой идеей о конференціи. Этотъ дурманъ заглушилъ даже недовольство канцлеромъ, одно время принимавшее довольно угрожающіе размѣры, что въ сущности и было причиной продолженія военнаго положенія. Повсюду выставлялись теперь его портреты, повсюду говорили о немъ, его именемъ назвали даже лилію, провозглашенную въ честь будущаго мира.

— Я боюсь, эта преждевременная слава лишитъ его спокойнаго сна,—говорилъ Гегенау, когда при визитѣ у князя Барсфельда бесѣда коснулась этой перемѣны.

— Едва ли, едва ли,—возразилъ князь серьезно.— Теперь онъ еще надѣется...

Князь сидѣлъ спокойно въ своемъ креслѣ и, казалось, думалъ о томъ, чѣмъ бы еще больше уязвить канцлера. Онъ настолько оправился, что уже оставилъ постель.

Ему непріятно было говорить о канцлерѣ; онъ сердился на него изъ-за Гегенау. Непріятно и потому, что онъ на себя еще больше сердился. Ему вообще было не по себѣ при этомъ разговорѣ. О кайзерѣ онъ тоже неохотно говорилъ и, самъ собой, разговоръ опять перешелъ на конференцію и онъ признался Гегенау, что иногда у него бывали часы. когда эта идея казалась ему вполнѣ осуществимой и даже желательной.

Гегенау удивленно посмотрѣлъ на князя: онъ вдругъ поднялся со своего кресла, сказавъ, что Сатурнъ съѣлъ своихъ дѣтей. Почему и ему этого не сдѣлать?

— Вѣдь это былъ Сатурнъ?—продолжалъ онъ.—Сатурнъ? Но не думайте, что я имѣю притязаніе быть богомъ!—Онъ собственно хотѣлъ это сравненіе кончить иначе, и огорченно бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ необходимо уѣхать! Мнѣ нельзя здѣсь оставаться!—закончилъ онъ и сталъ порывисто бросать попадавшіяся ему мелкія вещи въ большой открытый чемоданъ, стоявшій посреди комнаты.

Онъ приказалъ немедленно уложить свои вещи, такъ какъ на слѣдующій день онъ рѣшилъ уѣхать въ курортъ.

Еще въ тотъ же день Гегенау получилъ отъ канцлера приглашеніе на охоту.

Прибывъ въ имѣніе канцлера и увидѣвъ его тамъ, Гегенау дѣйствительно нашелъ, что тотъ совершенно измѣнился. Онъ, противъ обыкновенія, былъ очень веселъ и, глядя на него, едва ли можно было подумать, что онъ проводитъ безпокойно свои ночи. Онъ бодро и увѣренно смотрѣлъ на будущее, словно онъ въ самомъ дѣлѣ заключилъ союзъ со счастьемъ. Много этому способствовало то, что въ данный моментъ ему совершенно не приходилось уже думать о внутреннемъ займѣ, который былъ неизбѣженъ раньше и который причинялъ ему осо-

бенно много заботъ. Теперь же мысль о займѣ онъ могъ оставить, какъ онъ надѣялся, навсегда.

Въ это утро онъ чувствовалъ себя помолодѣвшимъ, осыпалъ всѣхъ любезностями, даже свою жену, которую въ обычное время всегда избѣгалъ.

Онъ сталъ разсказывать о высокой стѣнѣ, окружающей его имѣніе и мѣсто охоты и предложилъ гостямъ оставить здѣсь все, что у нихъ имѣется лишняго. Прежде всего свой политическій багажъ.

Но хотя онъ самъ предложилъ изгнать на сегодня все напоминающее о политикѣ, случилось однако такъ, что при осмотрѣ скаковой конюшни, онъ остался наединѣ съ Гегенау передъ пустымъ стойломъ и канцлеръ, какъ бы вскользь, замѣтилъ, что это мѣсто пустуетъ такъ же, какъ и мѣсто римскаго посланника.

Гегенау тоже вскользь отвѣтилъ, что сравненіе не совсѣмъ подходитъ. Онъ, однако, не хочетъ этимъ сказать, что у него имѣется подходящая лошадь для пустующаго римскаго стойла.

— Но?—спросилъ канцлеръ.

— Нѣтъ, несмотря на это!—отвѣтилъ Гегенау.

Гегенау былъ очень ревностный охотникъ, но послѣ такого начала ему уже казалось безразличнымъ, сколько козулей онъ убьетъ за этотъ день. Онъ почти не замѣтилъ и его нисколько не задѣло, когда имъ пришлось обождать новаго статсъ-секретаря, «римскаго графа», который опоздалъ со своимъ пріѣздомъ.

Наконецъ, явился и статсъ-секретарь, при видѣ котораго бросалось прежде всего въ глаза его манера держать голову. Она настолько была у него откинута назадъ, что казалось будто онъ постоянно разсматриваетъ что-то отъ себя очень отдаленное. Это придавало его лицу что-то надменное и вмѣстѣ задумчивое; именно такое впечатлѣніе онъ и хотѣлъ производить. Но это впечатлѣніе ослаблялось его немного вкрадчивымъ голосомъ.

Во время приготовленія къ охотѣ и еще при началѣ

ея канцлеръ заботился о томъ, чтобы Гегенау и графъ были вмѣстѣ около него. Онъ и пригласилъ ихъ для того, чтобы дать имъ случай къ нѣкоторому сближенію. Но дѣло ограничилось лишь взаимными ничего не выражающими любезностями, а въ разгарѣ охоты они разошлись въ разныя стороны.

Графъ хорошо зналъ, что онъ вовсе не охотникъ и прежде всего плохой стрѣлокъ. Но какъ человѣкъ честолюбивый во всемъ, онъ и тутъ не захотѣлъ признаться въ этомъ, а потому постарался устроиться такъ, чтобы ему не приходилось стрѣлять. Такъ, онъ останавливался передъ такими мѣстами, гдѣ по его предположенію, совершенно не было дичи. Ползалъ и кружился тамъ такъ долго, пока это могло дать ему случай говорить, что завистливые сосѣди своимъ шумомъ прогнали всю его добычу.

Къ концу охоты онъ исчезъ. Напрасно искали и звали его, напрасно трубили въ рогъ. Наконецъ, его нашли въ далекомъ лѣсу, гдѣ никто и не думалъ его искать, глубоко зарывшимся въ кусты, гдѣ онъ собиралъ грибы. Побѣдоносно размахивалъ онъ своимъ ягдташемъ, наполненнымъ грибами и когда вздумали пошутить надъ нимъ, очень серьезно отвѣтилъ, что грибы для него цѣннѣе всякой дичи. Когда при прощаніи канцлеръ подѣлился съ нимъ принятымъ рѣшеніемъ относительно поста римскаго посланника, онъ пригласилъ Гегенау на слѣдующій день къ себѣ, чтобы познакомить его, какъ своего преемника, съ положеніемъ дѣлъ.

Гегенау оставался въ столицѣ послѣдній день и то для того лишь, чтобы уговорить военнаго министра немедленно внести проектъ закона, на что имѣлось уже согласіе канцлера, объ улучшеніи обезпеченія инвалидовъ. Нельзя подавать населенію повода думать о человѣческой несправедливости, обосновывалъ онъ свое предло-

женіе, и особенно важно, чтобы этотъ законъ прошелъ до начала конференціи.

— Вы говорите такъ, что можно подумать, что послѣ конференціи вся жизнь остановится, — сказалъ военный министръ.

— Поколеблется, — поправилъ его Гегенау. — Кое что колеблется уже и теперь, хотя многіе принимаютъ это за нормальное біеніе пульса.

Они прекрасно понимали другъ друга, даже тамъ, гдѣ ихъ мнѣнія не совсѣмъ сходились, и министръ обѣщалъ.

Остальные свободные дни до своего отъѣзда въ Римъ Гегенау провелъ на своемъ заводѣ, такъ какъ здѣсь производилась передача завода правительству, которое хотѣло взять производство орудій въ свои руки. Гегенау было очень тяжело совершенно отказаться отъ своего любимаго дѣтища.

Такъ, покончивъ со всѣмъ своимъ старымъ, Гегенау началъ свое путешествіе.

Была глухая, грозная ночь, когда онъ покинулъ свою страну. Гроза и темное небо все время сопровождали его поѣздку. Но когда, уже у цѣли, онъ покидалъ поѣздъ, небо было чисто и широко и торжественно сіяло ясное солнце.

Было ли это то солнце, было ли это то мѣсто, которое онъ искалъ, но онъ почувствовалъ эту ширь въ своей душѣ больше, чѣмъ за все послѣднее время. Даже то, что ему рѣдко нравилось,—покои, въ которыхъ онъ долженъ былъ жить,—онъ былъ и ими доволенъ.

Когда онъ съ Изой прошелся по всѣмъ помѣщеніямъ зданія посольства, они оба восхищенными глазами смотрѣли изъ высокихъ оконъ въ прекрасный старый паркъ за домомъ. Какъ дѣти это часто дѣлаютъ, она смотрѣла изъ одного окна, онъ изъ другого, и какъ дѣти, они высунувшись изъ оконъ кивали другъ другу и громко смѣялись. Внизу они увидѣли своихъ дѣтей, прыгающими по саду; въ домѣ имъ уже стало скучно.

Но и новое мѣсто имѣло свои терніи. Въ этомъ пришлось убѣдиться съ первыхъ же дней.

Одна изъ партій, существующая въ представляемой Гегенау державѣ, пожелала воспользоваться настоящимъ шаткимъ и стѣсненнымъ положеніемъ правительства, чтобы вынудить у него нѣкоторыя реформы для своихъ школъ и церкви и требовала измѣненія закона. До сихъ поръ борьба велась скрыто, но какъ разъ въ день отъѣзда Гегенау она особенно обострилась вмѣшательствомъ папы. Тутъ уже трудно было отдѣлить, что относилось къ церкви, и что къ государству, такъ они сливались вмѣстѣ,— и на письменномъ столѣ Гегенау гора дѣлъ все увеличивалась и ежедневно приходилось ему вести длинные переговоры съ представителями отечества при Ватиканѣ.

Съ каждымъ днемъ Гегенау становился все угрюмѣе.

— Это безславная работа,—отзывался онъ о своихъ занятіяхъ.

Онъ жаловался, что эту борьбу приходится по возможности затягивать, такъ какъ она пришлась совсѣмъ не кстати для правительства. Эта борьба представляется ему въ видѣ черныхъ пятенъ, которыя застилаютъ передъ нимъ весь міръ и за которыми онъ не можетъ видѣть никакихъ красотъ его.

Онъ молчалъ о томъ, что въ этихъ противныхъ пятнахъ ему еще видится и призракъ грядущей войны. Да, онъ хотѣлъ заставить себя не видѣть этихъ призраковъ, не видѣть еще многаго. Теперь, когда онъ вознамѣрился считать себя неправымъ и вмѣстѣ съ другими заставить и себя надѣяться на «синее» небо. Но такъ какъ надѣяться ему было слишкомъ трудно, онъ старался использовать каждое мгновеніе, которое освобождало его отъ всѣхъ думъ. Прогулокъ онъ больше не любилъ. Онѣ возбуждаютъ слишкомъ много пустыхъ вопросовъ, даже когда онъ ходитъ съ Изой.

Призракъ конференціи уже начиналъ претворяться въ тѣло и, казалось, можно было слышать, какъ растутъ его

кости. Можно было также слышать, съ какимъ трудомъ и медлительностью они формируются. Вотъ правительства участвующихъ державъ не могутъ никакъ придти къ соглашенію относительно мѣста конференціи; относительно всѣхъ мѣстъ возникаютъ споры и сомнѣнія. Это продолжалось долго, пока не принято было предложеніе римскаго правительства созвать конференцію тамъ, гдѣ о ней впервые заговорили.

И это случилось не къ радости Гегенау,—онъ охотнѣе остался бы въ сторонѣ отъ конференціи. Но, подумавъ объ этомъ спокойнѣе, онъ пришелъ къ заключенію, что можетъ быть такъ лучше,—онъ по крайней мѣрѣ близко увидитъ это несчастье.

Да, несчастіе! Теперь онъ въ этомъ былъ увѣренъ больше, чѣмъ когда-либо. Онъ забросилъ далеко всѣ свои надежды. Зачѣмъ себя обманывать? Гораздо проще ждать, не имѣя никакихъ несбыточныхъ надеждъ на будущее. Можно даже позволить себѣ при этомъ быть немного веселѣе.

Но скелетъ конференціи не отступалъ отъ него. Не только въ его кабинетѣ, но повсюду, куда бы онъ ни шелъ, онъ слѣдовалъ за нимъ, отовсюду скалилъ свои зубы и даже ночью спалъ подъ его подушкой, свернувшись, какъ змѣя.

Всѣ, кого затрагивала конференція, возвращались изъ своихъ путешествій и имѣній въ городъ и дѣлались такія приготовленія, словно къ празднику. Гегенау поэтому и назвалъ конференцію праздникомъ.

Онъ все еще оставался веселымъ, но сталъ нѣсколько молчаливѣе и еще спокойнѣе, чѣмъ ближе подходили дни этого праздника.

Насталъ день пріемовъ уполномоченныхъ государствъ, участвующихъ въ конференціи. Городъ сталъ наполняться пріѣзжими, такъ какъ ходили слухи, что прибудутъ и нѣкоторые правители державъ, и всѣ жили въ ожиданіи чуть ли не всемірной конференціи мира. Подъѣздъ посольства не освобождался отъ экипажей, такъ что къ концу дня супруги Гегенау устали до изнеможенія.

Не менѣе тяжелымъ оказался и слѣдующій день. Прибыли остальные уполномоченные державъ, а затѣмъ и руководитель министерства иностранныхъ дѣлъ, представителемъ коего онъ являлся на конференціи. «Мой статсъ-секретарь», какъ назвалъ его Гегенау въ это утро, потому что графъ такъ обрадовался встрѣчѣ съ нимъ, будто между ними существовала самая тѣсная дружба. Но Гегенау избѣгалъ долго оставаться съ нимъ наединѣ.

Въ полдень прибылъ въ городъ и король, который принялъ и поздравилъ всѣхъ участниковъ конференціи въ своемъ замкѣ. Вечеромъ состоялся болѣе торжественный пріемъ, на который было приглашено все, что принадлежало къ избранному «обществу».

Едва стемнѣло, какъ началось сильное движеніе къ украшенному флагами старому палаццо, предназначенному для засѣданій конференціи.

Было сдѣлано все, что казалось нужнымъ, чтобъ придать празднику блескъ, характеръ выдающагося событія и подчеркнуть его значеніе. Надъ высокимъ обвитымъ розами входомъ высилась бѣлая гипсовая статуя мира, которая, казалось, рѣяла навстрѣчу всѣмъ приходящимъ.

— Ея тѣло слишкомъ хрупко для земной жизни,— сказалъ Гегенау, замѣтивъ статую.—А непрочность матеріала, указываетъ на недолговѣчность ея существованія...

Весь подъѣздъ былъ засыпанъ цвѣтами и свѣтомъ. Въ большой круглой передней виднѣлась фигура воина, совершенно закрытая куполомъ изъ темныхъ лавровыхъ деревьевъ. Со сводчатаго потолка спускался узелъ изъ флаговъ всѣхъ участвующихъ въ конференціи державъ, со-

единенныхъ въ одну большую звѣзду, и изъ высоко подъѣшеннаго фонаря ярко сіяющее солнце лило на эту звѣзду свой ослѣпляющій свѣтъ.

Было много символическихъ фигуръ и въ большой залѣ, въ стѣнахъ которой должны были происходить засѣданія конференціи.

Римскій премьеръ-министръ, какъ авторъ идеи конференціи, исполнялъ здѣсь роль хозяина. Онъ стоялъ посреди залы, дѣлая навстрѣчу нѣсколько шаговъ каждому прибывающему; онъ стоялъ еще тамъ, когда всѣ уже собрались въ ожиданіи пріѣзда короля.

Съ прибытіемъ короля со своей свитой всѣ разговоры замолкли, раздались плавные и торжественные звуки музыки, и свѣтъ казался еще ярче, залы еще больше. Но всѣ какъ-то свободнѣе вздохнули, когда привѣтствія кончились и можно было снова разсѣсться по мѣстамъ. Рѣчи произносились съ трибуны, расположенной такъ высоко, что казалось, голоса ихъ приходятъ съ неба; между каждой рѣчью музыка играла одинъ изъ національныхъ гимновъ присутствующихъ здѣсь представителей. Нѣсколькими простыми словами короля, и мощными трубными звуками закончилась офиціальная часть праздника, за которой слѣдовала болѣе свободная и живая.

На слѣдующій день, ровно въ 12 часовъ, двѣнадцать пушечныхъ выстрѣловъ изъ парка палаццо извѣстили о началѣ засѣданій конференціи.

Въ залѣ засѣданія настала такая торжественная тишина, что ясно слышенъ былъ звонъ стеколъ послѣ каждаго выстрѣла. Послѣдній выстрѣлъ звучалъ особенно протяжно и раскатисто, и казалось висѣлъ надъ головами собравшихся, словно напоминая о возможныхъ послѣдствіяхъ, если не будетъ достигнуто полнаго согласія.

Короткое вступительное слово произнесъ король. Онъ кончилъ пожеланіемъ, чтобы конференція принесла удов-

летвореніе всѣмъ участвующимъ и послужила бы миру и благополучію всѣхъ заинтересованныхъ народовъ.

Премьеръ-министръ, говорившій послѣ короля, выразилъ надежду, что засѣдающіе здѣсь представители, какъ и пославшія ихъ державы, сходятся на одномъ желаніи, чтобы примиряющей совмѣстной работой содѣйствовать достиженію тѣхъ высокихъ благъ, о которыхъ только-что высказался король.

Послѣ этой рѣчи всѣ представители, каждый въ отдѣльности, заявили, что желанія ихъ правительствъ направлены именно къ этой высокой цѣли. Премьеръ-министръ благодарилъ, но, казалось, не считалъ лишнимъ еще разъ напомнить, хотя въ крайне скрытой формѣ, что порицаніе всего міра постигнетъ то государство, которое въ малѣйшей степени позволитъ себѣ отступить отъ этого основного принципа.

Гегенау, который присутствовалъ на конференціи не какъ оффиціальное лицо, а лишь поскольку позволяло ему свободное отъ занятій время, изъ этихъ словъ заключилъ, что и премьеръ-министръ очень осторожно относится къ конференціи и вовсе не такъ довѣрчивъ, какимъ онъ хочетъ казаться.

Гегенау посмотрѣлъ на статсъ-секретаря, чтобы узнать какое впечатлѣніе произвели эти слова на него. Но Гегенау могъ видѣть только его затылокъ, а на немъ ничего особеннаго разглядѣть нельзя было, кромѣ напомаженнаго локона; Гегенау зналъ этотъ локонъ, который всегда поднимался, когда графъ опускалъ брови, и опускался, когда онъ ихъ поднималъ; и по этой игрѣ локона Гегенау могъ видѣть, что графъ слышалъ эти слова и понялъ ихъ.

Впрочемъ, все это безразлично. Рѣчь идетъ о вещахъ болѣе важныхъ, чѣмъ побѣда или пораженіе одного государственнаго дѣятеля.

Гегенау продолжалъ смотрѣть на этотъ котелъ, въ которомъ изъ судебъ милліоновъ, мѣсилось тѣсто для будущихъ пушечныхъ ядеръ...

День проходилъ очень спокойно, также и тогда, когда приступи къ разрѣшенію формальныхъ вопросовъ. Судьи войны, сидящіе за мраморнымъ, поддерживаемомъ сфинксами, столомъ, были крайне разсудительны и чутки и только иногда осторожно выпускали чувствительные щупальцы своихъ словъ, пряча еще голову за скрывающей ее оболочкой.

Это ощупываніе продолжалось нѣсколько дней, потомъ стала иногда высовываться голова въ смиренно-священническомъ облаченіи, голова съ такими рѣзкими чертами, какіе трудно было предположить за такимъ одѣяніемъ. Но премьеръ-министръ заботился о томъ, чтобы головы высовывались не такъ поспѣшно и чтобы сіяніе мира не потухло ни на одномъ челѣ этихъ головъ.

Когда черезъ восемь дней уже всѣ показали свое настоящее лицо, было рѣшено заключить эту недѣлю работы праздникомъ, который вышелъ блестящимъ, настоящимъ праздникомъ примиренія. Правда, не потому, что были уже разрѣшены какіе-нибудь спорные вопросы, но потому лишь, что каждый ждалъ отъ своего противника уступокъ, которые дадутъ возможность разрѣшить эти вопросы.

Праздникъ растянулся на четыре дня, такъ какъ на столько времени были отложены засѣданія, до полученія уполномоченными новыхъ инструкцій отъ своихъ правительствъ.

Но уже въ послѣдній день праздника пріятная до сихъ поръ погода сразу перемѣнилась. Поднялся вѣтеръ, который принесъ дождь и холодъ и общую прогулку въ горахъ пришлось прервать.

Стало какъ-то печальнѣе въ залѣ засѣданій. И когда всѣ участники конференціи сбросили свои неприсущія имъ облаченія и встали другъ передъ другомъ, какъ разсчетливые купцы, обнаружилось, что новыя инструкціи правительствъ немногимъ отличались отъ старыхъ и что всѣ они оперируютъ совершенно различными величинами.

Напрасно старались посредники уравнять масштабы противниковъ, урѣзывая у одного и прибавляя другому. Никого это не удовлетворяло. И къ концу второй недѣли всѣ топтались почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ были вначалѣ первой. Еще жила надежда склонить упорныхъ на уступки, но сіяніе мира на всѣхъ лицахъ стало понемногу тускнѣть.

И грандіозный балъ, которымъ кончалась и эта недѣля работы, уже вышелъ далеко не такимъ, какъ прежніе праздники. Вялой была его торжественность, сумрачной, несмотря на весь внѣшній блескъ.

Уполномоченные старались избѣгать лишнихъ встрѣчъ между собой, и Гегенау говорилъ, что видѣлъ какъ они ходили на цыпочкахъ, даже когда не танцовали.

Онъ вовсе не чувствовалъ себя расположеннымъ для шутокъ и часто очень серьезно говорилъ о томъ, что нужно напрячь послѣднія усилія, чтобы охранить конференцію отъ распада, который рисовался ему уже въ очень близкомъ будущемъ.

Онъ сказалъ тутъ же премьеръ-министру, что сверкающіе глаза зрителей вокругъ танцующихъ напоминаютъ ему глаза многихъ милліоновъ, которые съ трепетомъ слѣдятъ теперь за этими приключеніями.

— За какими приключеніями?—спросилъ министръ, стараясь скрыть свое удивленіе.

— За конференціей! — отвѣтилъ Гегенау, ясно видя, что тотъ и такъ понимаетъ его.

Министръ неопредѣленно улыбнулся.

— Настоящее приключеніе должно вызывать дрожь, ужасъ,—сказалъ онъ.—И если драконъ будетъ убитъ...

— Если...

— Нѣтъ, еще у насъ порохъ есть!—шепнулъ премьеръ-министръ, но совсѣмъ не такимъ тономъ, какимъ онъ хотѣлъ бы это сказать, потому что почувствовалъ, что Гегенау не вѣритъ ему.

Пороха было достаточно и у статсъ-секретаря, однако, онъ съ каждымъ днемъ становился все желтѣе и молчаливѣе. Онъ и не скрывалъ ничего и не ждалъ, чтобы Гегенау его спрашивалъ, какъ онъ это обычно дѣлалъ.

Когда они вернулись съ бала, графъ, несмотря на поздній часъ, попросилъ его для нѣсколькихъ словъ въ свою комнату. Гегенау самъ желалъ этого. Онъ уже нѣсколько дней искалъ случая поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей. И сейчасъ же заговорилъ первый.

— Мнѣ передавали, что конецъ конференціи служитъ уже въ салонахъ поводомъ для довольно пикантныхъ пари,—началъ онъ, чтобы сразу дать бесѣдѣ надлежащее направленіе.

— И ошибутся...—сказалъ графъ.—Я объ этомъ хотѣлъ поговорить съ вами.

— Я хочу снять съ васъ заботу о томъ, что у насъ будто бы уже больше нѣтъ никакихъ средствъ.

— Средствъ?—спросилъ Гегенау.

Разговоръ перешелъ на выдвинутый въ данный моментъ конференціей спорный вопросъ, относительно пріобрѣтенной территоріи—«новая провинція». Отечество желало сохранить ее за собой въ занятыхъ имъ границахъ, противники же условіемъ мира ставили значительное уменьшеніе этихъ границъ.

— Мы не можемъ уступить, другіе не хотятъ уступить... Имъ, впрочемъ, это извинительно, — продолжалъ Гегенау.—Мы опоздали разрѣшить этотъ коренной вопросъ до конференціи. Мы изъ-за этой конференціи опоздали пригрозить нашими бойницами на другихъ концахъ міра, чтобы противники принуждены были уважать наши требованія. Я не знаю—какія средства у насъ еще имѣются!

Графъ стоялъ и слушалъ эти обвиненія прямо и гордо, обративъ свое немного смущенное, но съ видомъ неуязвимости, лицо къ свѣту.

— Я уже сказалъ, что хочу снять съ васъ заботу,—

повторилъ онъ свою прежнюю колкость.—Не все опоздали, если ничего и не произошло по вашему желанію.

Гегенау удивился этому блѣдному отвѣту. Онъ зналъ графа, какъ умѣлаго спорщика, который легко парировалъ всякіе удары и какимъ онъ находилъ его и на засѣданіяхъ конференціи.

Но статсъ-секретарь сейчасъ же перевелъ разговоръ на ту депешу, о которой онъ какъ-то вскользь уже говорилъ и содержаніе которой Гегенау уже зналъ. Она извѣщала, что враждебная республика, съ тайной помощью сине-зеленаго союза, въ другой части земли захватила страну, на которую имѣло нѣкоторыя права и отечество.

Онъ умышленно до сихъ поръ молчалъ объ этомъ, и завтра собирается удивить всѣхъ своимъ отвѣтомъ. Совершенно невозможно уступить и пяди земли въ новой провинціи, но вполнѣ возможно теперь предложить коекакое вознагражденіе. Такого рода, что отечество находитъ для себя пріемлемымъ отказъ отъ своихъ притязаній на заокеанскую страну.

— Это будетъ дань миру, которая намъ въ сущности ничего не стоитъ,—продолжалъ онъ.—Этого сказать, мы, конечно, не должны, но я думаю, что послѣ такого предложенія наше положеніе на конференціи становится уже не столь критическимъ.

Онъ говорилъ тономъ полной увѣренности, но глаза его на мгновеніе робко скользнули по лицу Гегенау и остановились на занавѣси, которую холодный ночной вѣтеръ колебалъ у открытаго окна. Ему стало холодно; онъ тихо подошелъ къ окну и закрылъ его.

Прошло довольно много времени пока Гегенау заговорилъ. Но онъ вовсе не думалъ о предложеніи графа. Вспомнилъ о немъ только тогда, когда, обративъ вниманіе на наступившую тишину, понялъ, что ждутъ его отвѣта.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ въ задумчивости.—Нѣтъ,—повторилъ онъ, не разъясняя, однако, выражаетъ ли онъ этимъ свое сомнѣніе, что конференція согласится на это

предложеніе, или что онъ хочетъ спорить противъ предложенія вообще.

Оказалось, что онъ имѣлъ въ виду конференцію.

— Бываетъ нѣчто невѣсомое, которое иногда очень тяжело давитъ на вѣсы. Это намъ ничего не стоитъ, говорите вы? Даже если допустить это: найдется ли кто-нибудь въ нашемъ отечествѣ, который понялъ бы, что послѣ такой войны необходимо вознагражденіе? За что? Конференція потеряна, какъ бы я ни захотѣлъ смотрѣть на нее. Если не случится чуда, которое захочетъ его спасти. Но пушкамъ этого чуда не совершить!—закончилъ онъ, такъ какъ статсъ-секретарь упорно молчалъ.

Онъ не говорилъ дальше; ничего, о томъ, о чемъ могъ бы еще многое сказать. Безполезно. Но отъ несчастной мысли о вознагражденіи онъ долженъ отговорить графа.

Статсъ-секретарь съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на Гегенау; вѣдь только одинъ онъ, графъ, стоя въ центрѣ всѣхъ событій, можетъ судить къ какому образу дѣйствій вынуждаетъ его настоящій моментъ.

Этотъ разговоръ, который они все время вели стоя, имѣлъ совершенно неожиданный конецъ. Лицо графа вдругъ приняло цвѣтъ мыльной воды, дрожащей рукой онъ ухватился за спинку кресла и долженъ былъ сѣсть. Онъ просилъ воды и не хотѣлъ даже, чтобы Гегенау ему налилъ ее. Но онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы держать въ рукахъ графинъ и только опрокинулъ всѣ стаканы. Гегенау подалъ ему воду.

Онъ почти сейчасъ же оправился, послѣ того какъ выпилъ нѣсколько глотковъ, онъ даже началъ улыбаться.

— Это ничего. Только немного тошнитъ отъ усталости. Нужна природа нильской лошади, чтобъ перенести все это...

Скоро онъ показалъ, что опять твердо стоитъ на ногахъ. Но поспѣшилъ лечь въ постель.

На слѣдующій день графъ былъ уже здоровъ, но съ Гегенау былъ очень холоденъ и пренебрежителенъ, насколько позволяла вѣжливость.

Онъ казался наружно совершенно спокойнымъ, когда на засѣданіи конференціи внесъ свое предложеніе о вознагражденіи. Ему дѣйствительно удалось удивить всѣхъ, даже премьеръ-министръ былъ крайне удивленъ и сейчасъ же жадно ухватился за эту возможность, какъ за опору для колеблющагося уже зданія единства конференціи.

Новое и неожиданное одержало побѣду на одинъ день. На это смотрѣли, какъ на жертву миру, а въ глубинѣ души никто и не желалъ ничего, кромѣ мира.

Но на другой день появились сомнѣнія, жертву стали просто обнюхивать, находили, что она и не вкусна, и не хороша, во всякомъ случаѣ слишкомъ мала.

Гегенау даже казалось, что онъ видитъ, какъ нѣкоторые изъ враждебныхъ представителей старались разгадать, не послѣдуетъ ли за первой жертвой и вторая, въ видѣ уступки главной части «новой провинціи».

Такъ конференція влачила свое существованіе еще нѣсколько дней; всѣ представители снова ждали инструкцій своихъ правительствъ. Но едва онѣ прибыли, и едва обнаружилось, что противники находятъ предложенное вознагражденіе недостаточнымъ, какъ статсъ-секретарь нѣсколькими сильными выраженіями заявилъ, что его правительство къ предложенному ничего больше присовокупить не можетъ.

И въ одно утро прибылъ канцлеръ. Онъ пріѣхалъ совершенно неожиданно для всѣхъ, также и для статсъ-секретаря.

Гегенау немного удивленно посмотрѣлъ въ блѣдное лицо канцлера, когда здоровался съ нимъ. Но тотъ, обмѣнявшись съ нимъ лишь нѣсколькими словами, попросилъ графа, съ которымъ долженъ былъ говорить наединѣ. Послѣ короткаго завтрака они оба уѣхали, такъ

какъ канцлеръ еще до обѣда рѣшилъ поговорить съ римскимъ премьеръ-министромъ и уполномоченными дружественныхъ имъ державъ.

Канцлеръ принялъ участіе въ состоявшемся въ этотъ же день засѣданіи конференціи, гдѣ его появленіе вызвало больше скрытаго волненія, чѣмъ удивленія. Онъ попытался отразить уже почти безнадежный исходъ засѣданій, пытался съ той настойчивостью, на которую только былъ способенъ, сгладить все рѣзко враждебное, снова внести равновѣсіе въ занятія конференціи. Вначалѣ онъ достигъ того, что лица всѣхъ какъ-то сразу просвѣтлѣли. Ему удалось вызвать у противниковъ признаніе нѣкоторыхъ уступокъ, правда, такого рода, которые ничего имъ и не стоили. Но они это дѣлали въ предположеніи, что и канцлеръ что-то таинственно приберегаетъ, чтобъ опять удивить ихъ. Но ничего таинственнаго не оказалось.

Разочарованіе въ нѣсколько дней превратилось въ недовольство. И когда одинъ изъ разочарованныхъ высказался, что врагомъ мира является тотъ, кто прогналъ отсюда добродѣтель умѣренности и не хочетъ открыть передъ нею двери, какъ настойчиво этого ни требуетъ справедливость,—стали раздаваться отовсюду, тѣ до сихъ поръ скрытыя суровыя слова, въ которыхъ видѣли уже послѣднее средство и которыя признавались началомъ конца.

Въ одно утро, когда свѣтлые солнечные лучи часто заволакивались свинцовыми тучами, Гегенау видѣлъ канцлера и слушалъ его глубоко проникновенныя слова, и всѣ въ залѣ уже чувствовали, что онъ говоритъ въ послѣдній разъ. Но дождаться конца рѣчи онъ не могъ: въ этотъ часъ ему былъ назначенъ пріемъ у короля.

Гегенау вернулся черезъ нѣсколько часовъ. Несмотря на сильный дождь, онъ вышелъ изъ своей коляски не доѣзжая до подъѣзда, такъ какъ вся улица была запружена экипажами и ему долго пришлось бы ждать очереди. А Гегенау торопился.

Онъ увидѣлъ нѣсколько закутанныхъ фигуръ, спу-

скавшихся по лѣстницѣ палаццо. Неужели уже расходятся уполномоченные? Значитъ конференція кончилась?...

Онъ пошелъ медленнѣе, уже не обращая вниманія на дождь; теперь онъ уже не спѣшилъ. И не было уже нетерпѣнія. Зачѣмъ торопиться? Что еще можетъ онъ тамъ узнать?

Почти торжественно поднимался онъ по широкой лѣстницѣ. Наверху онъ увидѣлъ статсъ-секретаря, направляющагося въ переднюю. Тотъ немного съежился, когда онъ увидѣлъ приближающагося. Да, видъ у него не блестящій!

Графъ посмотрѣлъ на Гегенау взглядомъ полнымъ ненависти, и быстро сталъ спускаться по лѣстницѣ. Но пройдя двѣ-три ступеньки обернулся.

— Да, вы можете торжествовать,—крикнулъ онъ въ бѣшенствѣ.—Вы этого ждали и... желали...

Онъ медленно спустился дальше по лѣстницѣ.

Скоро Гегенау увидѣлъ канцлера, разговаривающимъ съ премьеръ-министромъ. Тотъ посмотрѣлъ на него большими глазами, и спокойно сказалъ:

— Вернитесь... Тутъ ужъ больше дѣлать нечего.

Канцлеръ сейчасъ же уѣхалъ. Очевидно, онъ не былъ расположенъ къ разговорамъ.

Дождь прошелъ. Изъ экипажа Гегенау невольно выглянулъ на гипсовую статую мира. Жалкій видъ былъ теперь у статуи, посѣрѣвшей отъ воды, испещренной темными пятнами и длинными, грязными полосами...

Черезъ нѣсколько дней Гегенау получилъ телеграмму отъ канцлера, которая вызывала его немедленно въ столицу. На слѣдующее утро Гегенау уѣхалъ.

Уже будучи въ столицѣ, онъ, возвращаясь отъ канцлера, увидѣлъ изъ своей кареты военнаго министра, идущаго по противоположной сторонѣ улицы и внимательно

вглядывавшагося въ окна канцелярскаго дома. Гегенау очень обрадовался этой неожиданной встрѣчѣ.

— Ну, вотъ, хорошо, что я васъ встрѣтилъ,—сказалъ онъ, идя генералу навстрѣчу.

Но министръ легкимъ пожатіемъ плечъ, показалъ, что удивленъ встрѣчѣ съ Гегенау и коротко улыбнулся.

— Это вашъ экипажъ? А я былъ увѣренъ, что отсюда уже вывозятъ всю мебель.

И разсказалъ, что только нетерпѣніе заставило его придти сюда. Весь міръ теперь говоритъ объ отставкѣ канцлера.

— Вы теперь къ нему?—спросилъ министръ.

— Нѣтъ, я отъ него...

И Гегенау сталъ успокаивать его, что канцлеръ остается. Сейчасъ получился отвѣтъ кайзера, что онъ не хочетъ знать о прошеніи канцлера и ничего о немъ говорить не желаетъ,—онъ отклоняетъ это прошеніе.

— Такъ онъ остается!—сказалъ министръ съ дѣланнымъ равнодушіемъ, словно стыдясь своего безпокойства. — Это тѣмъ хорошо, что не приходится раздумывать о его преемникѣ. Ходили уже самые чудовищные слухи. Во всякомъ случаѣ уже хорошо то, что онъ остается.

— Мы это заслужили, вполнѣ заслужили,—признался онъ честно, когда заговорили о конференціи.—Но мнѣ стыдно было тоже не надѣяться, когда все кругомъ меня жило одной этой надеждой.

И онъ сталъ говорить о растерянности въ государствѣ, о томъ, что всѣ министры хотятъ подать въ отставку, даже и онъ, военный министръ, рѣшилъ сегодня подать свое прошеніе.

— И военный министръ?—спросилъ Гегенау.—Развѣ онъ такъ мало довѣряетъ министру иностранныхъ дѣлъ?

— Очень мало!—отвѣтилъ министръ и быстро взглянулъ на Гегенау, когда тотъ въ отвѣтъ ему улыбнулся.— И ему придется уйти! Или вы сомнѣваетесь?

— Пока сомнѣваюсь...

— Вы говорите о римскомъ графѣ?

— Нѣтъ, не о немъ. И я надѣюсь, что вы не все ваше недовѣріе перенесете на его преемника...

— Не все, конечно!—сказалъ министръ, понявъ изъ словъ Гегенау, что онъ и является преемникомъ графа.—Онъ ушелъ? Графъ? Теперь столько слуховъ, что не всякому вѣришь. Но вы должны были мнѣ раньше сказать объ этомъ!

— Вы бы кое о чемъ и не сказали мнѣ?

— Нѣтъ, я бы, по крайней мѣрѣ, еще подумалъ.

— Вы поможете это и теперь сдѣлать, и даже немедленно.

Министръ, впрочемъ, думалъ недолго.

— Попробуемъ съ вами,—сказалъ онъ.

Гегенау долженъ былъ съ радостью сознаться, что онъ даже не посмѣлъ надѣяться, что первый его шагъ на новомъ посту ознаменуется столь блестящимъ успѣхомъ.

— Одно я хотѣлъ бы знать,—перебилъ его министръ.—Будемъ мы опять воевать?

— Мира у насъ еще нѣтъ!—сказалъ Гегенау печально.

— И вы уже начинаете говорить темными словами!—воскликнулъ насмѣшливо министръ.—Я принимаю вашъ отвѣтъ, какъ утвердительный.

— Да, онъ почти утвердительный, — согласился Гегенау.—Дѣлайте всѣ приготовленія для войны на два фронта. А я въ это время буду искать средствъ предотвратить ее.

Министръ не придалъ значенія послѣдней фразѣ, такъ какъ считалъ это обычнымъ дипломатическимъ ходомъ, чтобы выиграть время.

— Война? Хорошо! — воскликнулъ онъ, какъ будто она уже была рѣшена окончательно.

IV.

О приближеніи войны говорили, понятно, всюду; послѣ провала конференціи она уже казалась неизбѣжной. Эта неопредѣленность такъ парализовала всѣхъ, что даже перемѣна въ составѣ правительства была принята страной почти безразлично.

На что еще надѣяться? Остался же прежде всего канцлеръ на мѣстѣ! Побѣжденный канцлеръ, которому больше никто не довѣряетъ!

Но вѣдь теперь уже ничему не довѣряли, и никому, кто бы его ни замѣстилъ. Даже собственному гнѣву не довѣряли. И почти безразлично отнеслись въ тотъ моментъ къ тому, что канцлеръ остался на своемъ посту.

Только вокругъ Гегенау разгоралась открытая борьба.

— Война мышей!—какъ назвалъ онъ эту борьбу.

Онъ узналъ, что противники его готовы на всѣ средства, лишь бы поколебать чѣмъ-нибудь его положеніе. Вездѣ они шопотомъ передавали, что онъ приведетъ отечество къ войнѣ со всѣми врагами. Даже кронпринца пытались склонить къ открытому конфликту съ кайзеромъ. Но кронпринцъ былъ теперь недоволенъ и молчаливъ. Несмотря на все свое негодованіе противъ Гегенау, онъ и самъ не видѣлъ возможности мирнаго исхода.

Это уклоненіе кронпринца лишало войну мышей всей ея остроты. Но эта борьба въ свою очередь разожгла гнѣвъ Гегенау, такъ что двоимъ изъ его злѣйшихъ враговъ онъ далъ почувствовать, что ненависть ихъ пользуется горячей взаимностью. Онъ умѣлъ ненавидѣть, когда находилъ это неизбѣжнымъ. Онъ добился перемѣщенія обоихъ на такое мѣсто, гдѣ они были для него совершенно безопасны. Послѣ этого онъ снова могъ спрятать кнутъ въ рукавъ; вокругъ него стало спокойнѣе.

— Война неизбѣжна!—кричали противники Гегенау, которые больше всѣхъ преслѣдовали его, чтобы добиться опредѣленнаго отвѣта. Нигдѣ онъ не былъ отъ нихъ за-

щищенъ. Но онъ вовсе не желалъ дѣлиться своими взглядами съ тѣми, съ кѣмъ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ.

— Газетный шумъ не есть еще война,—уклончиво отвѣчалъ онъ такимъ, которые ему казались недостойными вниманія.

Онъ тоже умѣлъ играть темными словами. Онъ не любилъ людей, для которыхъ миръ или война были средствомъ для выгодныхъ сдѣлокъ.

И въ другихъ случаяхъ выручали его темныя слова. Его планы должны были создаваться и созрѣвать въ тайнѣ, и потомъ уже окрѣпшіе, сами пробиваться наружу. Такъ, никто не долженъ былъ знать о томъ, что сейчасъ же по вступленіи въ должность, онъ завязалъ переговоры съ отдаленнымъ государствомъ, которые, при благопріятномъ теченіи ихъ, могли дать ему возможность направить событія такъ, что оба противника его отечества, синее и зеленое государства, должны были пойти войной одинъ противъ другого.

Со страхомъ присматривался канцлеръ къ этой игрѣ. Даже кайзеръ опасался, что этотъ планъ долженъ привести къ міровымъ потрясеніямъ, если онъ удастся хотя бы на половину. Онъ также не зналъ, хватитъ ли еще времени для доведенія этого плана до конца.

Въ этомъ не былъ увѣренъ и Гегенау. Онъ зналъ лишь, что только геройческое средство могло еще спасти отечество отъ угрожающей опасности.

Однажды вечеромъ Гегенау вернулся отъ кайзера особенно не въ духѣ.

Немного времени спустя пришелъ отецъ его.

Онъ пришелъ, чтобы говорить съ Гегенау по поводу рѣчи, произнесенной имъ утромъ въ рейхстагѣ, въ отвѣтъ на запросъ о положеніи переговоровъ съ враждебными державами.

— Мнѣ и такъ ужъ наступаютъ на горло, а тутъ еще прибавится,—сказалъ Гегенау, хотя совершенно спокойно, словно это было въ порядкѣ вещей.

— Что, тѣсно становится сановнику? — спросилъ отецъ.—Онъ еще слишкомъ новъ на своемъ мѣстѣ. Пусть-же онъ согласится теперь, что глупо сдѣланный шагъ не проходитъ безнаказанно.

— Сколько ихъ теперь, этихъ глупыхъ шаговъ? Два, три, десять?...

— Одинъ!—воскликнулъ бывшій министръ.—Но онъ стоитъ добрыхъ десяти. Хотя не знаю, какъ на твой взглядъ,—говорилъ старикъ, выведенный изъ себя слишкомъ равнодушнымъ отношеніемъ сына.—У меня достаточно опыта, чтобы сказать тебѣ, что безумно въ настоящій моментъ говорить о мирѣ, который можетъ быть достигнутъ только кровью.

— Любовью и смиреніемъ мы мира не достигнемъ и поэтому вынуждены искать его силой, вотъ что я сказалъ, —поправилъ его Гегенау.—Фраза, отъ которой, на ночь глядя, можно и заплакать. Но она была необходима, чтобъ показать, что мы ко всему готовы. Я надѣюсь даже, что она спасетъ не одну тысячу жизней.

— Будетъ стоить не одну тысячу!—прервалъ отецъ.

Но скоро онъ уже улыбался и сталъ разсказывать о томъ, что въ свое время онъ все-таки дѣлалъ умнѣе: не говорилъ вовсе или пользовался крайне неопредѣленными выраженіями. А такія хвастливыя слова могутъ только раздражать.

Нѣтъ, они могутъ только заставить задуматься,—говорилъ сынъ. И они далеко не такъ хвастливы, какъ кажутся. Онъ не оставилъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ не только о страхѣ передъ оружіемъ, но, прежде всего, о тѣхъ неисчислимыхъ бѣдствіяхъ этой чудовищной войны, отъ которыхъ не будетъ избавленъ и побѣдитель. Эти слова были необходимы именно въ данный моментъ. Онъ такъ

отвѣтилъ и кайзеру на брошенный упрекъ, что онъ призываетъ къ войнѣ.

— И кайзеръ?—спросилъ отецъ.

— Это тебя радуетъ?

Гегенау посмотрѣлъ такъ, словно хотѣлъ сказать, что онъ еще больше можетъ его порадовать.

— Да, и кайзеръ. Онъ поставилъ мнѣ на видъ, что я слишкомъ безпокою; это отмѣчаютъ и мои друзья. Съ этимъ согласился и мой отецъ въ разговорѣ съ канцлеромъ...

— Я позволилъ себѣ отрицательно отозваться о своемъ талантливомъ сынѣ!—перебилъ бывшій министръ.

— Твой талантливый сынъ вовсе не оскорбленъ. Но это имѣло свои послѣдствія. Я сказалъ кайзеру, что это именно тѣ друзья, которые считаютъ войну неизбѣжной, потому что считаютъ ее меньшимъ зломъ.

— Я, къ сожалѣнію, уже опоздалъ, чтобъ сдѣлаться такимъ великимъ тактикомъ, какъ ты!—прервалъ отецъ, несмотря на шутливый тонъ, сильно обиженный этими словами.

— Вѣдь я же только разсказываю,—продолжалъ сынъ. —«Меньшее зло?»—спросилъ кайзеръ.—«А большее какое?»--Я долженъ былъ сказать ему, что многіе опасаются, что канцлеръ уступитъ.—«Уступитъ въ чемъ?»—крикнулъ онъ и посмотрѣлъ на меня, будто не понимая о чемъ идетъ рѣчь. Онъ былъ очень изумленъ и увѣрилъ меня, что этого никогда не случится. Тутъ и онъ согласился, что войну слѣдуетъ считать меньшимъ зломъ.

— Что же мнѣ еще разсказывать?—прервалъ себя Гегенау.—Онъ все-таки остался при томъ, что я слишкомъ безпокою. И я принужденъ былъ указать, что предстоящій заемъ, на случай войны—вызоветъ гораздо больше безпокойствъ, что уже и теперь сильно озабочиваетъ министерство финансовъ. Тутъ заговорилъ кайзеръ, и онъ сказалъ... впрочемъ, вѣдь безразлично, что онъ сказалъ.

Я могу теперь сознаться, что часъ тому назадъ я былъ близокъ къ тому, чтобъ подать въ отставку.

— Только не такъ скоропалительно!—говорилъ отецъ. —Не рѣшай такъ быстро.

— Часъ тому назадъ!—повторилъ сынъ.—Но теперь я знаю, что завтра онъ совсѣмъ иначе будетъ говорить.

Но впослѣдствіи бывшій министръ долженъ былъ согласиться съ сыномъ, что онъ ошибался.

Всѣ партіи рейхстага, которыя послѣ неблагопріятнаго исхода конференціи были крайне враждебно настроены противъ правительства, теперь, послѣ рѣчи Гегенау о войнѣ, раскололись на три лагера. На благожелательную правительству правую, на крайне враждебную лѣвую, требовавшую мира во что бы то ни стало, мира хотя бы цѣной какихъ угодно уступокъ, и на—обычно нѣмой—центръ, который рѣшилъ выжидать, имѣя къ тому свои основанія.

Гегенау, однако, не склоненъ былъ переоцѣнивать свой успѣхъ. Именно это выжидательное воздержаніе центра онъ считалъ въ данный моментъ особенно опаснымъ. Не только потому, что еще не рѣшены спорные вопросы—вопросы школъ и церкви, которые постепенно выливались въ одинъ общій вопросъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ—но больше потому, что при настоящемъ возбужденіи, охватившемъ все населеніе, эти старые спорные вопросы могли сыграть свою крайне отрицательную роль, если будутъ связываться съ проведеніемъ займа.

И тѣмъ болѣе настаивалъ Гегенау на томъ, что дружественный центру нерѣшительный министръ финансовъ долженъ быть замѣненъ болѣе энергичнымъ и болѣе независимымъ. Но это ему не удавалось. Канцлеръ утверждалъ, что не видитъ достаточныхъ основаній для такой внезапной перемѣны. Этотъ министръ очень желателенъ центру,—канцлеръ опасался, что его уходъ ихъ еще больше озлобитъ.

— Онъ снова играетъ въ конференцію!—говорилъ Гегенау министру внутреннихъ дѣлъ, тому самому, который собирался въ отставку, потому канцлеръ казался ему слишкомъ безпечнымъ по отношенію къ центру, и который согласился лишь нѣсколько отдалить свой уходъ.

Гегенау его просилъ, убѣждалъ остаться, чтобъ, по крайней мѣрѣ, имѣть хотя бы еще одну силу для борьбы съ центромъ.

Но тотъ рѣшилъ уйти. Онъ не можетъ согласиться съ политикой канцлера. Какая польза, если онъ останется?

Напрасно доказывалъ ему Гегенау, что польза будетъ большая. Вѣдь еще не исключена возможность, что удастся убѣдить канцлера.

— Нѣтъ, это невозможно. Было бы безразсудно совсѣмъ изнурить себя этой борьбой,—вырвалось у него.

Гегенау невольно посмотрѣлъ на сидящаго передъ нимъ упитаннаго министра, столь озабоченнаго своимъ здоровьемъ.

— Нашъ долгъ дѣлать то, что мы можемъ,—сказалъ онъ.—И не думать при томъ, потолстѣемъ ли мы отъ этого или похудѣемъ. Въ особенности въ такое время, которое требуетъ борьбы. Я долженъ буду васъ презирать, если вы обратитесь въ такое позорное бѣгство.

Министръ смущенно молчалъ, стараясь скрыть овладѣвшее имъ бѣшенство, улыбнулся и довольно миролюбиво сказалъ, что Гегенау еще слишкомъ молодъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и онъ будетъ разсуждать благоразумнѣе.

Самымъ печальнымъ въ этомъ году оказался обычный балъ у рейхсканцлера. Говорили шумно и возбужденно, но не веселы и мрачны были лица приглашенныхъ министровъ, выборныхъ людей и представителей финансоваго міра.

Въ волненіи прошелъ весь предшествующій день.

Утромъ газеты принесли извѣстіе объ объявленіи вой-

ны зеленымъ противникомъ. Хотя это извѣстіе было немедленно опровергнуто правительствомъ, но слухъ все росъ и росъ и, докатившись до биржи, вызвалъ тамъ настоящую панику.

Еще вечеромъ никто не зналъ, что въ этихъ слухахъ вѣрно и что ложь.

Канцлеръ старался успокоить окружающихъ его, особенно финансистовъ, но всѣ находили его слишкомъ озабоченнымъ, а слова его недостаточно опредѣленными; также недовѣрчиво слушали и остальныхъ представителей правительства.

Но канцлеръ имѣлъ вѣскія причины не высказываться слишкомъ опредѣленно. Вечеръ былъ посвященъ послѣдней попыткѣ сплотить враждующія партіи на вопросѣ о займѣ. Канцлеръ старался быть повсюду и скоро онъ покраснѣлъ отъ разговоровъ, что съ нимъ случалось очень рѣдко. Онъ хотѣлъ извлечь всѣ выгоды изъ этого слуха объ объявленіи войны, который ему благопріятствовалъ именно въ этотъ день. Должны же самые упрямые задуматься теперь о томъ, что долгъ передъ отечествомъ и важность переживаемаго момента диктуетъ имъ полное единеніе съ правительствомъ, а требованія партій могутъ быть отложены и до болѣе благопріятнаго времени...

Но Гегенау слышалъ, какъ одинъ изъ вліятельныхъ руководителей партіи центра довольно громко возразилъ канцлеру, что тутъ дѣло идетъ вовсе не о требованіяхъ партіи, какъ таковой. Рѣчь идетъ о требованіяхъ, которыя подсказываются самой жизнью и которыя не терпятъ отлагательства.

Гегенау не могъ разслышать возраженій канцлера потому, что и самъ былъ окруженъ спорящими. Но скоро онъ опять увидѣлъ его пробирающимся между танцующими. Канцлеръ былъ такъ погруженъ въ свои мысли, что даже не замѣчалъ выразительныхъ знаковъ своего новаго министра внутреннихъ дѣлъ, которыми тотъ хотѣлъ его задержать.

Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ Гегенау.

Ему, очевидно, трудно было сказать то, что онъ хотѣлъ. Онъ недовольно кивнулъ въ сторону стоящихъ по близости гостей, которые могли бы ихъ слышать и, съ трудомъ выговаривая слова, спросилъ у Гегенау, не знаетъ ли онъ откуда взялъ свое начало этотъ нелѣпый слухъ объ объявленіи войны.

— И канцлеръ можетъ дѣлать ошибки,—отвѣтилъ Гегенау, не скрывая своего недовольства.

Когда канцлеръ угадалъ, что Гегенау считаетъ его источникомъ этого слуха, онъ еще больше удивился, и ему показалось, что эти слова упрекаютъ его еще и въ чемъ-то другомъ. Послѣ смѣны министра внутреннихъ дѣлъ и со времени начала переговоровъ о военномъ займѣ между ними выросла какая-то враждебность, при чемъ канцлеръ обнаруживалъ нѣкоторую рѣзкость и подъ конецъ прекратилъ даже устные переговоры съ Гегенау.

— Я? Нѣтъ! Вы не должны предполагать, что я знаю объ этомъ, сказалъ онъ быстро, шопотомъ.—И канцлеръ можетъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ,—продолжалъ онъ, и лицо его немного просвѣтлѣло.

Онъ протянулъ Гегенау руку, съ такимъ выраженіемъ, будто проситъ прощенія за свою несправедливость и, теперь ищетъ его содѣйствія. Рука была холодна, хотя потъ со лба канцлера катился градомъ и въ залѣ было жарко.

Канцлеръ пригнулся къ Гегенау и тихо отрывочно сказалъ:

— Пусть они не думаютъ, что связываютъ мнѣ руки. Я принимаю вашу помощь... Еще не поздно!

— Трудно теперь предположить, что могутъ принести наши жертвы!—сказалъ Гегенау.

— Это безразлично,—отвѣтилъ канцлеръ, очевидно рѣшившійся на все.

Онъ еще разъ пожалъ руку Гегенау и пошелъ съ

нимъ, гордо выпрямившись, по залѣ, точно желая показать всѣмъ, что и онъ готовъ къ борьбѣ.

Когда, недолго спустя, Гегенау встрѣтился съ присутствующимъ тутъ же княземъ Барсфельдомъ, онъ презрительно сказалъ ему:

— Обратите вниманіе на канцлера: онъ чувствуетъ себя сегодня героемъ! Къ сожалѣнію, завтра, когда онъ выспится, онъ уже не будетъ имъ. Впрочемъ, стоитъ ли трудиться? Мы теперь такъ далеко зашли, что одна туго набитая мошна можетъ заставить содрогнуться весь міръ.

Онъ возмущался образомъ дѣйствій финансистовъ, такъ какъ теперь былъ увѣренъ, что слухъ объ объявленіи войны являлся искуснымъ ходомъ биржевиковъ. Во время разъѣзда онъ могъ убѣдиться къ какимъ неожиданнымъ результатамъ привелъ этотъ «шахматный ходъ» биржевиковъ.

Часть улицы передъ домомъ канцлера была очищена отъ собравшагося народа, но дальше Гегенау повсюду могъ видѣть чернѣвшіяся массы и полицейскимъ стоило большого труда удержать напоръ толпы, чтобы давать дорогу проѣзжающимъ экипажамъ. Но полицейскіе не могли заставить ихъ молчать и каждый экипажъ сопровождался криками, бранью и свистомъ на протяженіи нѣсколькихъ улицъ. Дальше онъ увидѣлъ проходившихъ солдатъ и, къ удивленію своему, Гегенау и тутъ услышалъ громкія проклятія войнѣ и всѣмъ кто, по ихъ мнѣнію, желалъ ее,—статсъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ и канцлеру.

Гегенау уже не сомнѣвался, что теперь настали такіе дни, когда люди забываютъ о какомъ-либо страхѣ. Скрытый гнѣвъ, который такъ долго питался лишь тайнымъ ропотомъ, теперь, послѣ громко сказаннаго слова о войнѣ, нашелъ свой выходъ и прорвался наружу. Хотя это и были лишь толпы безработныхъ, которые требовали отъ правительства того, чего уже оно не могло имъ дать—мира.

Но уже на слѣдующій день Гегенау убѣдился, что дѣ-

ло не ограничивается одними лишь безработными. Для этого достаточно было бросить одинъ взглядъ на улицу. Враждебны были газеты; еще болѣе враждебно былъ настроенъ противъ правительства рейхстагъ.

Гегенау это сильно чувствовалъ, когда, отвѣчая на запросъ, онъ далъ объясненіе по поводу слуховъ о возникновеніи войны, которыя, кстати, пытался использовать для призыва къ спокойствію и сдержанности. Но партіи не удовлетворились его словами, они бурно требовали, чтобъ имъ открыли карты, чтобъ имъ дали возможность самимъ убѣдиться куда ихъ ведутъ, и когда онъ долженъ былъ отклонить это требованіе,—возмущенію не было предѣловъ. Не было возможности возстановить порядокъ и перейти къ разсмотрѣнію другихъ очередныхъ вопросовъ. Порядокъ дня былъ нарушенъ и къ вопросу о займѣ даже не приступили.

Канцлеръ гнѣвно оставилъ залу, едва онъ вошелъ туда; депутаты догоняли его насмѣшками: онъ струсилъ!

День закончился дикимъ шумомъ, потому что одинъ изъ ораторовъ сказалъ съ трибуны, что правительство считаетъ весь народъ стадомъ барановъ, которому и незачѣмъ говорить, что его ведутъ на бойню. Этотъ общій шумъ достигъ чудовищныхъ размѣровъ, когда послѣ баллотировки подавляющимъ большинствомъ было выражено правительству недовѣріе.

Это выраженіе недовѣрія Гегенау перенесъ сравнительно легко. Онъ зналъ, что это не послѣдній, а одинъ изъ многочисленныхъ ударовъ, которые придется принять ему въ предстоящей борьбѣ.

Вотъ опять возобновляется старая жалоба, что народъ принимаетъ участіе только во внутреннихъ дѣлахъ, и никакого во внѣшнихъ; по крайней мѣрѣ, недостаточное участіе. Что его судьба внѣ отечества создается чѣмъ-то вродѣ темныхъ привидѣній и онъ никогда не можетъ видѣть, куда ведутъ его.

Чувствовалось, что этотъ протестъ теперь не заглох-

нетъ и скоро приметъ форму требованія. Еще немного, и народное представительство громко потребуетъ права вмѣшательства и въ область внѣшней политики.

Пока же громче всѣхъ звучало требованіе мира.

Хотя приближались рождественскіе каникулы и рейхстагу предстояло еще лишь нѣсколько засѣданій, — онъ былъ осажденъ адресами со всѣхъ концовъ испуганнаго отечества. Представители ремеслъ, промышленности и торговли, заявляя, что, влача жалкое существованіе при настоящемъ положеніи страны, они окажутся совершенно разоренными, если снова возникнетъ война.

Дѣло съ займомъ обстояло съ каждымъ днемъ все хуже и хуже.

Не помогали и слова канцлера, что быстрое проведеніе вопроса о займѣ можно будетъ использовать какъ признакъ рѣшимости и внутренней силы, что одно уже послужитъ сильнымъ рычагомъ для заключенія мира.

И въ тотъ день, когда былъ внесенъ законопроектъ о займѣ, онъ былъ отвергнутъ всѣми партіями безъ обсужденія. Партія центра угрожала, что она не дастъ своихъ голосовъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены ея пожеланія.

На слѣдующій день поднялась настоящая буря. Заговорило въ странѣ все, что только имѣло голосъ и угрюмо и злобно сжимали кулаки тѣ, которыхъ война сильнѣе всѣхъ задѣвала, но которые не могли сказать своего слова.

— Одними разговорами они долго ограничиваться не будутъ,—думалъ про себя Гегенау.—Кто-нибудь придетъ къ кайзеру и скажетъ, что никакія рѣшенія о войнѣ или мирѣ не должны приниматься безъ ихъ вѣдома.

По лицу канцлера Гегенау видѣлъ, что и тотъ этого боится. Онъ теперь мало совѣтовался со своимъ-статсъ-секретаремъ и еще меньше о внутренней жизни страны. Но тѣмъ больше жаловался на состояніе внѣшнихъ переговоровъ, потому что они, по его мнѣнію не достаточно подвигаются впередъ.

Гегенау пришелъ къ заключенію, что теперь не время обращать вниманіе на свое уязвленное самолюбіе и рѣшилъ, что съ канцлеромъ необходимо объясниться. Внутреннія дѣла требовали къ себѣ особеннаго вниманія. Что же касается дѣлъ внѣшнихъ, тамъ сдѣлано все, что оставалось сдѣлать; сдѣлано даже больше, но это уже требовало терпѣливаго выжиданія.

Было нелегко и Гегенау, когда онъ, посѣтивъ, канцлера, заговорилъ съ нимъ. Гегенау пришелъ туда раздосадованный и недовольный, прямо отъ военнаго министра, котораго приходилось во второй разъ уговаривать не создавать новыхъ осложненій своимъ уходомъ.

Въ длинной рѣчи онъ высказалъ всѣ свои опасенія и не скрылъ отъ канцлера ничего. Надо было тяжело поразить канцлера чтобы достигнуть желательныхъ результатовъ.

Канцлеръ долго молчалъ.

— Вамъ угодно... преувеличивать!—сказалъ онъ потомъ хрипло, но самъ сейчасъ же почувствовалъ, что это вовсе не является отвѣтомъ.

Привычнымъ движеніемъ онъ поднялъ руку къ бородѣ. Гегенау замѣтилъ, какъ эта рука дрожала.

— Я усталъ!—почти простоналъ канцлеръ.—Это все утомило меня! Безумно меня, стараго человѣка, еще больше притѣснять.

— Притѣснять! Притѣснять! — повторилъ онъ со злостью.

Эти слова разсердили Гегенау. Минута была выбрана слишкомъ неудачная, чтобы говорить о жалости. Нѣтъ, этотъ человѣкъ не долженъ былъ ни о чемъ забывать, если онъ называетъ себя старымъ человѣкомъ.

— Бываютъ случаи, когда не приходится думать о себѣ!—напомнилъ онъ тихо.—Мы должны этотъ заемъ вынудить! Мы должны его немедленно вынудить!—продолжалъ Гегенау быстро, чтобы успѣть сразу все высказать.—Если мы не можемъ его имѣть *съ помощью* партій, то мы

должны пойти къ нему *помимо партій*. Въ этомъ вопросѣ не можетъ быть больше колебаній!.. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать.

— Этотъ проклятый вопросъ погубитъ государство!— стоналъ канцлеръ и думалъ о томъ, что случится, если онъ рѣзко поведетъ себя противъ партіи центра.

— Нерѣшительный канцлеръ погубитъ государство!— возразилъ ему Гегенау и думалъ, что было бы, если бы онъ захотѣлъ остаться равнодушнымъ къ партіи центра.

Но эти слова слишкомъ больно оскорбили канцлера.

— Пока я еще призванъ рѣшать, что полезно и что безполезно! — сказалъ онъ и торжественно всталъ. — И вамъ еще незнакомы сомнѣнія такой отвѣтственности.

— Я еще желаю, чтобы эти сомнѣнія не погубили и канцлера. Объ этомъ мы еще не говорили. Я могу признаться, что мнѣ это было бы очень больно,—отвѣтилъ Гегенау, пытаясь въ послѣдній разъ свести разговоръ на личную почву.

Онъ видѣлъ его неподвижно стоящимъ съ полузакрытыми глазами, съ странно растерянным взглядомъ. Эти глаза, казалось, видѣли передъ собой нѣчто такое, что приводило ихъ въ ужасъ.

— Я еще никого не просилъ о жалости, — сказалъ канцлеръ дрожащимъ голосомъ.—Хотя я и старъ... Старъ! старъ!—повторялъ онъ съ бѣшенствомъ, какъ будто онъ долженъ это сильнѣе запечатлѣть.—И никто не посмѣетъ оспаривать, что я готовъ снести все, что мнѣ предназначено.

— Я вполнѣ согласенъ съ кайзеромъ,—говорилъ онъ Гегенау при прощаніи уже совсѣмъ успокоившись.—Намъ вовсе не нужно было такъ много говорить.

Порядка желали всѣ партіи. Но каждая изъ нихъ стремилась къ такому положенію вещей, которое всякой въ отдѣльности представлялось наилучшимъ, но съ которымъ не желали соглашаться противныя партіи.

Партія центра стремилась къ тому, чтобы снова достигнуть владычества церкви надъ государствомъ. Она слишкомъ хорошо понимала, что такой благопріятный случай ей можетъ больше и не представиться. Она превратилась теперь въ самаго злѣйшаго врага правительства и ежедневно ей приходилось выслушивать упреки противниковъ, что нѣтъ ничего болѣе постыднаго, чѣмъ это использованіе стѣсненныхъ обстоятельствъ отечества для своихъ эгоистическихъ выгодъ. Не видятъ ли они какъ притихла теперь республиканская партія, потому что она надѣется, что въ неравномъ спорѣ всѣ планы правительства рухнутъ сами собой.

— Неравный споръ?—кричала партія центра.—Враги отечества? Мы лишь добьемся нашихъ требованій и тогда ни въ чемъ не будемъ отказывать правительству. Канцлеръ—вотъ кто врагъ отечества!

— Неравный споръ?—кричала также республиканская партія.—Канцлеръ долженъ оставить мысль о займѣ, а вамъ дать пинка ногой. Канцлеръ врагъ отечества, потому, что онъ не хочетъ мира!

— Пинка ногой надо вамъ обоимъ дать!—сердились ихъ противники.—Если канцлеръ на это не рѣшается, то и мы считаемъ его врагомъ отечества!

Но канцлера не видѣли въ рейхстагѣ уже цѣлую недѣлю. Онъ рѣшилъ выжидать, пока противники взаимными нападками доведутъ себя до изнеможенія. Министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ отражать тѣ удары, которые направлялись въ правительство. Но ясныхъ и точныхъ отвѣтовъ онъ давать не могъ и эта нерѣшительность еще больше озлобляла рейхстагъ.

Канцлеръ уже не могъ больше ждать, и самъ явился въ рейхстагъ.

Предстоящая рѣчь канцлера нисколько не возбуждала любопытства Гегенау. Почему-то онъ не совсѣмъ довѣрялъ всему этому шуму. Не ведетъ ли канцлеръ тайные переговоры со своими противниками? Гегенау ничего не

зналъ; даже среди правительства всѣ были враждебно настроены другъ противъ друга.

У него не было и повода присутствовать на этомъ засѣданіи, но когда онъ въ полдень направился къ кайзеру, онъ увидѣлъ около зданія рейхстага довольно большую толпу. Въ этомъ хотя не было ничего особеннаго, теперь тамъ жедневно толкался народъ въ какомъ-то напряженномъ ожиданіи.

Гегенау не могъ удержаться, чтобы не войти въ зданіе. Въ одномъ изъ коридоровъ онъ увидѣлъ бесѣдующаго съ кѣмъ-то князя Барсфельда. Они раскланялись и онъ пошелъ дальше.

— Куда вы идете?—крикнулъ тотъ ему вслѣдъ.—Его уже тутъ нѣтъ.

Гегенау кивнулъ, но не остановился; князь быстро освободился и пошелъ за нимъ.

Онъ нагналъ его въ толпѣ депутатовъ, гдѣ Гегенау искалъ предсѣдателя рейхстага.

Предсѣдателя они нашли въ боковой комнатѣ, разговаривающимъ съ военнымъ министромъ, и Гегенау узналъ отъ нихъ, что теперь уже потеряна всякая надежда на примиреніе. Канцлеръ предлагалъ партіи центра уступить имъ въ чемъ-либо другомъ, если они откажутся отъ противодѣйствія займу и согласятся отложить обсужденіе своихъ требованій. Это было немедленно отвергнуто и дѣло дошло до такихъ рѣзкихъ выступленій, въ пылу которыхъ кто-то даже упрекнулъ канцлера въ желаніи обмануть ихъ. Звонокъ предсѣдателя уже не могъ заставить молчать этого оратора.

— Вы обманываете нашу партію,—кричалъ депутатъ, желая покрыть своимъ голосомъ окружающій его шумъ.— Вы обманываете государство, какъ обманывали раньше своими побѣдами!

Гегенау долженъ былъ сейчасъ же уѣхать. Да тутъ и не о чемъ было больше разговаривать.

Ему противны были всякіе разговоры и онъ поспѣшилъ уѣхать.

Во дворцѣ ему пришлось ждать, такъ какъ у кайзера сидѣлъ канцлеръ. Но очень скоро и его позвали въ кабинетъ.

Когда Гегенау входилъ, кайзеръ держалъ руку канцлера въ своей, хотя это вовсе не было похоже на прощанье. Канцлеръ сейчасъ же пошелъ Гегенау навстрѣчу.

Онъ былъ совершенно спокоенъ и въ его голосѣ не было ничего, что обличило бы то волненіе, въ которомъ онъ несомнѣнно находился въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ часовъ. Можетъ быть потому онъ и говорилъ такъ тихо и медленно?

Онъ сказалъ Гегенау, что кайзеръ только что совѣщался съ нимъ о томъ, что министерству внутреннихъ дѣлъ нуженъ другой руководитель. Не найдетъ ли онъ возможнымъ присоединить и эту должность къ своимъ старымъ обязанностямъ. Хотя бы только на то время, какое потребуется на проведеніе займа.

Гегенау свободно вздохнулъ послѣ этого предложенія. Теперь, по крайней мѣрѣ, была возможность избѣгнуть раскола въ средѣ самаго правительства. Хотя съ другой стороны... Здѣсь могло быть еще много сомнѣній. Но онъ, недолго раздумывая, согласился.

— Уже согласны?—спросилъ кайзеръ безъ удивленія.

Потомъ уже никто объ этомъ не обмолвился ни единымъ словомъ.

Канцлеръ сейчасъ же ушелъ и Гегенау тоже недолго оставался у кайзера.

Можно сейчасъ же замѣтить, что съ новымъ назначеніемъ нѣсколько опоздали. Когда стало извѣстно, что Гегенау занялъ и постъ министра внутреннихъ дѣлъ, партія центра реагировала на это объявленіе ей войны бурными нападками на канцлера.

Заговорили всѣ ея газеты, заговорили извлеченные от-

куда-то компрометирующіе документы въ рейхстагѣ, и, угрожая еще болѣе серьезными мѣрами, партія требовала отставки канцлера. Это ошибка, если думаютъ, что ихъ можно запугать! Они никогда не отступятъ, никогда! Если они раньше и были готовы на кой-какія уступки, то теперь уже объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Гегенау сразу замѣтилъ, что партію особенно взволновало именно его вступленіе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ и они прилагали всѣ старанія, чтобы этому воспрепятствовать.

По отношенію же къ канцлеру они все-таки еще держались нѣсколько сдержанно, по крайней мѣрѣ, не предпринимали всѣхъ бывшихъ въ ихъ распоряженіи мѣръ, чтобы серьезно привести къ паденію канцлера. Они очевидно не теряли надежды, что имъ еще удастся сдѣлать его болѣе податливымъ. Но другія партіи хотѣли теперь этого паденія, какъ разъ опасаясь этой податливости канцлера.

Послѣ всего происшедшаго, занятіе поста министра внутреннихъ дѣлъ хотя бы и другимъ лицомъ не могло уже вернуть канцлеру потерянnаго довѣрія.

Когда Гегенау, спустя нѣсколько дней, выступилъ въ первый разъ въ рейхстагѣ уже въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, его встрѣтилъ такой несмолкаемый шумъ, что онъ не былъ въ состояніи и слова произнести. Нѣкоторые стали требовать канцлера. Къ нимъ присоединились и другіе и подъ конецъ вся зала кричала, что она хочетъ слышать только канцлера. Гегенау не могъ говорить, такъ что онъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ просить предсѣдателя закрыть засѣданіе.

На другой день было не лучше. Сначала всѣ кричали, что хотятъ услышать только канцлера. Потомъ кричали, что канцлеръ труситъ и поэтому не приходитъ. Этимъ закончился и второй день.

На третій день ревѣли уже и трибуны. Они, конечно, сейчасъ же были очищены, но это еще больше разозлило

рейхстагъ, которому трибуны на этотъ разъ были желательной подмогой. Гнѣвъ противъ канцлера разлился теперь по всей странѣ. Тѣмъ болѣе, что партія центра и рабочая начали оглашать свои «разоблаченія». И остальныя партіи не хотѣли отставать и тоже дѣлали свои разоблаченія, каждая изъ своихъ особыхъ побужденій, большею частью противорѣчащихъ другъ другу. Эти разоблаченія, къ тому же не всегда согласныя съ истиной, вносили еще больше смятенія въ и безъ того создавшійся сумбуръ. Но своей цѣли они достигли вполнѣ.

На четвертый день шумная толпа народа запрудила всю площадь передъ зданіемъ рейхстага, и громко выражала свое недовольство канцлеромъ. Когда толпа узнала, что рейхстагъ не засѣдаетъ, она двинулась дальше, къ дому канцлера. Хотя она скоро была разсѣяна, но, разбившись на небольшія кучки, она долго еще ходила по городу, останавливаясь передъ каждымъ правительственнымъ зданіемъ.

Ко времени открытія засѣданія, площадь рейхстага опять оказалась запруженной народомъ. Гегенау, который подъѣхалъ одновременно съ канцлеромъ, замѣтилъ, что тотъ выходитъ изъ незнакомаго ему экипажа. Канцлеръ, будто извиняясь, съ грустной улыбкой сказалъ, что онъ согласился сѣсть въ чужой экипажъ лишь по настоянію кайзера. Но это слишкомъ унизительно. Во второй разъ онъ этого не сдѣлаетъ.

— Сегодня будетъ особенный день,—сказалъ онъ.

Этотъ день дѣйствительно оказался для канцлера роковымъ.

Когда канцлеръ уходилъ изъ рейхстага, онъ, стараясь сохранить спокойствіе, еще немного постоялъ съ нѣкоторыми членами союзнаго совѣта, сопровождавшими его до выхода, и казалось внимательно ихъ слушалъ. Но на самомъ дѣлѣ, онъ прислушивался къ доносившемуся изъ залы глухому рокоту голосовъ.

Уже сидя въ каретѣ, онъ подозвалъ къ себѣ Гегенау,

который выходилъ слѣдомъ за нимъ, и черезъ окно экипажа сказалъ ему нѣсколько словъ. Онъ говорилъ совершенно спокойно, но Гегенау замѣтилъ, что онъ тамъ внутри какъ-то съежился и забился въ уголъ.

Съ отъѣздомъ канцлера всѣ вздохнули спокойнѣе. Начался взволнованный говоръ, и всѣ глаза устремились на Гегенау. Вѣдь теперь уже невозможно канцлеру остаться долѣе на своемъ посту, если не захотятъ довести ихъ до крайнихъ мѣръ. Весь рейхстагъ уже заявилъ, что онъ до тѣхъ поръ не будетъ засѣдать, пока канцлеръ не подастъ въ отставку. Раздались даже голоса, которые требовали разслѣдованія поведенія канцлера и даже предъявленія ему формальнаго обвиненія.

Скоро распространились слухи, что отставка канцлера принята. Нѣтъ не принята! — говорили черезъ короткое время. Все-таки принята!—передавалось еще позже.

Поздно ночью Гегенау еще долго взволнованно ходилъ по комнатѣ, ожидая, что его позовутъ къ кайзеру или канцлеру. Но этого не случилось.

На слѣдующее утро газеты знали гораздо больше, чѣмъ онъ. Но ни одна изъ нихъ не заговорила о роспускѣ рейхстага. Это показалось ему грознымъ предзнаменованіемъ.

Когда Гегенау прибылъ въ министерство, онъ нашелъ тамъ начальника тайной канцеляріи кайзера, который передалъ ему заявленіе кайзера, что никогда онъ не дастъ согласія на отставку канцлера, пока тотъ будетъ чувствовать въ себѣ достаточно силъ, чтобъ служить ему; онъ признаетъ одно условіе—болѣзнь.

Кромѣ того ему поручено передать, что кайзеръ рѣшилъ письменно обратиться къ рейхстагу, чтобъ напомнить ему объ его обязанностяхъ.

— Желаю ему счастья!—невольно вырвалось у Гегенау.

Больше тотъ ему ничего не имѣлъ передать и Гегенау отпустилъ его.

Вотъ оно пришло то, чего онъ такъ боялся! О, онъ хорошо понимаетъ кайзера! Онъ не хочетъ, чтобъ канцлеръ одинъ расплачивался за то, въ чемъ онъ чувствовалъ и свою вину. Онъ не желаетъ себѣ величія, покупаемаго цѣною страданія другого. Да, это человѣческія достоинства, которыя можно только хвалить. Но Гегенау не чувствовалъ себя призваннымъ для расточенія похвалъ этимъ достоинствамъ. Онъ видѣлъ отечество, которое ни въ какой мѣрѣ не должно было страдать хотя бы и отъ этихъ высокихъ достоинствъ.

Онъ долго ходилъ въ раздумьи по комнатѣ, пока мысли его немного прояснились. Онъ не пришелъ ни къ чему опредѣленному, но прояснились немного его сомнѣнія. Кто взялся бы теперь съ достовѣрностью сказать, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ? Онъ думаетъ, что моментъ уже упущенъ...

Обращеніе кайзера къ рейхстагу уже на слѣдующій день появилось официально во всѣхъ газетахъ, потому что оно въ то же время должно было быть обращеніемъ и ко всему народу. Но народъ вычиталъ изъ него только то, что кайзеръ оставляетъ канцлера на своемъ посту, призываетъ къ исполненію всѣхъ его требованій, но уступать ни въ чемъ не собирается.

Послѣ обѣда съ оконъ многихъ книжныхъ магазиновъ были сорваны карикатуры канцлера, потому что онъ не достоинъ больше того, чтобъ надъ нимъ смѣялись.

Вечеромъ толпа разгромила редакцію газеты, осмѣлившейся одобрить обращеніе кайзера. Въ другой части города дошло даже до столкновенія съ полиціей, которая помѣшала такому нападенію. Полиція чувствовала себя безсильной и потребовала помощи.

Ночью солдаты расположились на нѣкоторыхъ площадяхъ.

Но утромъ видъ солдатъ еще больше возбудилъ жителей, а кайзера эта мѣра такъ разсердила, что онъ прика-

залъ отозвать изъ города войская, чтобы не увеличивать озлобленія.

Только передъ зданіемъ рейхстага еще оставили солдатъ. Но мало, слишкомъ мало для ненависти, которая уже заговорила; они должны были стоять тамъ какъ пугала, и имъ было приказано не дѣйствовать силой.

Къ полудню открылось засѣданіе рейхстага, на которомъ долженъ былъ обсуждаться отвѣтъ на обращеніе кайзера. Это засѣданіе предполагалось устроить закрытымъ, но большинство депутатовъ, опасаясь недовольства своихъ выборщиковъ, предложило не закрывать трибунъ. Къ началу засѣданія входныя двери все-таки были закрыты и нѣсколько солдатъ были поставлены на трибунахъ и въ коридорахъ.

Изъ членовъ правительства никто не присутствовалъ.

Но засѣданіе продолжалось очень недолго. Еще во время вступительной рѣчи предсѣдателя, находившіеся въ залѣ, слышался какой-то глухой топотъ и движеніе. Скоро всѣ узнали, что собравшійся народъ ломится въ двери.

— Открыть!—закричали въ залѣ испуганные голоса.

— Открыть! Открыть!—ревѣли трибуны.

Всѣ вскочили со своихъ мѣстъ, наверху и внизу, и кричали одинъ на другого.

Но еще во время спора они услыхали внутри зданія шумъ, который становился все громче, все ближе,—и всѣ застыли съ блѣдными лицами.

Неужели они нашли дверь, которая оказалась не запертой?

Въ недоумѣніи смотрѣли депутаты другъ на друга, потомъ на трибуны, которые, громко топая ногами и рукоплеская непрерывно кричали:

— Не надо отвѣта!

Но вотъ шумъ послышался уже на лѣстницахъ трибунъ, уже наверху рванулись двери, и ревущая толпа ворвалась, и затопила все, что было на трибунахъ.

Вой, топотъ, крики.

— Не надо отвѣта!

Они ворвались въ залу засѣданія во всѣ двери и внесли запахъ снѣга, сырости и мороза.

— Прочь! Прочь! Не надо отвѣта!

Нѣкоторые депутаты стали прыгать черезъ скамьи направляясь къ трибунѣ, и стащили предсѣдателя съ его стула, который онъ не хотѣлъ покинуть. Онъ старался охранить достоинство и самостоятельность рейхстага, и его сѣдая борода дрожала отъ возмущенія и быстрой рѣчи.

Скоро, однако, всѣ депутаты сдавленные и подталкиваемые, должны были покинуть залу засѣданій, даже зданіе рейхстага.

А за ними въ воздухѣ все еще носилось:

— Не надо отвѣта!

Передъ зданіемъ стояли еще многія тысячи въ морозной снѣжной бурѣ.

Часть этой толпы еще тѣснилась около дома канцлера, но ее уже разгоняли, когда Гегенау туда подъѣхалъ, такъ какъ онъ былъ экстренно вызванъ канцлеромъ. Домъ находился подъ охраной усиленной стражи.

Канцлера Гегенау нашелъ въ очень подавленномъ состояніи. Говорилъ онъ съ нимъ почти шопотомъ.

— Кайзеръ плакалъ, когда узналъ о случившемся въ рейхстагѣ, — сказалъ онъ просто. — Теперь, я думаю, онъ не можетъ меня больше удерживать.

Онъ ѣдетъ во дворецъ и проситъ Гегенау сопровождать его.

— Не потому, конечно, что я боюсь...

Канцлеръ показалъ свое прошеніе объ отставкѣ, которое держалъ въ рукахъ, — это было уже третье за эти дни.

— Вы должны помочь мнѣ уговорить кайзера!..

Онъ приказалъ приготовить экипажъ и въ ожиданіи его, молча ходилъ по комнатѣ.

По дорогѣ во дворецъ они встрѣтили шествіе, которое шло въ полномъ порядкѣ. Спереди двигалась колесница съ чёрнымъ гробомъ, а за нею безконечная толпа черныхъ фигуръ: женщины, мужчины, дѣти. ни шли быстро, потому, что было холодно.

Хотя сидящіе въ экипажѣ догадались, что означаетъ это шествіе, они все-таки въѣхавъ во дворъ дворца спросили объ этомъ своего кучера.

— Это останки погибшихъ на войнѣ,—сказалъ тотъ.— Они пошли ко дворцу. Это большое шествіе...

Канцлеръ ни слова не сказалъ, также и Гегенау. Едва они вошли въ кабинетъ кайзера, какъ доложили о высланной впередъ депутаціи шествія, которая просила принять ее. Ее не хотѣли допустить, но...

— Отказать, да!—гнѣвно крикнулъ кайзеръ. Нѣтъ... примите. Я хочу убѣдиться до какихъ предѣловъ дошло бѣшенство этихъ людей.

— Я заставлю ихъ ждать, долго ждать! — подумалъ онъ про себя, но едва былъ въ состояніи выслушать до конца отчетъ канцлера о событіяхъ, разыгравшихся въ рейхстагѣ, для чего онъ и вызвалъ его. И когда онъ узналъ, что депутація уже въ пріемной, онъ сейчасъ же вышелъ съ лицомъ, на которомъ уже заранѣе были написаны тѣ суровыя слова, съ которыми онъ къ ней обратится.

Онъ очень скоро вернулся.

— Они просятъ мира!—сказалъ онъ рѣзко. — Они не хотятъ больше бояться за жизнь своихъ родныхъ, которые умираютъ не извѣстно за что. Они хотятъ мнѣ показать, какъ много здѣсь сыновей столицы. Чтобы я посмотрѣлъ... Я оставилъ ихъ стоять!..

Онъ подошелъ къ окну, чтобъ взглянуть на улицу. Но онъ больше не обернулся.

Канцлеръ счелъ моментъ наиболѣе удобнымъ для врученія своего прошенія; онъ быстро подошелъ ближе къ кайзеру и заговорилъ дрожащимъ голосомъ.

— Всѣ противъ меня!.. Друзья и недруги...—болѣз-

ненно стоналъ кайзеръ, выслушавъ канцлера.—Уже мертвые поднимаются.

— Идемте!—сказалъ онъ съ внезапнымъ рѣшеніемъ и схватилъ канцлера за руку.—Мы покажемъ, что мы, оба старики, стоимъ за одно... Это и васъ касается,—обратился онъ къ Гегенау.—Теперь всѣ и все приказываетъ. Буду приказывать и я... Или вы не хотите съ нами?..

Съ улицы доносился глухой рокотъ, а когда открыли дверь балкона, въ комнату ворвались печальные звуки похороннаго марша.

Быстро, забравъ голову въ плечи, вышелъ кайзеръ на балконъ, и оба они по его сторонамъ.

Внизу на дворцовой площади, гдѣ видно было движеніе сбѣгающихся людей, шумъ то нарасталъ, то убывалъ.

Кайзеръ поклонился медленно подвигающемуся впередъ шествію, сперва холодно, потомъ еще разъ медлительно, проникновенно.

Они долго стояли на морозномъ вѣтру, сами уже похожіе на мертвецовъ отъ холода и фіолетоваго свѣта сумерекъ, и молча смотрѣли внизъ. Уже шествіе прошло, но кайзеръ все еще стоялъ.

Гегенау замѣтилъ, какъ плечо у кайзера дрогнуло, словно его охватила дрожь. Или это двигалось за кайзеромъ бѣло-синее пятно,—борода канцлера?

Они молча вернулись въ комнату.

Молча уѣхали канцлеръ и Гегенау изъ дворца. Они уже не обращали вниманія на то, что дѣлалось на улицѣ, по которымъ они проѣзжали.

Гегенау вѣроятно потому, что ни о чемъ не могъ думать. Онъ не чувствовалъ себя еще свободнымъ отъ перенесеннаго волненія, но все уже начинало ему казаться уродливо-смѣшнымъ. И этотъ выходъ на балконъ, и эти поклоны шествію и само шествіе. Онъ назвалъ его шутовскимъ шествіемъ, и весь міръ теперь казался ему искаженнымъ гримасой.

Онъ выглянулъ изъ окна экипажа, потому что услы-

халъ снаружи безпорядочный шумъ. Они были на углу улицы, гдѣ жилъ канцлеръ. Экипажъ вдругъ съ рѣзкимъ толчкомъ остановился, и въ моментъ оказался окруженнымъ толпой, напиравшей изъ улицы.

Были слышны удары нѣсколькихъ тѣлъ, брошенныхъ къ стѣнѣ экипажа, и въ то же время стоны и крики, какъ будто случилось какое-нибудь несчастье.

Гегенау вскочилъ и увидѣлъ передъ собой яростныя лица, машущія руки. Въ это время что-то ударило въ окно передъ нимъ, вѣроятно палка, ударъ повторился сейчасъ же съ такой силой, что осколки стекла посыпались ему въ лицо и онъ долженъ былъ закрыть глаза. Онъ почувствовалъ, какъ кто-то схватилъ его за руку и оттащилъ. Потомъ онъ ясно увидѣлъ въ окнѣ человѣка, стараго человѣка, съ сѣдой бородой. Тотъ открылъ ротъ, полный черныхъ зубовъ, и указывалъ на дверь экипажа.

— Сюда!—кричалъ онъ.—Онъ внутри!

Дальше онъ не могъ говорить, потому что подъ сильнымъ ударомъ Гегенау онъ упалъ въ толпу.

Экипажъ ужъ двинулся дальше.

— Вы были не правы. Вы могли дать мнѣ умереть. Я желалъ бы этого...—услыхалъ Гегенау.

Это говорилъ канцлеръ. Но эти слова были произнесены совсѣмъ чужимъ голосомъ.

Они уже подъѣзжали къ дому канцлера.

— Впрочемъ, и такъ хорошо!—сказалъ канцлеръ, выходя изъ экипажа.

Онъ тихо пошелъ дальше. На лѣстницѣ Гегенау долженъ былъ напомнить ему, что онъ забылъ попрощаться.

Канцлеръ остановился.

— Снѣгъ выпалъ. Думаете, что будетъ холоднѣе?—спросилъ онъ.

— Да, надо ждать мороза.

Канцлеръ кивнулъ, что онъ этимъ доволенъ.

Вопросъ былъ заданъ не спроста. По крайней мѣрѣ къ

Гегенау опять вернулось волненіе, которое онъ только что испытывалъ въ каретѣ.

Канцлеръ подалъ ему руку и долго не выпускалъ руку Гегенау изъ своей.

— Берегите себя,—просилъ глухой голосъ, который, казалось, выходилъ изъ-подъ лѣстницы.

Канцлеръ, кажется, и самъ прислушивался къ этому голосу. Онъ высоко держалъ голову, и его широко открытые глаза смотрѣли не мигая.

Было ли это на самомъ дѣлѣ сказано? Гегенау не могъ не улыбнуться. Да тутъ, кажется, всѣ помѣшались—и онъ въ томъ числѣ. Онъ вдругъ замѣтилъ за собой, что самъ съ собой разговариваетъ.

— Я ужъ не выйду изъ этого дома!—внятно проговорилъ канцлеръ и медленно перевелъ свои неподвижные глаза на Гегенау.

Но взглядъ ихъ оставался пустымъ. Гегенау видѣлъ этотъ взглядъ и тогда, когда канцлеръ уходилъ. Пустой взглядъ все время слѣдовалъ за его экипажемъ.

И на другой день Гегенау все еще не могъ вполнѣ вернуться къ дѣйствительности. Онъ оставался равнодушнымъ ко всему, что приходило къ нему извнѣ. И даже не удивился, когда вечеромъ, по возвращеніи домой, онъ получилъ письмо отъ жены канцлера, въ которомъ она просила его пріѣхать немедленно, такъ какъ канцлеръ опасно заболѣлъ. Не говоря ни слова онъ сейчасъ же уѣхалъ.

Не много говорилъ онъ и съ графиней. Онъ едва понималъ, почему она такъ плачетъ, почему кажется такой безпомощной. Говорилъ съ ней о холодной погодѣ, при которой такъ легко можно простудиться, когда онъ, всегда съ такой нѣжностью относившійся къ графинѣ, могъ понимать, какъ жестоки его слова. Вѣдь онъ ужъ слышалъ, что канцлеръ никуда изъ дому не выходилъ.

Но онъ почти испугался, когда рыдающая вдругъ встрепенулась, и быстрымъ движеніемъ схватила его руки.

— Онъ!—говорила она, корчась какъ отъ боли.—Онъ! —словно боялась произнести имя своего мужа.

Подъ предлогомъ ночной работы онъ ушелъ въ кабинетъ, а затѣмъ незамѣченнымъ пробрался на балконъ... Тамъ стоялъ онъ босикомъ... въ снѣгу... можетъ быть, сидѣлъ... Утромъ она вскочила и бросилась его искать... И тамъ нашла его заснувшимъ... окоченѣвшимъ... почти замерзшимъ...

Гегенау теперь понялъ, почему всѣ въ домѣ ходили такіе смущенные, почему скрывали причину болѣзни. И почему канцлера такъ интересовалъ вопросъ о морозѣ...

Но ничто не задѣвало его чувствъ, тупо и бездушно смотрѣлъ онъ на все.

Даже тогда, когда увидѣлъ канцлера. Онъ казался похорошѣвшимъ въ лихорадкѣ, съ яркимъ румянцемъ на лицѣ, обрамленнымъ бѣлыми локонами. И, казалось, что глаза его смѣются. Да, онъ могъ теперь смѣяться! Въ бреду онъ все говорилъ о войнѣ.

Гегенау онъ не узналъ.

— Скверно! Скверно! — думалъ про себя Гегенау и тутъ же упрекнулъ себя. Вѣдь онъ не могъ утвердительно сказать, что эта жертва безполезна...

Вечеромъ всѣ узнали о болѣзни рейхсканцлера. Гнѣвное настроеніе смѣнилось болѣе кроткимъ, безпокойнымъ выжиданіемъ.

Когда на слѣдующій день Гегенау провѣдалъ больного, онъ уже не нашелъ его въ той же комнатѣ. Канцлеръ утромъ сказалъ, что онъ хочетъ кое-что увидѣть у себя въ кабинетѣ, и поежлалъ, чтобъ его перенесли туда. Явилась надежда на значительное улучшеніе, но это оказалось обманчивымъ и скоро его состояніе еще болѣе ухудшилось.

Утромъ прибылъ кайзеръ, къ полудню онъ опять пріѣхалъ и Гегенау еще засталъ его. Онъ молча ходилъ, по

привычкѣ кланялся, если кто-нибудь попадался ему навстрѣчу, и разъ даже поклонился статуѣ, принявъ ее за человѣка. Гегенау онъ, очевидно, не узнавалъ.

Положеніе канцлера было очень тяжелое.

Утромъ Гегенау узналъ, что больной безнадеженъ и что конецъ уже близокъ. Онъ поѣхалъ туда.

На лѣстницѣ онъ узналъ, что все уже кончено. Двери были широко распахнуты. У подъѣзда стояло нѣсколько слугъ; они шептались и съ любопытствомъ прислушивались къ толпѣ, которая опять запрудила улицу и теперь о чемъ-то громко спорила. Нерѣшительно стояла стража, не зная надо ли разгонять толпу или нѣтъ.

Въ домѣ была жуткая тишина.

Въ комнатѣ, гдѣ лежалъ усопшій, окна были закрыты. Графиня безсильно лежала въ креслѣ, ее пришлось унести.

Гегенау стоялъ передъ мертвымъ канцлеромъ. Одна рука его лежала поверхъ одѣяла и указательный палецъ какъ-то странно вытянулся. Гегенау не могъ смотрѣть на этотъ указательный палецъ, онъ тихо и нѣжно согнулъ его.

Сильный порывъ вѣтра ударилъ въ высокія окна. Послѣ короткой тишины послышалось опять громыханіе вѣтра и одно не плотно закрытое окно распахнулось. Вѣтеръ сталъ разгуливать по комнатѣ, шевелилъ занавѣсы и они развѣвались, какъ знамена. Снизу съ улицы онъ принесъ какіе-то громкіе крики.

Была ли это радость, былъ ли это гнѣвъ?

И тутъ Гегенау вернулся къ дѣйствительности.

Вотъ лежитъ канцлеръ, его лицо сіяетъ въ этомъ рѣзкомъ свѣтѣ, тихо шевелятся бѣлые волосы, онъ словно опять улыбается.

Тамъ все еще кричатъ, громко, безпорядочно. Это гнѣвъ! Гнѣвъ!

— Спокойной ночи, канцлеръ! Идетъ твой замѣститель. Кто унаслѣдуетъ всю эту ненависть?

V.

Смерть канцлера смутила эту ненависть и словно лишила ее своего руководителя. Все единодушіе партіи сразу распалось.

— Ждать!—кричали нѣкоторые.

Когда кайзеръ на слѣдующій день прощался съ канцлеромъ,—въ первый день послѣ его смерти онъ этого сдѣлать не смогъ,—онъ уже ѣхалъ безъ всякаго конвоя.

Гегенау за эти два дня не видѣлъ кайзера. Онъ получилъ лишь письменное предложеніе временно принять всѣ дѣла канцлера. Такъ оставалось невыясненнымъ отношеніе кайзера къ событіямъ въ рейхстагѣ.

Въ одинъ изъ этихъ дней получилось письмо отъ предсѣдателя народнаго представительства, въ которомъ онъ, выражая сожалѣніе о послѣднихъ прискорбныхъ событіяхъ въ рейхстагѣ, сообщалъ, что большинство партій проситъ не считать ихъ теперь врагами правительства. Правительство должно принять во вниманіе, что, въ концѣ концовъ, рейхстагъ принужденъ былъ къ такому поведенію.

Гегенау сердито бросилъ письмо на столъ. Этотъ предсѣдатель слишкомъ кроткій человѣкъ. Но онъ подписалъ его и послалъ кайзеру. Отвѣта онъ не получилъ.

Въ день похоронъ Гегенау долженъ былъ встрѣтиться съ кайзеромъ. Онъ испугался, когда посмотрѣлъ на него. Кайзеръ мало говорилъ и лишь сказалъ ему, что одобряетъ всѣ его послѣднія предложенія.

На похороны предполагалось никого изъ рейхстага не допускать и никого и не ждали. Но незадолго до пріѣзда кайзера прибыли представители правыхъ и просили допустить ихъ; они стояли въ сторонѣ отдѣльной группой. Кайзеръ долженъ былъ пройти мимо нихъ и по предсѣдателю сейчасъ же ихъ узналъ. Онъ видѣлъ, какъ депутаты кланялись ему, но онъ не отвѣтилъ и прошелъ мимо нихъ такъ, будто тамъ стояли деревья.

— Онъ, должно быть, плохо освѣдомленъ, ему не слѣдуетъ отворачиваться!—говорили на слѣдующій день газеты и многіе говорили теперь тѣмъ озлобленнѣе, что уваженіе передъ смертью заставляло ихъ нѣсколько дней сдерживаться. Многіе стали теперь хвалить умершаго канцлера, чтобы тѣмъ сильнѣе нападать на его преемника.

Всѣхъ волновалъ исходъ конфликта между рейхстагомъ и правительствомъ. Были слухи, что Гегенау принялъ предсѣдателя, но казалось грознымъ предзнаменованіемъ, что вслѣдъ за этимъ состоялось засѣданіе рейхстага. На этотъ разъ были приняты всѣ мѣры противъ какихъ-либо неожиданностей извнѣ, и засѣданіе прошло при почти жуткой тишинѣ.

Было плохимъ предзнаменованіемъ и то, что Гегенау одинъ появился за правительственнымъ столомъ и предложилъ переголосовать предложеніе о займѣ. Голосовать, но не обсуждать. Баллотировка прошла при гробовомъ молчаніи, она дала нѣсколькими голосами больше, чѣмъ предыдущая, такъ что, при едва сдерживаемомъ волненіи, было немедленно приступлено къ третьей баллотировкѣ.

Но предложеніе было провалено.

При рукоплесканіяхъ правыхъ Гегенау объявилъ рейхстагъ распущеннымъ.

Партія центра смотрѣла на все это, какъ на побѣду своей партіи. Но спустя нѣсколько дней имъ стало извѣстно, что и правительство добилось своего. Гегенау возстановилъ съ согласія союзнаго совѣта, принудительный законъ, по которому онъ могъ взять потребную сумму изъ текущихъ государственныхъ доходовъ съ тѣмъ, чтобы въ болѣе спокойное время урегулировать эти счеты.

Незадолго до начала выборовъ кронпринцъ снова сумѣлъ проявить себя. Въ эти и безъ того безпокойные дни, которые изъ-за приближающихся выборовъ стали особенно бурными, нѣсколько газетъ съ исключительной рѣз-

костью выступили противъ правительства и противъ кайзера.

Кайзеръ рѣшилъ, что необходимо немедленно принять мѣры, сильно ограничивающія свободу печати, но Гегенау доказывалъ, что можно считать достаточными обычныя мѣры воздѣйствія. Онъ настоятельно совѣтовалъ избѣгать особенно суровыхъ мѣръ. Въ данную минуту они принесутъ больше вреда, чѣмъ пользы. Всѣ измѣнились необычайно и если имъ воспрепятствуютъ высказываться открыто,—они найдутъ для этого и скрытые способы.

— Я совершенно не предполагалъ, что вы будете бояться раздѣлить со мной отвѣтственность!—сказалъ кайзеръ.

Гегенау потомъ узналъ, что кронпринцу удалось нѣсколько ослабить довѣріе отца къ нему. На слѣдующій день Гегенау уже услышалъ, что кронпринцъ, узнавъ, что Гегенау противъ ограниченій печати, предложенныхъ кайзеромъ, убѣждалъ отца въ необходимости и неотложности этихъ мѣръ. Онъ, правда, слыхалъ еще больше, но всему повѣрить не рѣшился.

Однако, появился указъ, значительно ограничивающій свободу печати. Появился безъ скрѣпы канцлера. Онъ касался не только газетъ, но вообще всѣхъ произведеній печати.

Какъ Гегенау и ожидалъ, эти новыя ограниченія привели къ единодушному рѣшенію всѣхъ партій для планомѣрности борьбы, отбросить всѣ разъединяющія ихъ перегородки и сплотиться во едино.

Ближайшія выборныя собранія проводились съ такой горячностью, что ихъ приходилось немедленно закрывать. Это повторялось и правительство оказалось вынужденнымъ запретить всякія собранія.

Надъ этимъ запрещеніемъ смѣялись: имѣются вѣдь улицы! Городъ—прекрасная зала для собраній!

Тамъ уже не легко было помѣшать скопленію по крайней мѣрѣ, не повсюду и немедленно. Незамѣтно останавливалось нѣсколько человѣкъ, черезъ мгновеніе ихъ становилось больше и выростала толпа. Не надо было искать ораторовъ. Повсюду сейчасъ же находился человѣкъ, который взобравшись на карнизъ дома или на подножіе памятника, низвергалъ оттуда въ толпу свои обвиненія правительству и требованія. Говорили съ крыши экипажей или съ плечъ окружающихъ.

Повсюду въ городѣ поднимались руки, размахивающія газетами, какъ флагами, газетами съ большими, среди текста, бѣлыми полосами. Они были приклеены къ домамъ, висѣли на деревьяхъ, на рѣшеткахъ. Ихъ кидали въ окна экипажей, когда предполагалось, что тамъ сидятъ министры.

Такая скомканная въ клубокъ газета была брошена и въ экипажъ Гегенау; внутри оказался довольно объемистый камень.

Было не безопасно ходить или ѣздить по улицамъ для всѣхъ, кто имѣлъ отношеніе къ правительству. Не безопасно было и въ домахъ, потому что эти комья газетъ съ камнями влетали и въ окна.

Было нѣсколько такихъ случаевъ и съ кайзеромъ.

Канцлеръ Гегенау вынужденъ былъ отложить выборы. Онъ убѣдился, что отъ выборовъ, произведенныхъ въ данный моментъ, правительство ничего благопріятнаго для себя ждать не можетъ. Онъ также хорошо понималъ, что эта мѣра вызоветъ большое озлобленіе въ странѣ, но другого исхода ему не оставалось.

Но въ тотъ день раньше еще чѣмъ стало извѣстнымъ отложеніе выборовъ, Гегенау увидѣлъ, что дѣло и безъ того заходитъ очень далеко.

Происходили первыя серьезныя столкновенія съ полиціей.

Въ ту же ночь одна газета отважилась обойти всѣ запрещенія о печати. Казалось, все, что ходило по улицамъ, являлось ея сообщникомъ. Листы газеты распространялись утромъ по всему городу, раньше чѣмъ удалось конфисковать ихъ. Изъ какого-то тайника посыпались летучіе листки, которые скоро были расклеены по всѣмъ угламъ и ходили изъ рукъ въ руки.

Пока открыли ихъ источникъ, онъ уже опустѣлъ.

Не принесло пользы и закрытіе редакціи газеты. Окружающая ее толпа съ такимъ бѣшенствомъ оказывала противодѣйствіе, что набросилась даже на призванныхъ солдатъ.

Всѣ кинулись къ дворцу; онъ уже сдѣлался центромъ всѣхъ событій.

Дворецъ былъ оцѣпленъ сильной стражей,—тамъ снова поднялся бѣшеный крикъ и неистовство; звали кайзера.

Подняли только что убитыхъ, которыхъ везли съ собой, чтобы онъ могъ видѣть ихъ. Но кайзеръ не появлялся. Собравшихся стали разгонять.

Толпа дрогнула, разорвалась и разбѣжалась. Но мертвыхъ она оставила. Четыре. Ихъ посадили на мостовую какъ разъ передъ окнами кайзера, посадили спинами другъ къ другу, чтобы они не упали.

Въ это злополучное утро ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Скоро стало извѣстно объ отсрочкѣ выборовъ; но хуже всего подѣйствовало одно слово кронпринца, которое уничтожило послѣдній остатокъ благоразумія.

Кто зналъ, дѣйствительно, сказалъ ли онъ эти слова? Кому удалось ихъ слышать и какимъ образомъ они стали извѣстны? Никто не спрашивалъ объ этомъ, никто не сомнѣвался. Оно было здѣсь то слово, оно катилось по всѣмъ улицамъ, и одна толпа кидала его другой. Было безразлично, кому онъ это сказалъ; объ этомъ разсказывали разно. Но онъ будто бы говорилъ о безумствѣ народа,

которое можно излѣчить нѣсколькими свинцовыми каплями.

Будто бы, сказалъ?—Нѣтъ! Онъ это сказалъ!

Его отецъ, кайзеръ, въ ненужной войнѣ далъ погибнуть десяткамъ тысячъ ихъ дѣтей и согражданъ! За ничто, за годы, полные нужды! Только, потому что онъ не сумѣлъ... Да, кто увѣренно зналъ, за что?

До полудня воздухъ уже былъ напитанъ этими мыслями. Казалось, растаяло все, обыкновенно разлучающее между собой всѣ многочисленныя партіи. Какъ безпорядочно они шли, они теперь стремились къ одной цѣли—къ миру.

Они запрудили всѣ улицы и во всемъ городѣ стало тѣсно. Во внутреннихъ частяхъ города всѣ магазины закрылись, какъ въ праздникъ. Это и былъ праздникъ, праздникъ гнѣва...

Сверху свѣтило кроткое солнце, далеко разстилалось ясное синее весеннее небо, иногда слегка тронутое бѣлой, словно цвѣтущая яблоня, веселой тучкой.

Не весна ли привела всѣхъ этихъ людей въ такое возбужденіе?

Гегенау только весну и чувствовалъ, когда онъ верхомъ проѣзжалъ по кривымъ улицамъ; онъ забылъ почти, какая забота посадила его на лошадь. Ему не казалось смѣшной прогулка верхомъ въ такой день и вовсе не противнымъ порядку вещей, что онъ покинулъ свое одинокое кресло канцлера и, какъ обыкновенный смертный, идетъ между ему подобными. И онъ ничего при этомъ не теряетъ, потому что приходитъ къ нимъ, какъ канцлеръ. Онъ сможетъ сказать доброе слово этимъ большимъ взволнованнымъ дѣтямъ; доброе отеческое, какое онъ иногда говаривалъ солдатамъ.

Съ торжественнымъ спокойствіемъ ѣхалъ онъ черезъ переулки прямо къ толпѣ.

Разгоряченныя головы скоро поднялись и дико посмотрѣли на одинокаго всадника. Нѣкоторые узнали его. Неужели, это канцлеръ? Почти испуганные, они уступили ему дорогу, испуганные мужествомъ ненавидимаго, который осмѣлился одинъ проѣхать черезъ гущу чудовищнаго гнѣва своихъ враговъ. Тайное уваженіе передъ этимъ мужествомъ сдѣлало его въ данную минуту неуязвимымъ. Никто изъ этой мрачной толпы, не бросилъ даже ему ругательнаго слова.

Когда онъ въѣхалъ въ середину толпы и осмотрѣлся есть ли тутъ люди, которые захотятъ его слушать, настала полнѣйшая тишина и все вокругъ такъ смотрѣло на него, какъ будто ждало отъ него словъ.

И онъ сказалъ:

— Мы же не станемъ дѣлать глупостей! — говорилъ онъ громко.—Я обѣщаю, что буду посредникомъ между вами и кайзеромъ.

Раздались голоса, что они обруганы, ни въ комъ теперь не нуждаются, но онъ замѣтилъ и такихъ, которыхъ слова его тронули.

Вотъ когда съ нимъ рядомъ долженъ былъ быть и кайзеръ!

Онъ могъ бы повторить свои слова еще нѣсколько разъ, но онъ зналъ, что они и такъ расплывутся повсюду.

Онъ поскакалъ дальше, къ тому мѣсту, гдѣ, стоя на пролеткѣ, говорилъ ораторъ. Но, не доѣзжая до него, онъ долженъ былъ остановиться, такъ какъ толпа вдругъ хлынула впередъ, и онъ оказался оттѣсненнымъ въ сторону отъ площади рейхстага, на которую направлялся.

Онъ повернулъ лошадь; онъ ничего больше не хочетъ видѣть.

Вокругъ него раздавался немолчный шумъ; передъ нимъ—сплошное сіяніе, мигающее свѣтовое пятно. Солнце кричало ему въ лицо:

— Весна! весна!

Нѣсколько воробушекъ повторяли это.

— Весна! весна!

— Канцлеръ!—Мира! Мира намъ!

Это такъ понятно.

— Канцлеръ! Воинственный канцлеръ! Нѣмой канцлеръ!

Онъ слушалъ. Еще?—Нѣтъ, больше ничего.

Онъ не зналъ, что можетъ дать ему эта поѣздка. Казалось, далеко позади ревѣло большое чудовищное животное.

Потомъ его уши замкнулись; слишкомъ много уже и такъ матеріала для размышленій.

Но тутъ онъ услыхалъ разговоръ о кайзерѣ, кронпринцѣ.

— Они уѣхали? Бѣжали? Кто это сказалъ?

Если бы кронпринцъ это сдѣлалъ,—было бы превосходно. Но отвѣтъ кайзера онъ зналъ заранѣе.

Гегенау старался пробраться къ дворцу кронпринца. Но оказалось, что вся масса, которая такъ тѣснитъ его, направляется къ тому же мѣсту.

Со стороны дворца кронпринца онъ услыхалъ какой-то колеблющійся шумъ; потомъ будто бы выстрѣлы, стоны. Стоны, которымъ не было конца. Толпа вокругъ него опять заволновалась и вытѣснила его на боковую улицу, гдѣ стоялъ домъ канцлера.

Гегенау помчался по наполненной солдатами улицѣ, къ дворцу.

Но кайзеръ не хотѣлъ съ нимъ говорить, онъ ничего не могъ сказать ему.

На обратномъ пути онъ увидѣлъ, что дворецъ кронпринца окруженъ солдатами еще больше, чѣмъ раньше. За стѣной этой стражи ворота были открыты настежь.

Гегенау въѣхалъ. По двору торопливо растерянно бѣгали слуги. На дворѣ стоялъ экипажъ. Онъ остановилъ одного изъ слугъ, передалъ ему лошадь, и быстро пошелъ къ лѣстницѣ. Но сверху шли ему навстрѣчу двѣ женщины въ густыхъ вуаляхъ, кронпринцесса и мать кайзера; онъ узналъ ихъ по походкѣ и движеніямъ. Онъ ясно увидѣлъ

за тонкой тканью горящіе ненавистью глаза, направленные на него.

— Вы погубите насъ!—бросила ему принцесса въ лицо, когда онѣ проходили мимо него.

— Это невозможно!—сказала съ упрекомъ, но спокойно, мать кайзера.

— Никого не впускать!—я сказалъ: никого!—крикнулъ сердито кронпринцъ, который стоялъ на верхней площадкѣ лѣстницы, въ черномъ костюмѣ, безъ шляпы. Онъ, словно отъ чего-то защищаясь, поднялъ руку противъ Гегенау.

— Вы этого хотѣли, хотѣли, превосходнѣйшій изъ канцлеровъ! — сказалъ онъ быстро съ пылающимъ лицомъ.

— Вы съ ума сошли! Они всѣ съ ума сошли!—подумалъ Гегенау и остановился.

— Кронпринцъ остается?—спросилъ онъ тоже надменно, когда увидѣлъ какъ тотъ, пожавъ плечами, повернулся, чтобы уйти.

— Да, онъ остается!—обернулся кронпринцъ.—Кронпринцъ остается, пока еще мечъ съ нимъ.

— Я себя ни въ чемъ не смогу упрекнуть,—сказалъ Гегенау и поклонился.

На слѣдующій день Гегенау узналъ, что большая часть возставшихъ имѣетъ оружіе, и что повсюду появились и расклеены летучіе листки, требовавшіе отставки воинственнаго канцлера и отреченія кайзера и кронпринца.

Еще пара дней и начались столкновенія. Было ясно, что возставшіе имѣютъ нѣсколько способныхъ руководителей. Они начали съ того, что напали на дома членовъ союзнаго совѣта; нѣкоторыхъ изъ нихъ схватили и взяли въ плѣнъ.

Вечеромъ депутація отъ возставшихъ пыталась проникнуть къ Гегенау. Она просила передать ему, что депу-

тація составлена изъ представителей умѣренныхъ партій, что кровь уже пролита, и онъ можетъ остановить дальнѣйшее кровопролитіе, если пожелаетъ выслушать ихъ.

Гегенау велѣлъ передать, что они явились слишкомъ поздно, что съ вооруженными онъ никакихъ переговоровъ не ведетъ.

Часовъ въ десять вечера, когда его комната была полна сановниками, которые пришли къ нему изъ сосѣднихъ министерствъ и теперь, безпомощные, боялись уйти обратно, съ улицы послышался страшный шумъ, раздалось даже нѣсколько выстрѣловъ. Гегенау вышелъ на балконъ. Двое, трое изъ посѣтителей присоединились къ нему, нѣкоторые стояли у дверей.

Страхъ, но еще больше неизвѣстность, заставилъ всѣхъ насторожиться.

Но внизу передъ домомъ все было спокойно, и неподвижно стояла стража у входа. Только на далекомъ перекресткѣ улицъ видно было темное пятно толпы, отъ которой отдѣлился небольшой отрядъ солдатъ, и приблизившись къ дому, слился вмѣстѣ со стражей. Быстро разступившись и отдавая кому-то честь, стража пропустила три, четыре темныя фигуры. Эти фигуры быстро исчезли въ подъѣздѣ его дома.

Съ тайнымъ безпокойствомъ Гегенау быстро оставилъ балконъ и, прислушиваясь, пошелъ по длинному коридору передъ его кабинетомъ; услыхавъ бѣготню по лѣстницѣ, пошелъ дальше. Тамъ сверху спускалась Иза, и что-то крикнула ему, но онъ не разслышалъ, такъ какъ къ нему подбѣжалъ одинъ изъ его слугъ и что-то торопливо говорилъ о кронпринцѣ.

— Вы всѣ съ ума сошли!—крикнулъ онъ на него, такъ какъ ничего не могъ понять изъ его торопливыхъ безсвязныхъ словъ, и быстро послѣдовалъ за нимъ.

Внизу, на площадкѣ лѣстницы, на деревянной скамейкѣ, онъ, дѣйствительно, увидѣлъ кронпринца, сидящаго съ закрытыми глазами, прислонившись къ стѣнѣ.

Неувѣренно, не осмѣливаясь приблизиться, стояли немногими ступенями ниже, нѣсколько офицеровъ и слугъ.

— Помочь!—приказалъ Гегенау вполголоса.

Онъ крикнулъ это издали, такъ какъ думалъ увидѣть раненаго.

Но кронпринцъ, вѣроятно, услыхалъ это, глаза его расширились и онъ испуганно посмотрѣлъ на приближающагося, на лѣстницу, на стѣны, и потолокъ и съ усиліемъ поднялся, упираясь руками въ спинку скамьи.

— Нѣтъ! Спасибо...—сказалъ онъ съ такимъ выраженіемъ, который явно выдавалъ его омерзеніе ко всякому прикосновенію.

Онъ сейчасъ же отошелъ отъ скамьи, глазами показалъ Гегенау, что хотѣлъ бы освободиться отъ окружавшихъ его и быстро побѣжалъ по лѣстницѣ.

— Я прошу оставить меня одного... не надолго...—просилъ онъ Гегенау уже наверху, передъ открытой дверью, еще тяжело дыша отъ быстрой ходьбы.—Никакихъ заботъ, я прошу только покоя...

Онъ уже закрывалъ за собой дверь.

Гегенау разспрашивалъ офицеровъ, которые пришли съ кронпринцемъ. Но они мало знали. Они могли только сказать, что въ боковой улицѣ услыхали какой-то шумъ, выстрѣлы, потомъ громкіе крики. Они сейчасъ же кинулись туда и, послѣ короткой борьбы, разсѣяли толпу окружавшую какой-то экипажъ, который съ разбитой передней частью былъ притиснутъ къ стѣнѣ. Рядомъ съ экипажемъ, прислонившись къ дому, стоялъ человѣкъ, въ которомъ они въ темнотѣ и изъ-за необычной статской одежды, не сразу узнали кронпринца. Они привезли его сюда, потому, что думали... онъ ничего не говорилъ.

Они предполагаютъ, что экипажъ кронпринца попалъ въ толпу, тамъ его узнали, кучера, вѣроятно, убили; экипажъ потомъ наскочилъ на домъ и кронпринцъ былъ оттуда выброшенъ или вытащенъ...

Возможно. Но какъ онъ попалъ туда? Собирался онъ ѣхать куда-нибудь? Хотѣлъ можетъ быть показать, что не боится толпы? Намѣревался бѣжать?

Не разъяснилъ это и кронпринцъ, когда Гегенау рѣшился зайти къ нему въ комнату.

Онъ уже стоялъ на ногахъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и уже казался спокойнымъ.

Первый вопросъ Гегенау былъ: не раненъ ли онъ.

— Нѣтъ, не раненъ. Меня лишь немного лихорадило, —сказалъ онъ, остановился нѣсколько поодаль отъ Гегенау и смотрѣлъ на него потемнѣвшими глазами.—Но никто не можетъ упрекнуть меня въ трусости, это случилось со мной уже здѣсь... Меня приставили къ стѣнѣ и начали совѣщаться, взять ли меня въ плѣнъ или тутъ же застрѣлить.

Его голосъ выдавалъ ту боязнь смерти, которая охватила его послѣ того, какъ опасность уже миновала.

Онъ приблизился къ Гегенау.

— Мы честные противники,—заговорилъ онъ дальше. — Я хочу говорить откровенно: мнѣ непріятно, что меня привели сюда. Мнѣ непріятно соглашаться съ вами, что я долженъ уйти. Мнѣ также непріятно просить вашего совѣта, какъ мнѣ уйти отсюда!

Гегенау сказалъ, что онъ считаетъ себя теперь отвѣтственнымъ за него, и проситъ у него же укрыться. Можно распространить слухъ, что кронпринцъ покинулъ городъ.

Но это повело лишь къ тому, что кронпринцъ на минуту открылъ свои сокровеннѣйшія мысли. Онъ объявилъ, что не можетъ оставаться здѣсь. Теперь и онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ за Гегенау и не хочетъ допустить, чтобы канцлеръ изъ-за него оказался лгуномъ. Еще меньше хотѣлъ онъ согласиться съ тѣмъ, чтобы Гегенау самъ проводилъ его за городъ. Нѣтъ, онъ самъ за себя отвѣчаетъ. У канцлера существуютъ болѣе важныя задачи, чѣмъ укрывательство принца. Но теперь онъ согласился на

предложеніе, отъ котораго раньше отказывался, находя его безчестнымъ.

Черезъ часъ онъ сидѣлъ верхомъ, въ ботфортахъ военнаго министра, покрытый простой драгунской накидкой, и съ каской на головѣ. Онъ смѣшался съ отрядомъ вызванныхъ драгунъ и поѣхалъ по бушующимъ улицамъ.

Сопровождавшій его ротмистръ долженъ былъ за городомъ найти экипажъ и вернуться не ранѣе, чѣмъ кронпринцъ будетъ въ безопасности.

Кайзеръ не звалъ къ себѣ Гегенау, но онъ все-таки рѣшился пойти къ нему.

На улицахъ, по направленію къ дворцу, онъ увидѣлъ слѣды битвы. Онъ не могъ смотрѣть на нихъ такъ равнодушно, какъ смотрѣлъ на это во время войны. И эти ужасные пушечные выстрѣлы! Брр-мъ! Бррр-мъ! Казалось, большія каменныя плиты ходятъ волнами подъ его ногами.

Можно было подумать, что кайзеръ на этотъ разъ ждалъ его. Онъ сейчасъ же его принялъ.

— Вы получили извѣстія?—полуспросилъ, полусказалъ онъ, потому что и самъ уже получилъ нѣкоторыя изъ нихъ.—Непріятель намѣревается воспользоваться нашимъ стѣсненнымъ положеніемъ,—прибавилъ онъ, безпокойно взглянувъ на Гегенау.

— Нѣтъ, это не такъ важно теперь,—сказалъ Гегенау увѣренно.—И вовсе не то привело меня сюда.

— Вы такъ увѣрены?—спросилъ кайзеръ смущенно.

Гегенау молчалъ.

Безпокойство кайзера замѣтно увеличивалось.

— Извѣстія отъ моего сына?—вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, никакихъ!

Но тишина тяготила кайзера.

— Ваше молчаніе кажется мнѣ очень страннымъ...

Онъ почти простоналъ это.

Кайзеръ стоялъ отвернувшись и тоже молчалъ.

Но эти слова вѣдь должны быть громко сказаны!

— Каждая минута уноситъ жизни,—началъ Гегенау спокойно.—Я думаю, вы уже достаточно искупили ваше нетерпѣніе.

— И ваше безуміе!

— И чужія ошибки...

Кайзеръ медленно обернулся къ нему.

— Вы думали, что я буду пугаться?—спросилъ онъ.— Я не пугаюсь. Я и не буду пугаться...

Гегенау почувствовалъ, что тономъ, какимъ сказаны слова, кайзеръ открываетъ ему всѣ пути. Онъ вздохнулъ свободнѣе.

Такъ,—онъ можетъ не слушать дальше. Кайзеръ испуганъ, испуганъ...

Онъ перевелъ дыханіе и началъ говорить; совсѣмъ не такъ, какъ онъ это обдумалъ раньше. Но чувствовалъ, что хорошо говоритъ. Онъ замѣчалъ, что его трезвыя слова имѣютъ непобѣдимую силу. Его рѣдко прерывали. Кайзеръ стоялъ почти неподвижно.

Но онъ не могъ подойти къ концу. Онъ чувствовалъ присутствіе такого сопротивленія, котораго онъ не въ силахъ преодолѣть, присутствіе невидимой желѣзной полосы. Она гнется; съ каждымъ словомъ все больше. Но не ломается. Нуженъ, очевидно, сильный, неожиданный ударъ и онъ уже сталъ думать о такомъ ударѣ.

Но тутъ случилось такъ, что этотъ ударъ нанесъ другой; Гегенау не кончилъ даже своей рѣчи.

На площади передъ дворцомъ, вдругъ раздались такіе раздирающіе крики, шумъ и бѣготня, что Гегенау прервалъ себя, кайзеръ вздрогнулъ и оба они поспѣшили къ окну.

Слышалась торопливая команда, а затѣмъ выстрѣлы. Они увидѣли, что вся площадь запружена народомъ.

Люди, казалось, росли тамъ въ числѣ съ каждымъ мгновеніемъ, сбѣгались со всѣхъ угловъ, выростали изъ

земли. Среди этого движенія загорались свѣтлыя полоски, едва можно было разслышать, что это были выстрѣлы.

Тутъ вдругъ снизу донесся одиночный протяжный крикъ, въ которомъ, казалось, звучала радость. Сейчасъ-же за нимъ послышались шумъ и бѣготня внутри дворца.

— Это... предательство!—сказалъ кайзеръ и прислонился къ столу.

Въ комнатѣ былъ уже адъютантъ и закрывалъ за собою дверь. Онъ едва сознавалъ, что дѣлалъ. Онъ поспѣшилъ ко второй двери, нашелъ ее запертой, и опять пошелъ къ первой и открылъ ее.

Въ общемъ шумѣ треска, грохота и возни доносились и отдѣльные крики, отдѣльные выстрѣлы.

Сбѣжались солдаты, нѣсколько придворныхъ и офицеровъ. Одинъ изъ нихъ успокоилъ Гегенау:

— Они не пройдутъ!

Никто не пришелъ. Но нельзя было препятствовать хозяйничанью въ другихъ помѣщеніяхъ замка, гдѣ не было возможности сразу прогнать ихъ. Но скоро пришли на помощь еще солдаты.

Когда потомъ подходили еще подкрѣпленія и всѣ взволнованно обсуждали, кто виноватъ въ этомъ событіи, кайзеръ вдругъ всталъ и, не говоря ни слова и ничего не спрашивая, пошелъ по всѣмъ ходамъ и заламъ своего замка.

Нѣсколько разъ приходилось ему переступать черезъ трупы убитыхъ. Онъ едва замѣчалъ ихъ, какъ и не видѣлъ окружающаго его разрушенія.

Но онъ вдругъ остановился передъ окровавленнымъ тѣломъ женщины, лежавшей въ одномъ изъ коридоровъ. Она еще была жива, потому что голова ея шевелилась. Онъ долго смотрѣлъ на нее, словно удивлялся, какъ она сюда попала.

— Поднять!—сказалъ онъ, осмотрѣлся нѣтъ ли тутъ врача и приказалъ позвать его.

Одинъ изъ лакеевъ толкнулъ ее ногой, раньше чѣмъ

сталъ поднимать. Раненая застонала и кайзеръ обернулся.

— Осторожнѣе! Развѣ нельзя осторожнѣе?—крикнулъ онъ съ загорѣвшимися глазами.

Самому большому разрушенію подверглась тронная зала, такъ какъ тутъ ворвавшіеся задержались дольше, чѣмъ вездѣ.

Едва кайзеръ переступилъ порогъ этой залы, какъ онъ, вздрогнувъ, отпрянулъ назадъ. Но онъ скоро овладѣлъ собой и пошелъ дальше. Ничего изъ окружающаго онъ не видѣлъ, ничего, кромѣ трона, къ которому онъ приближался неувѣренными шагами.

Хотѣлъ ли онъ убѣдиться, что то, что мелькнуло ему тамъ не было привидѣніемъ? Нѣтъ, ему это не показалось.

Мертвый ребенокъ сидѣлъ на тронѣ, лѣвая рука была завернута въ изрѣзанный чехолъ, а правая висѣла на ручкѣ кресла; голова была нѣсколько наклонена на бокъ. Широко открытые глаза какъ будто смотрѣли на блестящее золото открытой ручки трона. По худому лицу со лба тянулась красная кровавая слеза. Волосы были свѣтлые, блестящіе. Ребенку было лѣтъ пять-шесть.

Кайзеръ обернулся къ Гегенау, словно желая заговорить съ нимъ, но онъ ничего не сказалъ, только ниже опустилъ голову.

Но кайзеръ уже не хотѣлъ больше смотрѣть. Онъ повернулся и прямой дорогой съ низко опущенной головой вернулся въ кабинетъ.

Гегенау чувствовалъ, что ему больше говорить нечего. Желѣзная полоса не выдержала тяжести трупика ребенка и сломалась.

— Я хочу устроить ему красивыя похороны,—сказалъ кайзеръ послѣ долгой паузы.—Я хочу самъ пойти за гробомъ. Для ребенка я могу же это сдѣлать.

— Что я еще долженъ сдѣлать?—сказалъ онъ тихо.

У Гегенау дрожала рука, когда онъ, поощренный этимъ вопросомъ, извлекъ рукопись, которую кайзеръ до

сихъ поръ отказывался подписать. Указъ о совѣщательномъ правѣ избранной рейхстагомъ комиссіи въ вопросахъ касающихся внѣшнихъ сношеній; полное измѣненіе правилъ о дипломатической службѣ; обѣщаніе тщательнаго разсмотрѣнія вопроса о совмѣстномъ, кайзера и народа, правѣ въ рѣшеніяхъ о войнѣ и мирѣ, полное упраздненіе эпитета «подданный» и нѣкоторыя другія обѣщанія, касающіяся церемоніала.

Борьба не могла прекратиться немедленно. Она продолжалась еще весь вечеръ до глубокой ночи. Но пушки уже молчали и солдатамъ былъ отданъ приказъ не наступать, а лишь обороняться, если въ этомъ встрѣтится крайняя надобность.

Настало утро полное недовѣрія съ обѣихъ сторонъ. Солдаты недовѣрчиво наблюдали за возставшими, а возставшіе еще недовѣрчивѣе ждали нападенія солдатъ.

Въ это время уже расклеивались въ центрѣ города еще пахнувшіе краскою плакаты съ указомъ кайзера, за которыми слѣдовали и другіе съ требованіемъ прекратить возстаніе. Черезъ короткое время эти извѣстія передались и на окраины.

До полудня многіе изъ возставшихъ сложили оружіе, хотя имъ не была обѣщана полная безнаказанность. Они выдвинули еще формальное требованіе, чтобы въ знакъ полнаго примиренія, кайзеръ оказалъ свое уваженіе убитымъ.

Но Гегенау отказалъ. Онъ не идетъ ни на какія дальнѣйшія уступки. Теперь зависитъ отъ народа показать насколько онъ желаетъ быть миролюбивымъ.

Къ полудню вышли уже и газеты, теперь безъ всякихъ пробѣловъ. Къ вечеру возстаніе могло уже считаться оконченнымъ.

На слѣдующій день были объявлены сроки выборовъ,— и жизнь стала входить въ свое русло.

До наступленія выборовъ Гегенау былъ въ состояніи урегулировать свои отношенія съ союзными королевствами и надѣялся такъ поставить себя по отношенію къ противникамъ, чтобъ отнять у нихъ возможность серьезно препятствовать ему въ проведеніи его плановъ.

Оставались еще разстроенныя торговля и промышленность, массы безработныхъ и бѣдствующихъ, которые, составляли его первую заботу.

Но имъ онъ смогъ, въ концѣ концовъ, сказать слово утѣшенія, благо оно пришлось кстати. Слово—*миръ*, которые впервые появились въ газетахъ.

Это была лишь утренняя заря далекаго мира, которой онъ далъ блеснуть на мгновеніе, даже лишь сумерки, которые должны еще перейти въ зарю. И то лишь на мгновеніе. Онъ не хотѣлъ оживить всѣ надежды, чтобы не портить всего дѣла, разыгравшимся затѣмъ нетерпѣніемъ.

Побѣжденный врагъ, очевидно, еще не зналъ, насколько далеки отъ него теперь его союзники, на помощь которыхъ онъ еще упорно надѣялся. Благодаря политикѣ Гегенау между ними загорѣлся рѣзкій споръ изъ-за поссорившаго ихъ азіатскаго вопроса. И Гегенау зналъ, что ему еще разъ придется сжать желѣзныя клещи его войскъ, чтобъ окончательно убѣдить реслублику, что теперь она совершенно одинока. Это вовсе не походило на миръ.

Передвиженіе и концентрація войскъ не могло пройти незамѣченнымъ для страны,—и враги Гегенау говорили, что онъ заговорилъ о мирѣ лишь въ виду приближающихся выборовъ. И поэтому не вѣрили ему.

Но, какъ видно, многіе все-таки повѣрили въ блеснувшую имъ зарю мира, потому что канцлеръ остался доволенъ исходомъ выборовъ. Хотя послѣдніе дни выборовъ прошли бурно. Были довольно громкіе голоса, говорившіе о непріязни къ канцлеру. Особенно громки были они въ выборныхъ округахъ партіи центра, гдѣ дѣло дошло даже до серьезныхъ безпорядковъ.

Партія центра и послѣ выборовъ повела свою борьбу противъ канцлера такъ, что еще до открытія рейхстага сумѣла возстановить противъ него на почвѣ старыхъ—школьнаго и церковнаго—вопросовъ всю страну.

И едва только рейхстагъ собрался, онъ съ перваго же дня показалъ себя враждебнымъ правительству. Нѣсколько подѣйствовала примирительная рѣчь кайзера на открытіи. Но большинство бросило упрекъ правительству, что оно проводитъ бюджетъ не согласно съ желаніями рейхстага. Оно все еще требовало у кайзера отставки Гегенау, который является виною всему. Гегенау указалъ, что пожеланія рейхстага теперь, при наличности новыхъ указовъ кайзера, скорѣе во многомъ выиграли, чѣмъ проиграли, и произнесъ рѣчь, которая произвела глубокое впечатлѣніе въ странѣ. Но когда кайзеръ отвѣтилъ отрицательно на требованіе отставки канцлера и большинство прибѣгло къ своему старому средству, чтобъ подкрѣпить свои требованія—къ шуму,—выступилъ снова Гегенау и заявилъ, что рейхстагъ будетъ безъ всякаго промедленія снова распущенъ, если онъ будетъ отказываться отъ дальнѣйшей работы.

Эта угроза была выслушана при гробовомъ молчаніи, такъ какъ для всѣхъ она оказалась неожиданной. Первыми изъ этого оцепенѣнія вышли правые, которые громко стали выражать свое одобреніе канцлеру. Тутъ, словно по командѣ, поднялись лѣвые. Мира, мира, мира!—кричали они, изливая весь свой гнѣвъ въ этомъ словѣ. Скоро пристала къ нимъ и партія центра: мира, мира, мира! И съ трибуны тоже послышалось—мира, мира, мира!

Всѣ представители правительства тоже встали со своихъ мѣстъ. Военный министръ не удержался и крикнулъ въ залу, что это малодушно и низко такъ вести себя въ настоящій моментъ; его поддержалъ еще одинъ изъ министровъ и нѣкоторые члены союзнаго совѣта. Судящіе въ залѣ видѣли, какъ Гегенау съ презрѣніемъ показалъ имъ спину.

Дошло даже до столкновенія съ президентомъ, который сдѣлалъ за эти негодующіе выкрики выговоръ рейхстагу и представителямъ правительства. Послѣдніе, послѣ короткаго совѣщанія заявили, что не явятся на засѣданія пока выговоръ не будетъ взятъ обратно.

Роспускъ рейхстага казался теперь неизбѣжнымъ. Но партіи большинства не надѣялись такимъ путемъ чтолибо выиграть, къ тому же и вечернія газеты упрекнули ихъ, что они снова хотятъ возбудить всю страну,—и на этотъ разъ они уступили. На слѣдующій день президентъ взялъ свои слова обратно.

По прошествіи нѣсколькихъ дней потеряла свою остроту и борьба изъ-за канцлера. Къ тому же Гегенау въ это время познакомилъ комиссію рейхстага, составленную изъ способнѣйшихъ представителей всѣхъ партій, со всѣмъ сложнымъ механизмомъ руководимой имъ внѣшней политики. И это привело къ полному успокоенію.

На другой день Гегенау буквально убѣжалъ изъ города, какъ уже однажды сдѣлалъ это. Но какъ и тогда, онъ и теперь не достигъ того, чего искалъ: покоя онъ не находилъ нигдѣ. Это было время, когда переговоры съ враждебной республикой достигли своего наивысшаго напряженія и ей сдѣлано было такого рода предложеніе, отклоненіе котораго должно было повлечь за собой немедленное открытіе военныхъ дѣйствій.

Лихорадочное ожиданіе войны снова возбудило всѣхъ и повсюду онъ опять видѣлъ направленные на него враждебные взгляды. На каждомъ вокзалѣ, гдѣ онъ показывался, собирались люди, громко выражавшіе ему свои проклятія и въ курортѣ, гдѣ онъ предполагалъ провести два дня, его домъ приходилось усиленно охранять.

Въ первое же утро Гегенау подвергся нападенію. Когда онъ бродилъ по окрестностямъ, въ сосѣдней деревнѣ обозленный парень замахнулся на него коломъ; этотъ парень оказался призваннымъ въ армію.

Отъ республики не получалось никакихъ извѣстій, дающихъ надежду на мирный исходъ переговоровъ. И первымъ дѣломъ Гегенау, по возвращеніи въ столицу, было—испрошеніе приказа у находившагося въ путешествіи кайзера о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Скверно, все скверно!

Подъѣзжая къ рейхстагу, Гегенау уже могъ замѣтить, что этотъ день, по своему небывалому возбужденію, обѣщаетъ превзойти всѣ предшествующіе. Военный угаръ помутилъ всѣ головы. Люди наиболѣе освѣдомленные чувствовали себя особенно растерянными, когда явились на пріемъ къ канцлеру. Что онъ могъ имъ сказать? Онъ безконечно презиралъ себя, когда въ разговорѣ съ ними онъ все еще старался сохранить свою величественность и непоколебимость.

При входѣ въ залу засѣданій, всѣ глаза устремились на него. Тысячи глазъ съ мѣстъ депутатовъ и съ переполненныхъ трибунъ,—и во всѣхъ глазахъ была ненависть. Всѣ ждали, что онъ будетъ говорить о возобновленіи войны.

Но онъ не говорилъ объ этомъ и на направленный къ нему запросъ отвѣтилъ лишь нѣсколькими словами, съ увѣренностью человѣка, чувствующаго себя еще господиномъ положенія. Странно, онъ говорилъ совершенно спокойно, какъ будто и самъ вѣрилъ своимъ словамъ.

Ему совершенно не мѣшалъ этотъ прокатившійся по залу ропотъ, которымъ встрѣтили его слова и который, повидимому очень тяготилъ присутствующихъ представителей правительства. Наверху на трибунахъ всѣ повскочили со своихъ мѣстъ и только молча движеніями выражали свое неудовольствіе, такъ какъ угроза очистить залу уже была объявлена. Но когда одинъ изъ депутатовъ бросилъ Гегенау обвиненіе, что онъ желаетъ войны во что бы то ни

стало, сверху раздались крики, стукъ и топотъ ногами.

— Но мы не хотимъ ее!

Гегенау услыхалъ, какъ что-то ударило въ дерево его шопитра—пшт! пшт!—и нагнулся, чтобы посмотрѣть дѣйствительно ли это были пули. Всѣ въ залѣ встали въ волненіи и среди несмолкаемаго шума прорвался рѣзкій голосъ:

— Оставьте, оставьте! Я хотѣлъ вамъ мира!.. мира!..

Предсѣдателю едва удалось немного возстановить порядокъ, чтобы можно было разслышать слова Гегенау, когда онъ крикнулъ, что нигдѣ не сказано, что поступокъ одного безумца можетъ прервать засѣданіе рейхстага.

Сначала это вызвало смѣхъ; скоро правые начали топать ногами, выражая этимъ поздравленіе канцлеру, потому что иначе никакъ нельзя было понимать другъ друга; за ними послѣдовали лѣвые, и послѣ короткаго колебанія, и центръ. Рукоплескали на трибунахъ и Гегенау долгое время долженъ былъ пожимать множество протянутыхъ къ нему рукъ.

Странно, эти выстрѣлы совершенно переродили его. Онъ почувствовалъ, что снова становится свободнымъ отъ всѣхъ путъ, къ нему возвращается бодрость и прежняя вѣра. Странно, они казалось преобразили и рейхстагъ. Депутаты словно уже потеряли всякое желаніе слушать зажигательныя рѣчи, да эти рѣчи произносились наскоро, скомканные, безъ огня, какъ будто куда-то спѣшили.

И чего канцлеръ меньше всего ожидалъ, случилось: былъ принятъ голосованіемъ предложенный имъ законопроектъ. Обнаружилось при этомъ, что онъ располагалъ всѣми голосами правыхъ, въ средѣ которыхъ подъ давленіемъ центра, одно время существовало рѣзкое расхожденіе по отношенію къ канцлеру.

Теперь онъ можетъ доказать кайзеру, что онъ имѣетъ за собой подавляющее большинство народныхъ представителей, а не прежнее колеблющееся, случайное, которое такъ укрѣпляло кайзера въ его отказѣ. И если кайзеръ и

былъ старъ и, какъ говорилъ, нуженъ болѣе молодой мозгъ, чтобы находить эти новые порядки желательными, то и онъ долженъ теперь согласиться, что для его отказа отпала и эта важнѣйшая причина.

Но случилось еще болѣе значительное. Когда предсѣдатель уже взялся за звонокъ, чтобъ закрыть засѣданіе, явился вдругъ секретарь Гегенау, улыбающійся и разгоряченный отъ быстрой ходьбы, и со странно блестѣвшими глазами, передалъ ему бумагу.

Гегенау глубоко перевелъ дыханіе и подошелъ къ трибунѣ.

Предсѣдатель задержалъ его, чтобы еще разъ выразить свое поздравленіе счастливымъ исходомъ покушенія.

— Какія теперь поздравленія, старина!—хотѣлось сказать ему.

— У меня есть для васъ благодарность! — крикнулъ онъ и долженъ былъ пересилить себя, чтобы не поднять руки, какъ онъ это дѣлалъ, когда объявлялъ батареѣ свою команду.

— Господа! я только что получилъ извѣщеніе о томъ, что республика даетъ свое согласіе на миръ!

— Пустой звукъ!

— Жалкія слова!

— Все-таки?

— Что? Что?

Развѣ онъ недостаточно сильно произнесъ это? Они не понимаютъ его? Онъ же самъ слышалъ, какъ его громкій голосъ отдавался на противоположной стѣнѣ.

Гегенау обернулся,—какъ тамъ приняли это извѣстіе?

Вотъ оно! Грянуло внезапно, словно грохотъ выстрѣла; прогремѣло отъ лѣвыхъ до правыхъ и покатилось наверхъ, къ переполненнымъ трибунамъ.

Это сейчасъ же передалось и на улицу—или это были тѣ же посѣтители трибунъ? Онъ проѣзжалъ мимо длинныхъ рядовъ ликующихъ людей.

На другой день его вездѣ на улицѣ встрѣчали радостныя толпы народа, его забрасывали цвѣтами. Утромъ онъ покинулъ столицу. Но повсюду его ожидали тѣ же торжественныя встрѣчи.

Въ университетскомъ городѣ, куда онъ прибылъ въ полдень и гдѣ собирался остаться до слѣдующаго дня, онъ долженъ былъ согласиться на шествіе съ факелами, которое было устроено въ честь его студенчествомъ и гражданами.

Вечеромъ онъ спустился въ садъ своего отеля, расположеннаго въ центрѣ города на большой площади.

— Я скоро приду къ заключенію, что любовь, когда она переходитъ въ назойливость, переносится не легче, чѣмъ ненависть, — сказалъ онъ Изѣ, сидѣвшей рядомъ съ нимъ.

Съ задней стороны сада, показались толпы двигающихся тѣней и замигали мрачно-красные отблески факеловъ. Гремѣла приближающаяся музыка. Шествіе подходило.

Тимъ! Тимъ!—звенѣли громко и ясно уже близко отъ канцлера первые инструменты, промелькнули первые флаги, загремѣли привѣтствія гражданъ, и потянулись длинные ряды. Потомъ пошли студенты.

У Гегенау все помутилось отъ этого обилія колеблющагося свѣта, его глаза и мысли перебѣгали по большой площади, на которую продолжали двигаться все новые ряды. Онъ взглянулъ на Изу и улыбнулся: на ней густо осѣла носившаяся въ воздухѣ копоть. Но вотъ съ площади раздался новый взрывъ привѣтствій. Все еще улыбаясь Гегенау отвѣчалъ кивкомъ головы. Но ему показалось страннымъ, когда онъ увидѣлъ, какъ что-то сверкнуло ниже горящихъ факеловъ, и сейчасъ же опять потухло, разъ, другой. Три раза. Въ то же время онъ почувствовалъ, какъ что-то слегка ударило его въ грудь.

Что они кричатъ тамъ? За музыкой ничего не слышно. Смѣшно думать о выстрѣлахъ!

Но тамъ что-то случилось. Кто-то кинулся къ стѣнѣ, за нимъ побѣжали. Онъ что-то кричитъ, а они машутъ надъ нимъ кулаками.

Какъ? Что онъ кричитъ? Онъ мстилъ!

Гегенау обернулся къ Изѣ.

— Это ты?—спросилъ онъ, но она почему-то отвернулась.

— Я не раненъ!—закричалъ онъ во всю силу своего голоса.—Успокойтесь! Не останавливайтесь! Дальше! Дальше! Не задерживайте шествія.

Съ площади раздались громкіе, радостные крики.

Гегенау удалось возобновить шествіе. Преступника задержали. Гегенау не хотѣлъ видѣть его, пока не кончатся празднества.

Тутъ онъ замѣтилъ, что ему труднѣе стало дышать. Онъ медленно украдкой опустился на стулъ, чтобъ этого никто не замѣтилъ.

Онъ услыхалъ, какъ Иза около него что-то испуганно говоритъ. Нѣтъ не около него, откуда-то издалека.

Да, онъ не можетъ скрыть.

— Задѣло! Немного задѣло!—признался онъ.—Но ничего, можно подождать.

Онъ слыхалъ какъ послали за докторомъ. Онъ только улыбнулся. Теперь не легко будетъ найти врача.

Потомъ заговорили о томъ, чтобъ прекратить музыку. Но онъ такъ гнѣвно посмотрѣлъ на всѣхъ, что никто не тронулся съ мѣста.

Онъ съ усиліемъ думалъ о томъ, какъ ему справиться съ тяжелымъ дыханіемъ, потому что хотѣлъ сказать что-то Изѣ. Тутъ онъ замѣтилъ, что у нея почему-то два лица. Это уже глупо.

Нѣтъ, онъ позоветъ слугу.

Но они сами пришли, какъ много ихъ,—два, три, четыре. Они взялись за его стулъ, чтобъ понести.

Ха, ха!.. Какъ еще сильны его глаза! У нихъ сейчасъ же опустились руки!

Онъ кивнулъ слугѣ, чтобы тотъ нагнулся къ нему и онъ что-то прошепталъ ему.

— Приказали потушить лампы!—передалъ слуга Изѣ шопотомъ.

Гегенау видѣлъ, какъ гаснутъ лампы и онъ сидитъ въ темнотѣ. Надъ нимъ кружится вѣнокъ изъ звѣздъ. Нѣтъ, —не звѣзды—факелы, онъ это зналъ. Но это все-таки звѣзды. Онѣ летятъ вверхъ и внизъ и порхаютъ во всѣ стороны. Но почему отъ нихъ столько копоти, что трудно становится дышать?

Вотъ звѣзды заиграли его любимый маршъ.

— Хорошо, хорошо!—сказалъ онъ.

Онъ сидѣлъ совсѣмъ спокойно, прислонившись къ спинкѣ стула. Но голову онъ держалъ прямо. Онъ долженъ все перенести. Какъ канцлеръ онъ долженъ все перенести и кланяться. Онъ сидѣлъ спокойно и кланялся.

Но вотъ его испугалъ звонъ колоколовъ.

— Кто, кто заговорилъ здѣсь о мирѣ?—спросилъ онъ громко.

Окружающіе переглянулись.

Онъ полонъ былъ смѣха. Онъ ихъ обманывалъ, все-таки обманывалъ!

Онъ опять сидѣлъ спокойно. Тѣ на площади ничего не замѣтили, у нихъ были глаза полны дымомъ и за мельканіемъ факеловъ имъ казалось, что канцлеръ кланяется имъ. Они прошли мимо, флагъ за флагомъ, пока не умолкъ послѣдній крикъ.

Когда все смолкло вокругъ, Гегенау широко открытыми глазами смотрѣлъ на пустую площадь, по которой ползъ еще дымъ отъ тысячей брошенныхъ огарковъ факеловъ, такъ что казалось, будто горятъ камни. Они почему то подпрыгивали эти тлѣющіе огоньки.

Онъ услыхалъ издали шумъ, приближающейся толпы. Онъ хотѣлъ улыбнуться, но когда раскрылъ крѣпко сжатые губы, раздался стонъ. Но онъ все-таки улыбался. Онъ узналъ нѣчто новое. Можно обмануть и смерть, которая

здѣсь близко коснулась его. Онъ этому вѣрилъ, вѣрилъ. Въ полудремотѣ онъ слыхалъ, какъ кто-то надъ нимъ повторилъ то же самое.

Вдругъ насталъ день, сіяющій, свѣтлый день. Въ его сіяніи онъ увидѣлъ нѣсколько лицъ, слышалъ голоса. Одинъ изъ нихъ особенно громкій. Иза! Конечно, Иза! Но когда онъ повернулся, онъ увидѣлъ, что на него смотритъ другое лицо, нѣтъ не Изы.

А! И кайзеръ тутъ? Было странно видѣть его такъ близко.

Но тотъ только смотрѣлъ на него, со странной серьезностью и ничего не говорилъ. Почему онъ ничего не говоритъ?

— Что они съ вами тамъ сдѣлали? — услыхалъ онъ, наконецъ, его шопотъ, совсѣмъ не такой царственный, какъ всегда, и почувствовалъ его руку на своей.

Гегенау ощутилъ приливъ бодрости.

Я забылъ... отмѣнить смерть!—отвѣтилъ онъ, не задумываясь.

Кайзеръ улыбнулся.

— Вы это еще сдѣлаете!—сказалъ онъ.

Улыбался и Гегенау.

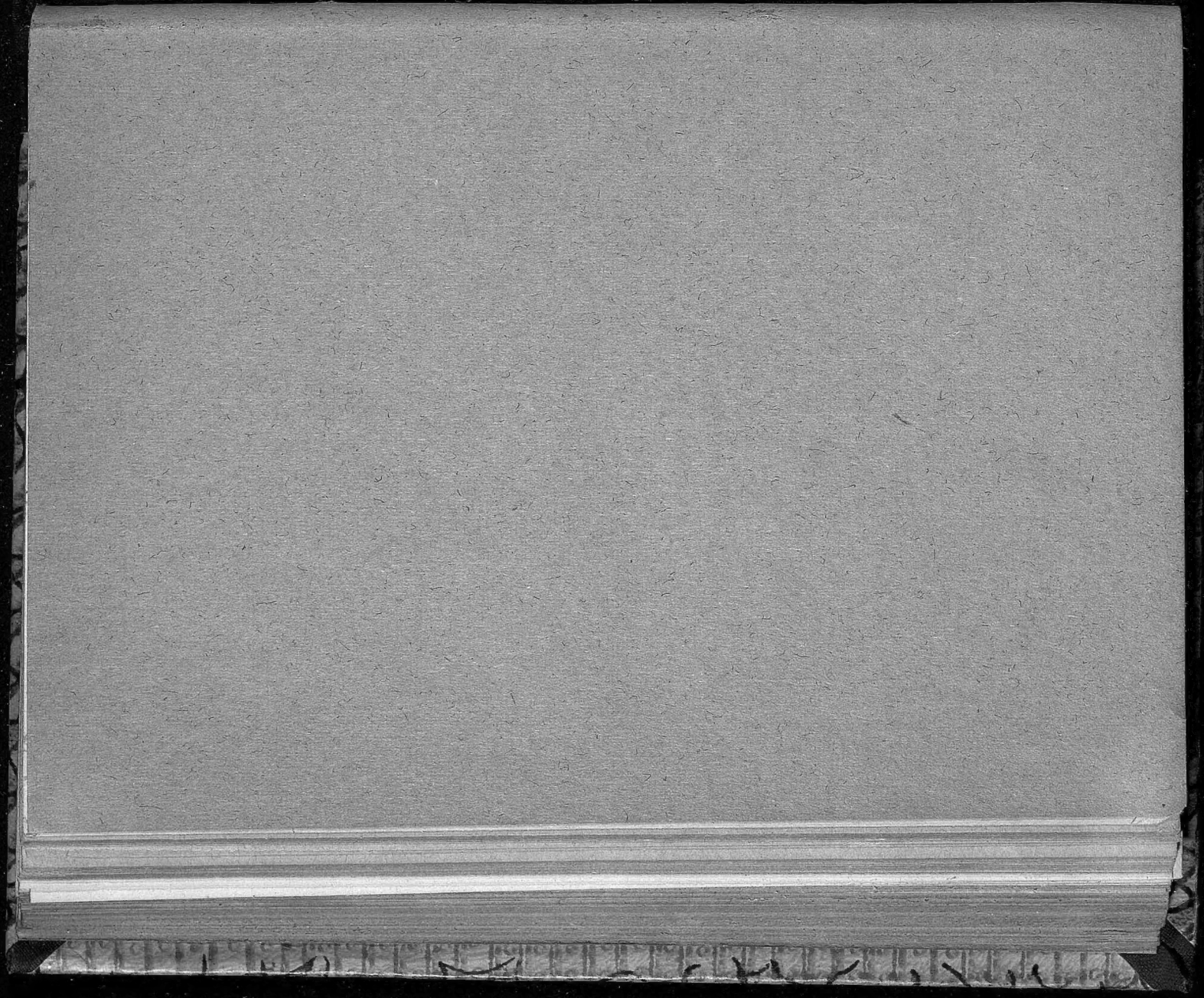
Цѣна 1 р. 50 к.

Сенсаціонная новинка!!

РОМАНЪ-ПРОРОЧЕСТВО.

Предсказаніе о судьбѣ Германіи.

Незадолго до войны вышелъ въ свѣтъ романъ, принадлежащій перу извѣстнаго писателя Макса Людвига, обратившаго на себя сочувственное вниманіе критики и читателей. **Романъ Макса Людвига представляетъ собою попытку приподнять таинственную завѣсу будущаго, гдѣ онъ даетъ чрезвычайно мрачное предсказаніе о будущ. судьбахъ Германіи.** Опасаясь, что его новый романъ придется не по душѣ германскимъ властямъ и можетъ стоить ему тюремнаго заключенія, онъ говоритъ не о Германіи, а просто о „государствѣ", Вильгельма II называетъ „кайзеромъ", имперскаго канцлера Бетманъ-Гольвега—„канцлеромъ", Францію—„краснымъ государствомъ", Англію—„синимъ" и Россію „зеленымъ".

Издательство „ОСВОБОЖДЕНІЕ".

Петроградъ. Невскій, 92.	Тел. 48-48.
„ Садовая, 12.	„ 221-42.
Москва. Б. Никитская, 15.	„ 127-48.